

Бальдр

и
Тёмный бог

В прошлом я был ярлом и великим воином. Но предательский удар в спину отобрал у меня все — титул, земли, богатства, женщину...

Мне суждено было кормить червей в земле, если бы не колдунья, что вдохнула в меня жизнь и обязала защищать этот мир от тёмных тварей. И я выполню ее просьбу... Но сначала верну себе украденные воспоминания, узнаю, кто осмелился предать меня и отправлю его на корм йотунам!

Читатель, добро пожаловать в тёмный мир древней Скандинавии, во времена, когда боги были людьми.

Ярослав Титарев
Бальдр и Тёмный бог

Глава 1. Очнись, Бальдр!

Я брёл среди льдов и крошечного мрака. Холодный ветер обжигал лицо, пожирал руки и ноги. По животу текла липкая, ещё чуть тёплая кровь. Я приложил руку к рёбрам.

— Проклятье, как же больно!

Боль мучила меня, крутила, истязала беспрестанно. Бок пекло, словно к нему приложили раскалённые угли. Но физическая боль была лишь малостью. Мне было страшно: я был один, кругом — тьма. Покинутый и забытый, я волочил ноги по ледяной пустоши, пытаюсь вспомнить, кто я. Но не мог. И от этого делалось ещё страшнее.

Я сильнее прижал руку к ране, стараясь совместить рассечённые края.

— Меня убили! Зарубили топором, как пса! — прорычал я.

Меня затрясло от злости и бессилия. Я упал на колени, на твёрдый колючий лёд и вцепился ногтями в его обжигающую поверхность.

— Очнись, Бальдр! — прозвучал хриплый голос будто из-под земли.

Перед глазами поплыли видения, обрывки воспоминаний прошлой жизни. Они несли свет и утешение, и я тут же ухватился за них. Мне привиделась светловолосая женщина. Она склонилась надо мной, я ощутил запах летних лугов и горных цветов. Её поцелуй был нежным, трепетным и оставил на губах горячую тягучую влагу. Я притянул женщину к себе за бёдра, ощущая, как в животе разрастается огонь: сумасшедшее пламя! Через миг я испытал блаженство, разлившееся по всему телу. Женщина, лицо которой я не помнил, вновь мягко поцеловала меня, и я обратил внимание на мерцание амулета с красным камнем меж белых сладких грудей. Потом она отдалилась. Сначала я перестал чувствовать её тепло, потом — запах. Тело её больше не белело под моими смуглыми руками. Мне вновь стало очень холодно и одиноко.

Правый бок отозвался болью — я зажмурился, чтобы стерпеть мучение. А когда приоткрыл глаза вновь, то вместо амулета с красным камнем увидел пламя одинокой лампы, висевшей под низким потолком. Глаза, давно не видевшие света, заслезились, и я опять зажмурился.

— Бальдр, — прошептал скрипучий старческий голос. — Бальдр, ты слышишь меня? Если слышишь, сожми мне руку.

Я слышал противный скрежещущий голос, но шевелиться не хотел. Не хотел отпускать видение женщины, принёсшей мне самое большое счастье, какое я только знал. Как её зовут? Проклятье! Я не мог вспомнить.

— Очнись, Бальдр! Ну, не стони так. Тебе не положено стонать! — снова прохрипел кто-то надо мной.

Я почувствовал мерзкий запах мертвечины и сморщился, борясь с тошнотой. Что-то вонзилось в рёбра, это было так больно, что я дёрнулся и застонал. Я услышал свой голос! Жжение от раны становилось всё ярче и окончательно вернуло к реальности. Нехотя я открыл глаза и разглядел над собой седую старуху. Она зашивала мне рану.

— Кто ты? — выдавил я.

— Да, теперь ты меня ни за что не узнаешь! — усмехнулась старуха. — Я Йорунн... Помнишь меня?

Это имя мне совершенно ничего не говорило. Увидев моё замешательство, старуха вытянула морщинистое лицо и присвистнула:

— Надеюсь, скоро вспомнишь!

Честно говоря, мне было плевать, кто она. Старухи не горячили моё сознание. Больше всего я тревожился оттого, что не помнил, кто я сам!

— Кто я? — прорычал я.

Горло саднило, будто я наглотался камней. На зубах скрипела земля.

— Ты ярл Бальдр! Великий воин! — с благоговением протянула Йорунн, зацепив иглой край раны.

Я вновь застонал и попытался отодвинуться от несущих боль прикосновений.

— Тише не двигайся, пожалуйста, а то я не смогу зашить. А если не зашить, то ты будешь цеплять рёбрами ветки, и мухи будут липнуть на твоё мясо — думаю, оно тебе не надо.

— Что случилось? Как я здесь очутился?

— Я подняла тебя из мёртвых, — ответила Йорунн.

От слова «мёртвый» я вздрогнул. Воспоминания о пронзительном одиночестве, о холоде и тьме подняли дыбом волосы на теле — забегали мурашки. Как же там было плохо! Хорошо, что никто не видел, как я униженно падал на колени, подумал я.

Я уставился на пламя масляной лампы, висевшей на цепочке над головой, и не хотел отводить взгляд от живого огня.

— Наверное, у тебя была причина вернуть мёртвого? — проговорил я, немного помолчав. — И причина, наверняка, немалая?

— Ты догадлив, милый! — произнесла старуха. — Над страной нависла угроза: печать с древней горы снята, и из-под неё, из тёмного мира, лезут йотуны и варги. Они заполонили леса! Губят людей! Ни один земной клинок не способен пробить их шкуру. Только Эйсир, твой меч, который подарил тебе отец, меч принесённый из иного мира, может их сокрушить! Хёрд приказал мне вернуть тебя, чтобы ты указал, где меч.

Йорунн нависла над моим лицом, я почувствовал запах из её рта. На удивление это был не старушечий поганый запах — от неё пахло сыром и мёдом. А мертвечиной, как я понял, воняло от меня.

— Скажи, куда ты дел свой меч? — Глаза Йорунн горели тревогой, и я позавидовал ей — в старухе теплилось столько стремления и живой силы, сколько не было у меня — великого воина!

— Я не помню ни меча, ни Хёрда, ни тебя! — разозлился я, остро ощущая свою немощь.

Йорунн бессильно вздохнула.

Я повернул голову в бок, к погруженной во мрак стене дома. Вновь образовалась тишина, и на меня накатила страх, в котором я существовал в загробной жизни. Но ветер ударился в закрытые ставни и завыл над крышей. Я живо ощутил, что мир вокруг был живым, и только тогда я успокоился.

Дом, в котором мы находились, был сложен из камня. Комната выглядела пустой. Не считая стола в самом центре, на котором я лежал, другой мебели не было. На стенах были развешаны полки, и на них стояли пузырьки из тёмного стекла. Осмотревшись по сторонам, я бросил взгляд на своё обнажённое тело. Кожа была серой, грязной, с налипшими ошмётками то ли одежды, то ли сажи.

Йорунн потянула на себя иглу, второй рукой подняла нож и обрезала нить. Хромым шагом она проковыляла к моим ногам и склонилась над бадьёй, что стояла у меня меж ступней. Над бортиком бадьи разбежался прозрачный водяной пар.

— Интересно, удастся ли тебя отмыть? — усмехнулась старуха, отжав мокрую тряпицу, и принялась тереть ею мои ноги.

Мне стало мерзко. Если бы меня трогала молодая женщина, я бы не противился, но прикосновения старухи вызвали тошноту.

— Дай я сам! — я попытался сесть и перехватить руку Йорунн.

Но сил подняться у меня не достало, я с грохотом рухнул назад на стол.

— Лежи, Бальдр! — приказала Йорунн. — Не двигайся! И не смущайся, раньше ты мне и не такое позволял.

Я не хотел даже представлять, о чём она говорила. Я закрыл глаза и, гоня прочь мысли, принялся наслаждаться горячим теплом, ласкающим измождённое тело. Кровь пришла в движение, и вены зачесались. Это было приятное чувство — чувство жизни! Я наконец согрелся, и меня потянуло в сон. В настоящий человеческий сон.

— А что это за место? — вялым голосом спросил я. Мне не хотелось провалиться в небытие именно сейчас, когда я только что обрёл жизнь!

— Мы у меня в усадьбе, недалеко от Песчаного берега.

— Давно я был мёртв? — поинтересовался я.

— Десять лет, — протянула Йорунн, вновь смочив тряпицу в тёплой воде, и перешла на другую сторону стола. — Люди Хёрда извлекли тебя из кургана и привезли сюда, ко мне. Хёрд верит, что ты сможешь помочь. Другой надежды у нас нет.

— Кто такой Хёрд? — фыркнул я.

Меня так злило то, с каким почтением Йорунн называет это имя! Кто такой этот Хёрд, который решает быть мне среди живых или среди мёртвых?!

— Ох, ты всё забыл, — вновь вытянула лицо Йорунн. На её глазах мелькнуло волнение. — Он твой брат и конунг!

Я громко хмыкнул. Старуха отвела взгляд и принялась усиленно тереть моё бедро.

— Похоже, твоя кожа до конца не отмоется от черноты, — пробормотала она. — Смерть не бывает без последствий...

Йорунн отложила тряпицу в сторону и накрыла меня тёплой шкурой прямо на столе. Тяжесть меха сковала моё разгорячённое злое дыхание.

— И от чего же я умер?! — прошипел я.

— Я очень устала. Сегодня больше ничего тебе не скажу. Поспи, и я посплю.

Йорунн сняла лампу с цепочки и ступила на порог.

— Подожди! — воскликнул я, напуганный тем, что останусь один в темноте. — Оставь лампу!

Старуха понимающе кивнула, поставила лампу на полку и скрылась в проходе. Я погрузился в сон.

* * *

Меня разбудил скрип двери, и я тут же открыл глаза. Ко мне приблизился воин со светлой бородой, заплетённой в косу, и очень озадаченным лицом. Под мышкой он держал свёрток тряпья, а в руке — кожаные башмаки.

— Ярл Бальдр, — поклонился он. — Рад видеть тебя во здравии! Я Торир...

Воин осёкся, скользнув взглядом по моему, видимо, отвратительному лицу, и тут же

отвернулся.

Я откинул с груди шкуру и, почувствовав прилив жизненных сил, резко сел. Но натянувшиеся швы на боку причинили боль заставили быть осторожнее. Я поглядел на живот и на бок — и содрогнулся. На мне были раны от топора. Меня зарубили, как свинью!

Перед глазами возникло видение. Сверкнула смертельная сталь. Я стоял, окружённый людьми, и мне некуда было бежать. Ко мне вышел воин в шлеме, скрывающим лицо, и занёс топор. Я услышал хруст собственных рёбер. От силы удара я упал. Убийца ударил меня ещё раз, лежащего и безоружного, а потом и ещё... Но я не чувствовал ничего, кроме глубочайшей досады.

Торир положил вещи рядом со мной, и я вышел из задумчивости.

— С кого ты снял эти старые вонючие тряпки? — проворчал я, взяв рубашку и сунув в неё руку. Ткань туго обтянула мышцы. — Явно не угадал с размерчиком!

— Это твоя одежда, ярл, — ответил Торир. — Йорунн сохранила её с былых времен.

— Ух, похоже раньше я был помельче.

— Не удивительно, — скривил лицо в усмешке Торир. — Ведь ты мертвец! А мертвецы пухнут!

Торир вёл себя настороженно, не глядел мне в глаза. И я подумал, что тому может быть лишь две причины. Первая — я действительно мерзко выгляжу. Но бывалый воин, каким показался мне Торир, наверняка видывал и похуже. Вторая причина, подумал я, могла быть в том, что Торир опасается моих поступков, мои воспоминаний. Да, вот он стоит и косится на то, как я натягиваю гетры и башмаки, его рука лежит на поясе, готовая выхватить меч. Парень не на шутку напуган.

— Кто ты, Торир? — спросил я, выпрямившись. — Ты хирдман моего брата Хёрда?

Воин утвердительно кивнул.

— Да, мы были с тобой слегка знакомы. Несколько раз встречались на пирах, но благо ни разу в битвах, — пожелал уточнить он. — Я был ещё юнцом, когда тебя... убили. Память вернулась к тебе? Йорунн сказала, что ты ничего не помнишь.

— Не помню, — ответил я. — Но не скажу, что совсем ничего. Я жутко голоден. Есть что пожрать?

Я прошёл вслед за Ториром в соседнюю комнату. Она была попросторнее. Под крышей светились отверстия, в центре камнями был выложен длинный очаг. Я ощутил запах тушёного мяса, хлеба и сыра, и живот заурчал. Я готов был съесть целую корову!

Торир снял крышку с глиняного кувшина, который стоял на столе, и, наполнив кружку белой жидкостью, протянул мне.

— Это скир, выпей. Йорунн сказала, что твёрдую пищу тебе пока нельзя.

Запах соли и кислого молока соблазнил меня. Я задрожал от усилившегося голода и жадно опустошил кружку. Но скир оказался вовсе не таким вкусным, как я ожидал. Он напомнил вкус глины, на зубах почудился скрежет земли. Мне стало противно, и я не сумел проглотить последний глоток, сплюнув на пол.

— А он не испортился? — сморщился я.

— Скир не портится, — хмыкнул Торир. — Время только делает его лучше!

Я ещё раз сплюнул и вытер рукавом язык и бороду.

— Идём, ярл, нам нужно ехать, — позвал Торир, отворяя дверь на улицу.

Мы вышли во двор. Унылое низкое небо висело над крышей, а за земляной оградой усадьбы высилась гора, вершина которой утопала в белом облаке.

Из-за угла с грозным рыком вылетела мохнатая псина и набросилась на меня. Я вздрогнул от неожиданности, но не попятился. Я успел подхватить прислонённую к стене деревянную бадью и ударил пса в распахнутую челюсть. Удар опрокинул зверя на землю. Пёс заскулил, но быстро вскочил на ноги, угрожая окровавленным оскалом. Торир извлёк меч и замахнулся на собаку.

— Уймись, гадина! — выругался он.

Пёс утробно зарычал и отбежал за угол дома.

— Неплохо для мертвеца! — раздался голос из-за моего плеча.

Я обернулся и увидел надвигающегося на меня высокого светловолосого воина.

— Торир, привяжи пса! — указал воин соратнику, а потом обнял меня за плечи. — Бальдр! До конца не верил, что смогу вновь увидеть тебя!

— Ты был мне другом? — я вгляделся в его лицо, стараясь что-нибудь вспомнить. Его немолодое лицо и подёрнутые сединой виски ни о чём мне не говорили. Но всё же я был ошеломлён человеческой близостью, и даже выронил из рук бадью.

— Ах, нет, я был тебе врагом! — рассмеялся воин. — Я — Олав! Ты что и правда ничего не помнишь? Я не решился идти к тебе первым, думал, ты меня ухлопаешь, и лишь потом станешь говорить! И потому послал Торир. Мы любили с тобой повоевать, братец! И я действительно очень сожалел, когда тебя убили!

— Надеюсь все мои враги были похожи на тебя, — усмехнулся я, уперевшись лбом в лоб воина.

Он выпустил меня из объятий.

— Сейчас мы подготовим лошадей и отправимся к конунгу Хёрду, — проговорил Олав. — Он велел привести тебя к нему, когда Йорунн... поднимет тебя.

— Кстати, а где старуха? — Я пошарил глазами по двору. — Не хорошо уйти, не простившись.

— Она спит, и будет спать ещё много дней, — сказал Торир. — Обряд потребовал много сил. Она ведь не старуха, ты знаешь? Йорунн была молода, но договор с Хель, чтобы она отпустила тебя, стоит дорого.

Я растерялся, ноги подкосились, и я уселся на скамью, стоявшую возле крыльца.

— Йорунн была молодой? — удивился я. — И отдала свою молодость за возможность вернуть меня из могилы?

— Именно, — кивнул Олав.

— Видимо, у вас тут дела действительно плохи...

— Поверь, молодость одной женщины ничего не стоит, когда под угрозой вся страна: все мужчины, женщины и дети, — яростно блеснул взгляд Торира.

Холодный ветер трепал мне волосы и пробирался под полы плаща. Начинал накрапывать дождь. Я глядел на небо и чувствовал, как оно всё сильнее давило на меня. Я вспомнил холодный ветер Хельхейма и чувство невыносимого одиночества. Быть мёртвым вновь мне совершенно не хотелось.

— Что ж, — вздохнул я, поднимаясь. — Поедем, посмотрим на моего брата конунга. Может быть, в пути память ко мне вернётся.

Мы подошли к конюшне. Торир вывел лошадей, и все они взволнованно заметались, заржали и поднялись на дыбы.

— Тише, тише! — воскликнул Олав, схватив одну из них за поводья.

Торир зло хлестнул вторую и выругался. Я хотел помочь с третьей, но понял, что

причиной их волнения был я сам — мертвец, поднятый из могилы.

Я отошёл в сторону. Торир продолжал хлестать бедную лошадь.

— Ладно, ладно, не бей её! — проговорил я. — Они напуганы, но в этом нет их вины.

Когда я отделился достаточно, кони присмирели.

— Похоже придётся мне идти пешком, — невесело хмыкнул я.

Олав и Торир поглядели на меня, а потом друг на друга, и во взгляде их было много тревоги.

— Это будет медленно! — буркнул Торир. — До ночи к жилью не дойдём, твари выползут из щелей и нападут на нас!

— Что ж, у нас нет выбора, — проговорил Олав. — Пойдём лесной дорогой, разведём костры. Огня они боятся.

— Какие же вы трусливые! — воскликнул я. — Тоже мне хирдманы конунга!

Я запахнул плащ и первым двинулся к воротам.

— Далеко топать до моего братца? — оглянулся я на спутников, которые всё ещё стояли в нерешительности. — Идёте?

Олав намотал поводья моего коня к луке своего седла и тронулся. Торир затянул ремни на тюках своей лошади и направился следом.

— До Тронхейма несколько дней пути, — мрачно сказал Олав.

* * *

Мы шли по вязкой от грязи дороги, я перепачкался по колено в глине. На какое-то время обнажилась угольно-чёрная вершина горы, которая была видна из усадьбы Йорунн. Гора меня поразила правильностью формы. Но долго любоваться не пришлось: хмурые облака вновь закрыли её собой.

Пока мы шли, я долго размышлял о том, кем я был, как я жил прежде и за что был убит. Но расспрашивать своих спутников я не решался, опасаясь того, что они раскусят мою слабость или попросту солгут, ведь они не были мне друзьями.

Дорогу обступили тонкие деревца с поросшими мхом стволами. Ветви их были изящно переплетены между собой. Чем дальше мы шли по дороге и углублялись в чашу, тем крепче и выше становились деревья, но даже самые крепкие из них едва ли превышали рост два человеческих роста.

— Давай встанем здесь, — сказал Торир, нервно почёсывая бороду. — Нужно запастись дровами.

Олав кивнул.

Я был счастлив услышать о привале, потому что уже задыхался от усталости. Я был уверен, что с лёгкостью одолею дневной переход, не зря же в прошлом я был великим воином! Ведь я даже не нёс мешка! Но оказалось, мертвецы не были выносливы. От чрезмерного напряжения меня даже вырвало под кустами.

Торир принёс мне воды и расстелил тюфяк. Я лёг. Олав склонился ко мне и протянул длинный нож в кожаных ножнах:

— Это на всякий случай, Бальдр.

Я кивнул и положил нож под тюфяк. Вскоре передо мной заплясали языки пламени. Ночь быстро опустилась на лес. Олав и Торир натащили много стволов и развели костры так,

что мы оказались внутри огненного круга. Лошадей расседлали и привязали здесь же, на противоположной от меня стороне. И они стояли, как вкопанные, их глаза были полны страха, но деваться им было некуда.

Мои спутники принялись готовить ужин, но я не хотел есть. Глотнув из фляги воды, отдающей болотной тиной, я отвернулся к потемневшему лесу и ощутил весь его холод и сырость. Как только настала ночь, и темнота сузила мир до круга, освещенного костром, в моей душе вновь закрипел страх. Я глядел через языки пламени в темноту, и она до боли напоминала бескрайние замёрзшие просторы Хельхейма. Моё сердце обливалось страхом.

— Ты чего так далеко уселся, Тори? — послышался у меня за спиной тихий голос Олава.

— Ярл так воняет, что перебивает мой аппетит, — проворчал Торир.

Я вздохнул и закрыл глаза. Перед моим внутренним взором вновь возник амулет на шее женщины. Я всё пытался вспомнить, кто она.

«Может быть, ты ждёшь меня где-нибудь? Десять лет не такой уж большой срок», — надеялся я.

Эти мысли согрели моё сердце.

Наверное, я задремал, но неясный шум вернул меня в сознание. Шум, похожий на рычание, нарастал, и я открыл глаза. Круг огня в двух местах прогорел. Олав спал, а Торир сидел, склонив голову к коленям, и очевидно задремал в карауле. Я поглядел в темноту леса и увидел несколько светящихся зелёных огней. Они мерцали за листвой и приближались. С каждым мигмом огней становилось всё больше. И тут я увидел их...

Глава 2. Гости́я

— Торир! Олав! — закричал я. — Вставайте!

Я вскочил на ноги и выхватил нож.

— Бесполезно! — кивнул Олав, выдернув из огня горящую головешку. — Возьми огонь, Бальдр! Они его боятся!

— Проклятье! Что это за твари? — выругался я и поднял горящую палку.

— Варги из-под горы! — рявкнул Олав. — Они из другого мира и наше оружие бессильно!

— Нам не уйти живыми! — взревел Торир, взяв охваченное огнём полено. Движения его были скованными и обречёнными.

Я разворошил костры так, чтобы замкнуть прогоревшие участки, Олав сделал тоже самое со своей стороны.

Чёрные тени с горящими глазами приближались. Я смог разглядеть тварей лучше: они были покрыты шерстью, она переливалась как клубившийся чёрный дым. Передние лапы были мощными, пасти напичканы острыми клыками. Звери обступали нас кольцом.

— Проклятье, — стиснул я зубы.

Лошади заржали, я обернулся. Торир отвязал коня и запрыгнул на его голую спину: все сёдла лежали в стороне.

— Нам не спастись! Нужно уходить! — простонал он, пускаясь галопом через костёр в чащу, прочь от варгов.

— Торир нет! — закричал Олав.

Из темноты раздалось рычание, ржание лошади и человеческий вскрик. Наш спутник не успел далеко уйти. Варги настигли его тут же.

Мы с Олавом встали друг к другу ближе, держа перед собой горящие палки.

— Дурачина ты, Торир! — выругался Олав и поглядел на меня. — Парень ещё ни разу не встречался с тварями. Но через огонь они не пройдут, здесь мы в безопасности.

Я кивнул.

— Они будут сидеть и ждать, — добавил Олав. — Но как начнёт светать — растворятся.

— Что ж, весёлая у нас намечается компания, — ответил я. — Лишь бы дров до конца пирушки хватило.

Мы долго стояли и не шевелились. Звери тоже не шевелились и не стремились испытать жар костра. Мы подложили в пламя ещё поленьев и опустились на землю. Я слышал, как в темноте за кустами хрустела плоть Торира и его лошади.

— Они жрут его! — поморщился я.

— Да, они пришли из своего мира зверски голодными.

— Прямо как я. С ужина ничего не осталось?

Олав протянул мне котелок с кашей. Я пожевал немного, но снова не ощутив вкуса, отставил еду за спину.

Прошло много времени, запасы дров почти кончились, и мне с каждой минутой становилось всё более жутко. Твари глядели на нас по ту сторону огня. Расстаться с жизнью, как только я её обрёл, мне вовсе не хотелось! Я поглядел на сосредоточенного Олава и заметил, что мрак уже начал растворяться.

Мы подняли головы на громкий шелест ветвей и листьев, донёсшийся из чащи. И если

это и было похоже на ветер, то скорее — на ураган. Что-то большое и тёмное раскачивалось среди деревьев и приближалось. Мохнатая голова с двумя горящими глазами высилась над кронами. Стволы хрустели, земля содрогалась. Лошади затанцевали, пытаясь сорваться с привязи.

— Бессмертная мать! — воскликнул Олав. — Сбереги моих детей!

Он вскочил на ноги, и я тоже поднялся. Существо выступило из-за раскидистых ветвей, оно было огромно. Могучие плечи, длинные лапы, спутанная, торчащая клоками шерсть.

— Это йотун, Бальдр! Нам конец!

— Почему? Как же огонь? — я бессильно сжал палку.

— Он так огромен, что легко перешагнёт наш костёр!

Я подхватил вторую палку и приготовился сражаться. Существо достигло варгов, и звери расступились перед ним. Йотун сделал ещё шаг, оказавшись внутри горящего круга. Олав попятился, споткнулся о вещи и упал, выронив огненную палку. Йотун замахнулся на Олава тяжёлой когтистой лапой, но я подскочил к нему и, выставив вперёд факелы, заслонил Олава. Чудовище успело полоснуть моего спутника когтями по ноге.

Сторонясь моего огня, йотун резко подался вбок, чтобы зайти за спину. Краем глаза я увидел несущийся в меня удар мощной лапы. Мне конец! — только и успел подумать я, как вдруг йотун превратился в туман. Хрена себе! Я оторопел, увидев, что варги тоже исчезли.

Первые лучи солнца выглянули из-за деревьев.

— Рассвет, — выдохнул я.

— Нам повезло, — кивнул Олав, сжимая рану на ноге. — Нельзя терять времени, Бальдр. Собираемся, едем.

Я порылся в тюке и нашёл, чем перевязать рану Олаву.

В нескольких шагах от горящего, вернее уже едва тлеющего, круга я заметил останки Торира и его лошади. Они были обглоданы до костей. Я забрал у мертвеца меч, и Олав недобро покосился на меня.

— Ты не можешь владеть мечом другого воина, если не убил его в бою или тебе не сделали подарок. — строго произнёс Олав.

— Что ж, будем считать, что Торир сделал мне подарок. — пожал плечами я.

Олав, хромя, подошёл ко мне и положил руку на плечо.

— Себя ты не обманешь, Бальдр, — сказал он, поглядев мне в глаза. — Конунг Хёрд приказал не давать тебе меча, чтобы ты поскорее отыскал свой.

Плевать я хотел на Хёрда и его приказы. Я застегнул на себе пояс ножен, и от его тяжести мне стало спокойнее.

У лошадей от страха поседела грива. И на удивление, они больше не шарахались от меня. Видимо, после встречи с варгами, я вызывал у них чуточку больше симпатии. Я сел в седло.

— Сегодня доберёмся до Хедвига и переночуем там, — сказал Олав, когда мы были уже в дороге.

Хедвиг. Это название что-то напомнило, какой-то всполох теплоты пробежал по нутру. Я поглядел на листву, мелькающую по сторонам и задумался, предвкушая сытый стол и тепло женского тела. Я устал быть один, я был голодным во всех смыслах.

— Что там в Хедвиге? Большое поселение? — спросил я. — Я хочу женщину.

— Усадьба. Хозяин там — Рёйрик, старый хирдман, служивший ещё твоему отцу. Хёрд даровал ему эти земли вскоре после твоей гибели. Раньше Хедвиг был твоим, —

ухмыльнулся Олав.

— В смысле моим? Мой дом? Я там жил? — я почувствовал смешение радости и гнева.

— Ну да. Большой дом, хозяйство, защитная стена — большое поселение. Хедвиг при тебе был богат, но теперь немного приуныл из-за вторжения тварей.

Я вновь подумал о женщине с медальоном.

— У меня была жена, Олав?

Мой спутник рассмеялся.

— У тебя было столько жён, как деревьев в лесу, Бальдр! Правда, все они были чужими.

Я фыркнул и не продолжил разговор.

— Ты действительно не помнишь? — с сочувствием поглядел на меня Олав.

Я оскалился, изображая безразличие, хотя на самом деле меня разрывало от вопросов: кто я, кто мои враги, кто друзья, кем и за что я был убит? Но я не мог откровенничать, с кем попало. Я не мог доверять Олаву, несмотря на то, что мы вместе пережили прошлую ночь.

— Хёрд послал тебя к конунгу Харальду, за море, привезти ему невесту — дочь Харальда — Маргрет. Но в дороге ты взял её сам! Ты всегда делал, что хотел для своего удовольствия, Бальдр!

В словах Олава звучал укор, но я почему-то рассмеялся. А для чего ещё жить, как не для удовольствия? И сейчас, когда я вернулся из Хельхейма, удовольствий я желал с особенным трепетом.

— И что, за это я был казнён? — пошутил я.

— Именно, — кивнул Олав.

Тут мне стало несмешно. Я вспомнил человека в шлеме, разрубающего меня топором, вспомнил мгновения смерти, своё бессилие и отчаяние — и зло выдохнул.

Я испытывал стыд за то, что был в чём-то виновен, но этой вины явно было недостаточно, чтобы так позорно умереть.

— Пусть Хёрд идёт к Хель! — выругался я. — Я поеду в Хедвиг. Но гостем в своём доме я не буду. Я заберу свой дом назад!

— Не надо, Бальдр, — Олав приблизил коня к моему и придержал меня за руку. — Ты всегда брал, что хотел, и всегда это не кончалось добром. Поговори прежде с конунгом. Он сам вернёт тебе земли, вернет тебе всё, если ты поможешь.

— Мой брат убил меня! — прорычал я. — И я желаю отмщения!

* * *

Мы увидели приближающихся навстречу всадников. Это были воины в кожаных доспехах, к сёдлам лошадей были приторочены щиты. Я почувствовал, что пахнет недобрым и положил руку на рукоять меча.

— Приветствую тебя, Олав, — кивнул один из воинов, по-видимому самый старший. — Ярл Бальдр, — передо мной он склонил голову.

— Свен, — ответил Олав. — Вы далеко забрались в наши земли. Что вам надо?

Я почувствовал, как воздух зазвенел от напряжения. Все соратники Свена, а их было пятеро, держали ладони на оружии.

— Меч Бальдра, конечно, — оскалился Свен. — Отдадите его нам, и мы разъедемся по добру.

— Бальдр ничего не помнит о прошлой жизни, — сказал Олав, взглянув на меня.

Я понял по его лицу, что мой соратник нервничает. Что за ребята встали у нас на пути? Зачем им мой меч? С Олавом, а следовательно и Хёрдом, они явно не дружат.

Свен хмуро переглянулся со своими людьми, а затем посмотрел на меня.

— Что ж, ярл Бальдр, поедешь с нами. И постарайся всё вспомнить.

Я поднял взгляд к хмурому небу. Тучи вновь низко тянулись над землёй. Холодный ветер бил в лицо. Я мечтал лишь поскорее оказаться дома.

— Пожалуй, не сегодня, — ответил я.

Свен отдал безмолвный приказ своим людям, и они атаковали нас. В одно мгновение я вынул меч и успел рассечь руку парню, что бросился на меня.

— Бальдра оставить живым! — выкрикнул Свен.

Прямота и негостеприимность этих людей разозлила меня. Они закололи мою лошадь — я вывалился из седла и покатился по грязи. Разве можно так обращаться с ярлом?! Я видел, как Олав тоже упал. Враги сошли с коней и обрушили на меня град ударов.

Беда этих людей была в том, что они пытались меня только ранить, а не убить. Я отбил их удары и оказался на ногах. Передо мной выстроились четверо воинов, а пятый лежал на земле с мечом Олава в черепе.

Я увидел, что Олав больше не двигался, и рассвирепел. Мой клинок взвился в руке и повёл меня в бой. На меня бросили двое, я пригнулся, и они встретились меж собой. Я увернулся так же и от второй пары нападавших и рассёк одного из них ударом в спину. На меня бросился ещё воин. Я сделал шаг в сторону, выставив ему на встречу меч — враг напоролся животом на сталь и упал.

Свен с разъярённым лицом вырос передо мной, но, увидев мой взгляд, дрогнул, испугался. Я полоснул его в раскрытую шею. Кровь захлестала в стороны. Бессмертная мать! Как вкусно она пахла! Когда я повернулся к последнему из нападавших, то увидел, как он убегает по дороге туда, откуда явился. Я вернулся к Олаву. Он был ещё жив.

— Бальдр, — простонал он, потянувшись ко мне слабой рукой.

Я сел рядом с ним.

— Да, Олав.

— Бальдр, защити моих детей от тварей...

Какое мне дело до твоих детей? Всё равно все мы окажемся у Хель.

— Я постараюсь, — выдавил я.

— Верни меч Торира его жене — ей не на что теперь жить, — прохрипел Олав, стиснув окровавленные пальцы на ткани моих штанов.

Глаза его застыли, и я не успел ответить. Ну и хорошо: не пришлось лгать.

* * *

Уже темнело, когда я увидел земляную стену Хедвига. Она была высока, примерно в три человеческих роста. Похоже, люди здесь всерьёз оборонялись от тёмных существ. Приблизившись, я увидел перед оградой глубокий ров. А на стене то тут, то там у меня на глазах зажигались огни.

Я чувствовал себя измотанным и отупевшим от усталости. Сперва бессонная ночь, а потом драка со Свеном. У меня болело всё тело, а желудок был, требуя пищи. Я не ел уже

больше суток. А если не считать того перебродившего скира и ложку каши — то все десять лет, проведённых в кургане.

Ещё днём, когда мы говорили с Олавом, я помышлял о бурной ночи в постели с девицей, а теперь желал лишь защищённый от ветра угол и кусок лепёшки.

Я подошёл к воротам Хедвига, держа руку на рукояти меча. Если стража не пустит меня — придётся их убить. Но им повезло — они узнали меня ещё издалека, и развеселились.

— Ярл Бальдр! — поклонились мне стражники.

— Отведите меня к Рёйрику, — приказал я.

Меня проводили к долгому дому. Стены и крыша его были покрыты дёрном. Я погладил рукоять меча, затаил дыхание и вошёл в тёмный проход, готовый бросить вызов хозяину, занявшему мои законные владения.

Я оказался в широком задымленном зале, полном шумных людей. Дым резал глаза, и я прищурился. Воины сидели за столами вдоль стен и пировали. В центре, во всю длину зала, горел обложенный камнями очаг. За главным столом я увидел Рёйрика. Это был старый, лысеющий человек. Он улыбнулся мне, как другу, которого не видел много лет, и поднялся из-за стола.

— Ох, Бессмертная мать! Бальдр! Неужели это ты! Как я рад тебя видеть!

Двое мужчин, что сидели рядом с Рёйриком, придержали его. Старик был совсем немощным, я не мог с таким сражаться и убрал руку от меча.

— Проходи же! — воскликнул Рёйрик. — Садись напротив меня! Принесите ему кубок и блюдо!

Воины подвинулись, уступая место, слуги засуетились. Передо мной зазвенела посуда и выросла гора еды.

— Ты пришёл один? А где люди Хёрда? — сдвинул седые брови Рёйрик, наполняя мне кубок хмельным мёдом.

— Они мертвы, — ответил я, набросившись на кусок мяса и закусывая сыром. — Торира сожрала твари, а Олава убили люди Свена. — Я проглотил еду и поглядел на Рёйрика. — А Свена убил уже я. Что такое? Ты знал его?

Вокруг меня зароптали воины, но я не сводил взгляда с хозяина дома.

— Жаль Торира, он был ещё молод, — качнул головой Рёйрик. — И Олава. Он был храбрым воином. Свена знаю. Вернее знал... Он служил твоему брату ярлу Вали.

— Ну и братья у меня! — выругался я, отхлёбывая из кубка, — Что один, что другой!

Я был страшно голоден, но мясо показалось на вкус вонючей тряпкой, а хмельной мёд, несмотря на отменный пьянящий запах, был до отвращения горек.

— Не все верили, что тебя удастся поднять из могилы. Но вот он ты сидишь передо мной! Как я рад! — восхитился Рёйрик. Его сильно отросшие седые брови при этом забавно дёргались вверх и вниз. — Я хочу, чтобы ты знал, конунг Хёрд лично прибыл к гальдрун Йорунн и попросил её поднять тебя.

— Тоже мне достижение явиться лично — я слышал Тронхейм тут недалеко.

— Бальдр... — печально покачал головой Рёйрик. — Ведь ты — Великий Бальдр! У нас всех только на тебя надежда. Даже у Хёрда.

Мне совершенно перебило аппетит, и я прекратил жевать, подперев голову рукой. Глядя на зал, полный людей, семейную суету, кучу детей и горящий очаг, мне хотелось, чтобы у меня тоже было семейство. Были соратники. Хотелось, чтобы меня ждала жена. Но я знал, что здесь нет ни единого близкого мне человека и ни одного верного.

Я опустошил очередной кубок с мёдом и пододвинул себе кувшин.

— Ох, не пей столько! Ты не станешь от этого счастливее, поверь мне, — сказал Рёйрик.

— Побывал бы ты там, где был я... Впрочем, скоро сам всё узнаешь, — протянул я, чувствуя, как язык начал заплетаться. Хоть и гадость на вкус, но всё-таки я пьянел.

— Почему так холодно? — пробормотал я.

— В доме очень жарко, ярл! — откинулся на спинку кресла Рёйрик. — Лето на дворе!

Пир подходил к концу, многие воины вышли из-за стола и расселись с жёнами по скамьям. Я услышал детские визги и обернулся. Мальчишки громко играли на полу.

— Я хочу вернуть себе дом, — сказал я, поглядев на Рёйрика.

Лицо старого хирдмана помрачнело, он поджал губы и поглядел мне в глаза.

— Ну, хорошо, Бальдр, — ответил он после недолгого молчания. — Я скажу своему семейству, чтобы готовились переселяться.

Дети вновь закричали и пробежали возле меня, так что я невольно проводил их взглядом.

— Куда вы пойдёте? — зачем-то спросил я.

— Я оставил свою усадьбу старшему сыну, но теперь, похоже, его семье вновь придётся потесниться.

— Хорошо, вот и убирайтесь завтра же, — кивнул я.

— Ты будешь спать в своих покоях? — покосился на меня Рёйрик. — Пойдём, я покажу их тебе.

Мы подошли к проходу, закрытому шкурами. Рёйрик хромал, и мне пришлось поддержать его за локоть. Он одёрнул шкуры, и я увидел небольшую комнату, посреди которой стояла широкая скамья, застеленная мехом. Пол был покрыт пылью, а постель выглядела неприкосновенно.

— Тут что, никто не спал все эти годы? — удивился я.

— Это место противозакония, — сказал Рёйрик, поглядев на меня. — Никто из моей семьи даже не входил сюда. Мы сделали пристройку в другой части дома и отдыхаем там.

Я, не церемонясь, вошёл и сел на шкуры, пробежал рукой по запылившемуся меху.

— Что ж, конечно, я буду спать в своей постели! — ответил я. — Прикажи нагреть воды в большую бадью, хочу помыться и согреться.

— Сделаю, ярл, — ответил Рёйрик и тут же кивнул своим людям.

— И попроси сменить постель.

— Что-то ещё?

— Да, Рёйрик. Пригласи мне женщину. Красивую. Есть у тебя женщина, которой ты мог бы поделиться со мной?

Лицо старого хирдмана приняло многозначительный вид, он лукаво улыбнулся.

— Конечно, я дам тебе женщину. Это будет лучше, чем ты сам возьмёшь какую-нибудь из моих побочных жён, — рассмеялся Рёйрик. — Позову тебе Лагретту — одну из моих наложниц, до которой мне всё не достаёт сил. А ведь она молода, самое мясо с молоком! — усмехнулся Рёйрик. — Но она не рабыня — будь с ней ласков.

— Постараюсь.

Я сидел в бадье, наполненной горячей водой. Лагретта сидела рядом на скамеечке и растирала мне плечи мягкой тканью, а я наблюдал, как другие женщины стелят постель.

Стояла уже глубокая ночь. Меня разморило от ласки и тепла. Я был готов заснуть, как

сидел, но наслаждение было так велико, что я не торопился отдаваться бессознательной бездне.

— У тебя кожа такая, м-м, серая, — произнесла Лагретта.

— Как у мертвеца, — улыбнулся я.

Шутка была неудачной. Лагретта отняла ладонь от моей спины. Я хотел поговорить с ней, сблизиться, прежде чем, кхм, начать любить. Я взял её за руку и направил вперёд, чтобы видеть лицо. Девушка была очень молода. Волосы у неё были тоже светлыми, как у женщины из моих воспоминаний, но совсем другого оттенка. Глаза... И хоть я не помнил тех глаз, я твёрдо знал, что глаза Лагретты были другими.

— Давно ты у Рёйрика? — спросил я.

— Два года.

— Есть у тебя дети?

— Нет, — Лагретта опустила глаза, и я понял, что ей от этого грустно. — Рёйрик был со мной всего трижды, — хмыкнула она, — и я не беременела.

— Ты истосковалась по мужчине?

Я коснулся её руки, и девушка дрогнула. Я знал, здоровая молодая девушка должна была истосковаться.

— Я противен тебе?

— Ну, ты молод... Моложе Рёйрика.

По её взгляду я понял, что был ей неприятен. Ещё бы: друг, оживший мертвец! Но милая Лагретта, видимо, не хотела портить мой настрой и говорила со мной почтительно. Добрая женщина.

Я откинулся на бортик, а Лагретта вновь взяла ткань и принялась гладить меня по груди. Она тронула швы на боку, и я дернулся. Проклятая рана совсем не заживала.

— Больно? Прости, — прошептала Лагретта с такой искренностью, что я загляделся на её невинное личико.

— Не больно. Я привык.

Я притянул Лагретту к себе, провел мокрой ладонью по её губам и поцеловал. Она ответила сперва робко, но потом улыбнулась. Взгляд её загорелся.

— Не бойся, — сказал я. — Я сделаю тебе хорошо.

Лагретта затаила дыхание и осторожно кивнула.

Мы легли в постель, и я долго целовал её, мям грудь и старался войти. Но от усталости и опьянения, а может быть и от того, что во мне не было любви, я так ничего и не сумел. Я выругался и, оставив попытки, лёг рядом.

— Похоже, не всё в тебе оживили... — хмыкнула Лагретта и потянулась встать.

— Пожалуйста, не уходи. — Я схватил её за руку. — Останься со мной.

Она легла обратно и обняла меня. Я провалился в тяжёлый сон, напуганный тем, что госпожа моего сердца с амулетом на шее так никогда и не придёт.

* * *

Я проспал половину следующего дня, и открыл глаза только к вечеру. Что-то заставило меня проснуться. Какой-то неуловимый зов. Сердце забило в предвкушении. Я подскочил в тот миг, когда занавеси распахнулись. В покои ворвалась женщина.

— Здесь он, Маргрет, — проговорил Рёйрик из-за её плеча. — Но входить тебе туда не следует!

— Баль! Милый! — воскликнула гостья.

Голос её был трепетным, нежным. Глаза блестели то ли от слёз, то ли от счастья. Я увидел на её шее амулет из моих снов, и сердце замерло. Я нашёл ту, которой грезил, ту, которую любил!

— Бальдр... — ужаснулась она, прикрыв рот ладонью, и поглядела куда-то в сторону. Я повернулся, и увидел, что Лагретта всё ещё спала рядом, обнажённая.

Глава 3. Беспокойство в Хедвиге

— Не может быть! Не могу поверить! — вскрикнула Маргрет. — Только встал из могилы и сразу отправился в постель с первой попавшейся!

Она решительно развернулась и выбежала из покоев, едва не сбив с ног Рёйрика.

Я натянул штаны и, завязывая их на ходу, двинулся за женщиной с амулетом. После вчерашнего пира голова у меня нещадно болела, тянуло швы и ныли мышцы.

Маргрет невесомо проскользила по залу и вылетела в дверь. Я двигался за ней, как медведь, от неловкости задевая и снося утварь со столов.

«Какая она красивая, — думал я, глядя на то, как колыхалась её коса. В моих снах Маргрет была ещё незаплетённой, незамужней. Значит, теперь у неё есть муж!» — Моё нутро будто насквозь прошило копьём.

Оказавшись на дворе, я увидел, как Маргрет забралась в седло и направила коня к воротам. Я рисковал потерять её, не успев обрести!

— Маргрет! — закричал я.

Босыми ногами я заскользил по булыжникам, которыми было выложено крыльцо. У длинного дома стояли соратники Рёйрика с запряжёнными лошадьми, готовясь покинуть усадьбу, потому что я им так вчера приказал.

— Дай мне коня, парень, — потребовал я.

Конь заржал и шарахнулся от меня, но я схватил его за поводья и сильно потянул на себя.

— Успокойся, тварь, иначе отправишься на мясо! — прорычал я, глядя жеребцу в глаза, и он как будто понял.

Я уселся в седло. Маргрет к тому времени уже скрылась за земляными стенами усадьбы.

— Ну! Давай! — я яростно хлестнул коня.

«Моя красавица, моя любимая, мой огонь! Маргрет, пожалуйста, подожди!» — твердил я мысленно. Тревога нарастала во мне с каждым ударом сердца.

— Маргрет! — вновь выкрикнул я.

Мы пронеслись галопом по лугу, который окружал усадьбу, и подступили к кромке леса. Солнце садилось, и было мрачно. А в лесу и вовсе сделалось темно и негостеприимно. Дорога была неровная, конь Маргрет, на котором она приехала в Хедвиг, выдохся и оступился на коряге. Маргрет остановилась, и тут я её догнал.

Я сошёл с коня, бросился к ней и поглядел снизу вверх.

— Зачем ты убегаешь от меня?

— А ты не понимаешь?! — Маргрет гордо подняла голову.

— Чего я не понимаю, расскажи мне? Ты застала меня с женщиной, но сама замужем!

— Да, я жена Хёрда. Но это совсем другое, Бальдр.

— Спускайся, ну! — протянул я к ней руки. — Поговорим.

Маргрет подалась ко мне, и я помог ей ступить на землю. Если бы я не был так зол, то расцеловал был её сейчас же и упал бы перед ней на колени. Такая близкая и желанная она была для меня. Но мысль, что она принадлежала теперь другому, скребла мне душу. Не то, чтобы я слишком её винил или меньше хотел — прошло ведь столько лет.

— Говори, — сказала она после долгого молчания.

— Я потерял память...

— Прекрасно!

Я вздохнул, и мы снова замолчали. Я не знал, что ей сказать. Мои оправдания на счёт Лагретты были бессмысленны. Признаю, я был виноват в том, что не отдался на веру в то, что Маргрет не выдумка. Но мне было плохо, и я искал утешения.

Я молчал. Стоял и сжимал поводья влажными пальцами, как какой-то мальчишка. Я поднимал глаза и видел, как у Маргрет дрожат губы и брови. Её ресницы сделались мокрыми. Но на меня она не глядела: как будто листья и веточки, окружающие нас, интересовали её больше.

Ветер донёс её запах, столь знакомый. Он ударил мне в голову, и я прикрыл глаза, вдыхая его полной грудью.

— Я не жила все эти годы! — произнесла наконец Маргрет, видимо, поняв, что от меня не дожидаться слов. — Бальдр, мы совершили с тобой грех. Мы всех предали. Мы считали, что наша любовь святая и сумеет победить все преграды. А ты... — прошептала она. Слеза скатилась у неё по щеке. — Я нашла тебя в любви с другой...

Я поглядел Маргрет в глаза, цвета полуденного неба, окружённые сеточкой морщинок, сотканных из тяжб и страданий. В её взгляде было много боли, перемешанной с нежностью. Я поглядел на её покрасневшие губы, которые она успела искусать, пока мы стояли в молчании. Я прикоснулся пальцами к её подбородку, и она слегка потянулась ко мне.

— Ты так изменилась, постарела, — прошептал я печально.

— Ты тоже изменился... — сглотнула она.

Я мысленно выругался, поняв, что ляпнул лишнее. Я не хотел обидеть Маргрет. Просто был удивлён, что женщина из моих снов, королева, в яви будет выглядеть столь истерзанной жизнью.

Объяснить этого я не сумел. И вообще, похоже, объясняться словами я не умел. И поэтому, видимо, у меня было так много недоброжелателей. Близость Маргрет: её дыхание, тепло её кожи, которое я, наконец, обрёл, соблазнили меня. Я не выдержал и поцеловал её в надежде, что сумею поделиться глубиной своего чувства. Но Маргрет испугалась и оттолкнула меня.

— Нет, Баль! — сказала она. — Не здесь. Не сейчас. И не так!

Ожившим мертвецом, другом, я был ей противен, или за время разлуки мы сильно отдалились друг от друга и должны были сперва вновь сблизиться? Не знаю. Но я испугался, что могу навсегда потерять Маргрет, и я сжал её в объятиях.

— Я так рад, что ты вернулась! — сказал я. — Я так тебя хочу!

Маргрет забилась, как подневольная птица, но я вцепился в неё, как страдающий от жажды зверь. Совершенно одурманенный, я готов был любить её прямо там, на сырой траве. Но, поглядев ей в глаза, я увидел своё отражение: лохматое, грубое чудовище с серой мёртвенной кожей, с ледяными пальцами, мерзко пахнущее и голодное. Жестокое, своевольное и никем не любимое по-настоящему, кроме Маргрет... Мне самому от себя сделалось противно, и я ослабил объятия. Маргрет тут же вырвалась и отступила на три шага.

Вокруг становилось темнее, и лес зловеще шелестел. Кони заволновались, замотали головами.

— Нужно вернуться в усадьбу, Маргрет, — хрипло проговорил я. — Здесь небезопасно.

Она попыталась что-то ответить, но её голос прервало рычание, донёсшееся из глухой чащи. Зелёные огни озарили лес.

— Проклятье! — выругался я, подтолкнув Маргрет к лошади. — Давай, влезай, быстро!

Я запрыгнул в седло следом за Маргрет и крепко обнял её. Рычание усилилось. Из темноты выскочили оскалившиеся пасти. Они пытались ухватить нас. Хромой конь Маргрет тоже бросился прочь из леса. Я услышал отголоски его предсмертной песни.

Варги преследовали нас, но мой жеребец, несмотря на тяжёлых седоков, изо всех сил рвался вперёд.

— Давай же, давай, парень! — подбодрил я его.

Варги настигали, бежали вровень и пытались окружить нас. Ещё мгновение, и они преградили бы нам путь, набросились бы. Но впереди показались всадники с факелами.

Несколько воинов скакали нам навстречу, развеивая огнём мрак. Они создали для нас спасительный коридор, и мы сумели достичь ворот усадьбы невредимыми.

Огонь заставил тварей остановиться, и они растворились во мраке.

Одна из преследовавших нас тварей, самая остервенелая, гналась до последнего, и сорвалась в ров перед защитной стеной. Я спешил, передав поводья Маргрет, и взял стража факел. Подошёл к краю рва и поглядел на варга, в его зелёные светящиеся глаза. Тварь оскалилась и кинулась на меня. Я, не испугавшись, всадил факел в раскрытую пасть. Тварь завопила и отбежала! Я схватил ещё один факел и спрыгнул вниз, на варга. Я жалил его огнём, зверь ужасно шипел и рычал, но вдруг целиком воспламенился, и затем — исчез.

Я повернулся к людям, стоявшим наверху.

— Ну, помогите мне выбраться!

Двое воинов, из тех, что скакали нам навстречу с факелами, протянули руки и вытащили меня из ямы.

Я упёрся руками в колени и отдышался. Другам нелегко даётся махание палками. Рану на боку пекло. На голую ступню упало что-то тёплое, я увидел, что порвал швы, и у меня текла кровь. Я выпрямился и зажал рану рукой.

— Почему вы так смотрите? — спросил я, поглядев на вытянувшиеся лица воинов.

— Ещё никто... никто не убивал тварей.

— Надо же! — фыркнул я, зло мотнув головой. — Оказывается, это не так сложно! Но за высокими стенами сидеть, конечно, легче.

Воины молчали.

— Как тебя зовут? — спросил я того, который стоял ближе.

— Кетиль.

— А тебя? — перевёл я взгляд на второго.

— Хельги.

Я поглядел на всех воинов, окруживших меня. Они спасли жизнь мне и Маргрет, когда выехали с огнём навстречу тварям. Я испытывал благодарность, даже близость. Но выразить это не мог, потому что тогда они поймут, что я слабый. У меня болело всё тело. Меня мучило от вкуса еды и одновременно от голода. У меня не было ни друзей, ни покровителей. И мне казалось, если я буду растекаться словами благодарности, то буду выглядеть слабаком.

— Что тут за шум? — со стены выглянул Рёйрик.

— Бальдр убил тварь! — воскликнул Кетиль.

— Ну, чего же вы стоите?! — восхитился Рёйрик. — Идёмте! Это надо отметить!

Мы направились к долгому дому. Рёйрик спустился со стены и, отогнав от себя парней, которые придерживали его, взялся за мою руку.

— Ты ранен? — взглянул он на мой бок.

— Ерунда, — отмахнулся я, позволяя старику опереться на себя. — Не стар ли ты, чтобы по стенам лазить?

— Хозяин усадьбы должен проверять каждый уголок ежедневно, ярл! Стены со временем гниют, а враги растут, помни! А ты пока ничего не делаешь. Только пьешь, спишь...

— Полегче, Рёйрик, — понизил я голос. — Ты хоть и стар, но не учи меня.

— Великий Бальдр! — проговорил Рёйрик. — Я тебя не учу, ты всему уже научен. Сегодня ты убил тварь, и я уверен, ты принесёшь нам мир! Я немного сомневался, но теперь я в этом уверен!

Я прищурился и поглядел на Маргрет, шагавшую впереди. Коса её колыхалась вдоль спины, спускаясь до самых ягодич. О каком мире говорил Рёйрик, когда в моей душе было столько ревности и злобы! Столько желания обладать женой моего брата!

Мы вошли в зал, я сразу направился к Маргрет.

— Садись со мной на пиру, — сказал я.

Она уже успела где-то раздобыть кусок ткани и приложила её к моему боку.

— Оботру кровь, — произнесла она. — Надо перевязать.

Пальцы её тряслись, губы дрожали. В глазах теплилась забота. Я взглянул на амулет на её шее, мерцающий в отсветах огня и взял его в руку.

— Откуда он у тебя?

— Ты мне подарил, — поглядела мне в глаза Маргрет. — Ты не помнишь?

Я покачал головой и накрыл ладонями её руки, но Маргрет отстранилась.

— Баль... — шепнула она голосом полным горечи. — Я приехала, потому что очень хотела увидеть тебя. Хёрд разрешил мне встретиться с тобой и проводить к нему. Он верит мне.

— Верит, значит. А если я не поеду и тебя к нему не пуцую? Он придёт и снова убьёт меня?

— Он не придёт. И не убьёт тебя больше, будь уверен. Хёрд не пойдет на тебя войной, если только ты на него не пойдешь... Если не преступать закон, то не будет войны. Потому я не останусь... — Маргрет в застёгнутом до самого горла платье и заплетёнными волосами с печалью поглядела на меня. — Бальдр, я знаю как ты зол, но, пожалуйста, помоги. Принеси конунгу Эйсир, чтобы люди могли сражаться, а не прятаться.

— Я не помню, где меч, Маргрет! Я сказал: я потерял память. Но я не забыл тебя! А ты похоже, забыла обещания, что мне давала. Я не поеду к Хёрду!

— Не поедешь?

— Нет.

— С рассветом я покину Хедвиг, — в голосе Маргрет прозвенел стальной холод.

Она резко развернулась и скрылась в женских покоях, оставив меня с окровавленной тряпичей в руках.

Я хотел оставить Маргрет в Хедвиге силой! Но вспомнив, как она отбивалась от меня в лесу, понял, что удовольствия ни я, ни она не получим. Я любил её за преданность, но сейчас она была предана другому! Пусть едет. Недолго ей быть женой моему брату...

Остаток вечера я просидел в зале, забавляясь тем, что местный скальд у меня на глазах сложил песню про побеждённого варга.

— Я могу осмотреть твою рану, — подошла ко мне Лагретта. Она глядела на меня невинным взволнованным взглядом. Я закипел от злости.

— Ничего не надо, уйди! — огрызнулся я.

Спать я отправился один. Я долго лежал в тишине и надеялся, что вот-вот войдёт Маргрет. Мы ведь так любили друг друга! Но она не пришла, и я уснул одиноким.

Сон открыл мне воспоминания о прошлой жизни. Я видел себя, лежавшим в постели вместе с Маргрет. Пламя лампы мерцало и бросало тени на увешанные гобеленами стены. Занавеси покоев отворились, вбежали люди и схватили меня.

— У нас приказ Хёрда! — твердили они. — Если кто помешает, тоже будет казнён!

Мои соратники расступились, позволили выволочь меня во двор. Трусливые псы! Бессилие жгло мне нутро. Я так неистовствовал и удивлялся, почему небо не падает на землю и земля не низвергается под ногами.

Маргрет, в одной ночной сорочке, хваталась за палачей, но получила удар и упала. Выворачивая руки, меня силой опустили на колени. Ко мне обратился воин в шлеме с белёсой бородкой.

— Ты обвинён в похищении невесты конунга, — сказал он, взяв в руку топор, — и приговорён к смерти без права на изгнание, без права на поединок, без какого-либо вообще права! За совершённое бесчестие ты лишён прав!

Он взмахнул топором, но я тут же очнулся от кошмара. Меня затрясло от желания отомстить Хёрду.

В моих покоях не было окон. Я вышел в зал и увидел, яркий свет, льющийся в оконца под крышей — я снова долго проспал и пропустил рассвет.

На скамье сидела кошка. Увидев меня, она зашипела и соскочила под стол.

— Маргрет уехала? — обратился я к спящим с тюками женщинам.

— Уехала, — ответили мне.

Я сел за стол и потянулся к кувшину. На счастье в нём был не скир, а хмельной мёд.

Женщины всё ходили туда-сюда, носили вещи и одёргивали детей, чтобы не пугались под ногами.

— Что вы делаете? — спросил я, уставший от суеты и мельтешения.

— Уезжаем. Ты ведь сам приказал, ярл, — сквозь зубы проворчала старая женщина, увешанная золотыми запястьями и драгоценными бусами. По её возрасту я понял, что это была законная жена Рёйрика, спутница жизни. Богатый муж мог брать много жён, но законная была одна.

В зал вошёл Рёйрик в сопровождении сына. Позади них плелась Лагретта с опущенной головой.

— О, Бальдр, встал? Хорошо! — проговорил старый хирдман.

Сын подвёл его ко мне и помог сесть на скамью напротив.

— Завтра мы отправимся в путь, в мою усадьбу Фьялвик. Да, давно я там не был, почти десять лет...

«К чему все эти разговоры?» — подумал я и наполнил себе кубок. Я был зол и желал, чтобы от меня все отстали.

— Бальдр, я хочу оставить Лагретту тебе. Будет следить за домом и греть твою постель.

От удивления я приподнял брови.

— Не надо, — выдавил я даже не взглянув на женщину, стоящую за спиной у Рёйрика.

— Хмель не сделает тебя счастливым, а женщина может! — настаивал старый хирдман. — Подумай.

Рёйрик махнул рукой сыну, и тот помог ему подняться.

Лагретта продолжала стоять у стола, перебирая пальцы.

— Садись, — приказал я. — Ты сама попросила остаться?

— Как ты понял? — Лагретта села, и взгляд её заблестел.

— Ты молодая и бездетная. Старшие жёны Рёйрика властвуют над тобой — тебе достаётся много работы. Но мечтаешь ты о положении повыше.

— Я... Да, ты прав... — Лагретта покраснела. — Ты не примешь меня?

— Ну, почему? — пожал я плечами, взглянув на опустевший дом. — Мне это тоже выгодно, ведь тебя наверняка научили делать свою работу хорошо? Занимайся домом. Но спать я буду один.

Лицо Лагретты воссияло. От радости она сцепила руки в замок и придвинулась ко мне.

— Если у тебя проблемы, то есть средства...

— Моя проблема не там, а тут, — указал я пальцем со штанов на грудь.

Девушка нахмурила брови и поникла. Бедная девочка не видела в жизни настоящей любви. Ничего не видела, кроме старого хирдмана. Мне было её жаль. Я поглядел на неё, на её гладкую кожу и нежные черты, и дал себе слово, что не буду её неволить. Если полюбит кого — отпущу.

Я вышел на двор, чтобы справить нужду. Пока брёл до отхожего места, то видел что по всей усадьбе царит суета. Не только Рёйрик с семейством готовился к отъезду, но и все соратники, и многие работники. Краем уха я услышал тревожный разговор пастухов о том, что перегнать овец под Фьялвик почти невозможная задача.

Темнело. Облегчившись, я брёл обратно, вдыхая полной грудью запахи навоза смешавшиеся с благоуханием летнего луга. Ветер холодными порывами бил мне в лицо и вытряхивал на голову капли мороси.

На земляной стене загорались огни. Я увидел Рёйрика, который взбирался по ступеням вверх, опираясь на палку.

— Держись за меня, — сказал я, подойдя.

— Бальдр! — вздохнул старый хирдман, оперевшись мне на плечо. — Сегодня ты сам решил провести осмотр? Вовремя. Давай я тебе всё расскажу.

Мы преодолели лестницу и оказались на стене, опоясывающей усадьбу. В нескольких местах вал расширялся, образуя наверху широкое место для кострища. Под каждым расширением стояла лестница, и стол навес с дровами и бочонками с маслом.

— Раньше этой стены не было, верно? — задумался я, силясь вспомнить.

— Не было. Но пришлось построить. Стена достаточно высока, и варги её преодолеть не могут. Летом они не такие бойкие, почти не приближаются, но для предосторожности мы каждую ночь зажигаем огни. В прошлом году люди видели йотунов, и я приказал выкопать ров, чтобы стена снаружи казалась выше!

— Выглядит безопасно, — кивнул я. — Жить можно.

— Нельзя, Бальдр! — покосился на меня Рёйрик. — Видишь те деревья?

Я поглядел на темнеющую в зареве заката кромку леса.

— Вижу.

— Ещё пять лет назад лес подступал почти под самые стены Хедвига. Но теперь он стал вдвое меньше! Деревьев скоро не останется, и нечем будет разжигать огни и не из чего строить дома.

Я вздохнул, не находя, что ответить.

— Давай сядем, — указал Рёйрик на низенькую скамью.

Мы сели. Старый хирдман всё ещё переводил дыхание после подъёма, утробно вздыхая.

Я потуже завернулся в плащ и убрал от лица волосы, которые раскидал ветер.

— Через три месяца наступит долгая ночь, — проговорил Рёйрик. — И вот тогда твари, гонимые голодом, полезут на стены. И будут лезть, пока землю вновь не озарят лучи солнца. Хорошо бы до того времени ты вспомнил, где твой меч. Ведь ты останешься здесь один. Завтра я со своими людьми покину твою усадьбу.

— Рёйрик! — возмутился я. — Почему все люди уходят с тобой? Где те, кто жил тут в мои времена?

— Где они?! — изумился Рёйрик, и старые глаза его заблестели. — Где люди, которые позволили войти в дом и убить своего ярла?! Я всех прогнал! Всех!

Мы поглядели в глаза друг другу, и мне сделалось стыдно.

— А ещё они не верят, что ты сможешь их защитить. Люди видят, что ты пришёл в их общину, опустошил запасы хмеля, ты никого не ценишь и никому не рад, смотришь на всех так, как будто хочешь убить. Так?

Я кивнул, но вины своей не чувствовал.

— Я знаю, что после того, что с тобой сделали, тебе трудно верить людям и тем более защищать их, — произнёс Рёйрик совсем уж откровенно. — Но и раньше ты не был святым. Да, ты был открыт и щедр, но также бывал и заносчив. Да, тебя уважали. Но уважали не потому что любили, а потому что боялись.

— Замолчи, старик, — хрипло проговорил я и поднялся.

У меня заныла рана, и в груди стало как-то погано. Ветер хлестнул меня по лицу, оцарапав крупинками замёрзшей влаги. Перед глазами у меня замелькали зелёные огоньки. Я зажмурился, но когда открыл глаза вновь, огоньки не исчезли.

— Ты тоже это видишь, Рёйрик?

— Вижу, — мрачно ответил старик.

— Тревога! — раздался крик караульных. — Твари идут! Запереть ворота!

Я увидел вышедших из темноты леса варгов. Они быстро приближались к усадьбе.

Глава 4. Хозяин усадьбы

— Зажигайте костры! — приказал Рёйрик.

Воины вскарабкались на стены и убрали с кострищ укрывающие их от дождя пологи. Я помог уложить дрова и принёс масло. Огонь мгновенно вспыхнул, и от его жара стало тепло.

Рёйрик стоял, оперевшись на палку, и тревожно глядел вниз, в темноту под стеной. Я подошёл ближе и тоже поглядел вниз. Ров заполонили твари, и глаза их напоминали светлячков, сидящих в траве. Только светлячки эти сидели беспokoйно, сновали туда-сюда, будто примеривались, где лучше забраться по стене. Звери рычали, ветер закладывал уши, танцующее пламя ослепляло, и я не мог успокоить дрожь, которая меня объяла.

Я взял из огня горящую палку и бросил её вниз, в варгов, которые слишком активно пытались подтянуться по стене. Мне удалось их согнать, но в другом месте звери вновь принялись карабкаться.

Кетиль приблизился к краю и пустил в тварей горящую стрелу.

— Есть ещё луки? — спросил я.

— Есть, но стрелы не очень-то действенны, — буркнул он. — Наконечник не пробивает шкуры, отскакивает. Пламя гаснет.

— Давайте закидаем ров дровами, польём маслом и подожжём! — воскликнул я.

— Нет, Бальдр! — строго сказал Рёйрик. — Сейчас ты это сделаешь, а когда они придут завтра, тебе нечем будет обороняться.

— Может, если мы убьём их сегодня, то завтра никто не придёт?! — рявкнул я. — Вы все тут слишком осторожные! Прячетесь за стенами и ждёте, что придёт герой и спасёт вас? — Я понизил голос: — Героя убили, его нет.

Я гневно выдохнул и зашагал по стене. Воины убирались с моего пути и не дышали, когда я проходил мимо. Обойдя вокруг кострища я вернулся на прежнее место и встал напротив Рёйрика и Кетилия.

— Если вы будете лишь защищаться и не будете атаковать, то шансов выжить нет. Никаких!

— Ты готов рисковать, потому что ничем не связан, Бальдр! — проскрипел Рёйрик. — Если бы у тебя были жёна, дети, ты бы сто раз подумал, прежде чем приказывать сжигать все дрова в одну ночь.

Пока мы были увлечены спором, одному варгу удалось забраться на стену. Чёрная тень прыжком настигла ближайшего воина. Он закричал, но быстро умолк. На стене поднялась суета. Воины замахали горящими палками, сгоняя варга, но то тут, то там на стену взбирались новые.

— Что это такое?! — взмолился Рёйрик. — Они никогда не забирались наверх!

— Стены со временем гниют, а враги растут, — буркнул я.

Нам удалось отбить натиск тварей. Выдалась передышка, и я сел на приготовленное для костра полено. Я сидел далеко от огня, но тело пекло. Пот стекал по груди, по животу, по спине. Я тяжело дышал, хрипел, как загнанная собака. Руки и ноги ныли, меня тошнило. «Скорее бы рассвет», — думал я, ковыряя ногтями кору на палке.

Гул голосов раздался в стороне. Варги вновь забрались на стену. Я встал. И как оказалось — вовремя. Возле меня тоже оказалась тварь. Я замахнулся факелом — она отпрыгнула в сторону. Но тут же явилась вторая, третья.

Варг бросился на Рёйрика, вцепившись ему в горло. Я ужалил зверя огнём по спине, и тот отскочил. Но было уже поздно. Рёйрик, окровавленный, упал на землю.

Встав вплотную друг к другу и выставив перед собой огонь, мы двигались на зверей, и они вновь отступили.

— Бальдр! — позвал Кетиль, стоя на краю стены. — Иди сюда.

Я не успел повернуться к Кетиллю. Позади раздались крики, и я увидел, что варги прорвались внутрь усадьбы. Я рванул к лестнице, и ко мне присоединились Хельги и ещё несколько воинов.

— Там же женщины! — закричал я.

— Бальдр! — вновь позвал меня Кетиль голосом полным ужаса.

Я повернулся и поглядел туда, куда глядел он. Я увидел, что к усадьбе чёрной горой приближался йотун.

— Догоните варгов, — приказал я Хельги, а сам вернулся на стену.

Я увидел, как некоторые воины заробели, опустили факелы и приготовились к смерти.

— Если сейчас кто-то скажет, что мы не переживём ночь, я лично сброшу его вниз! — выкрикнул я. — Тащите дрова и масло. Всё что есть, несите на стену!

Мы разожгли огромные костры. Когда йотун приблизился, то мог подступить к усадьбе лишь в одном месте, над воротами.

— Дай мне лук, Кетиль! — приказал я.

Йотун тормозил ворота, желая проломить стену. Земля тряслась под ногами. Летели куски дёрна и камни. Воины метали в чудовище горящие головешки, стараясь отогнать его.

Я устроился на стене подле тела Рёйрика и прицелился горячей стрелой йотуну в глаз. Затаил дыхание и спустил тетиву. Стрела отскочила от плоти чудовища, но огонь обжёг и ослепил глаз. Йотун яростно заревел, схватился за голову и отступил от ворот.

— Ты прогнал его, Бальдр! — воскликнул Кетиль.

Варги отступили вслед за йотуном, и я услышал ликование воинов.

— Мы прогнали их! — кричали они. — Впервые — сами прогнали!

Я не увидел Хельги и решил найти его. Спустившись со стены, я двинулся в сторону долгого дома. Небо светлело у меня на глазах.

На бульжниках крыльца я увидел тела двух воинов. Дверь была распахнута, я вошёл внутрь, и от увиденного у меня сжалось сердце.

Хельги лежал лицом вниз в луже крови. Я прошёл в женские покои и увидел наполовину съеденные тела жён и маленьких детей Рёгнара. Здесь была и Лагретта. Я узнал её волосам и торчащему из-под рубашки плечу. Лица у неё не было.

Я вышел из дома, меня трясло. Ноги подкосились, и я сполз по стене на землю рядом с телами воинов.

— Что с тобой, Бальдр? — поглядел на меня Кетиль. — Да ты ранен!

Я взглянул на свой живот. Рубашка была пропитана кровью. Я задрал её и увидел, что швы на боку разошлись — из меня сочится кровь и гной.

* * *

Я видел сон, а может, передо мной восстало воспоминание. Мы плыли от конунга Харальда на трёх ладьях. Две из них принадлежали моему брату конунгу Хёрду, а третья мне.

И я вёз своему брату невесту — Маргрет, с которой тот никогда не виделся.

Маргрет мне понравилась. Она была умной, бойкой, откровенной — настоящая дочь конунга. У неё были глаза утреннего неба и кожа гладкая, как поверхность ледникового озера. Волосы светлые, почти пепельные. Таких девиц я прежде не видел.

В свою очередь, Маргрет не встречала таких, как я. Мы жили на далёком острове и всё ещё сохраняли веру в древних богов. Мы считались людьми другого мира, но и Харальду, и нам был выгоден союз, который сохранил бы единство наших народов, имевших общие корни.

Когда мы сидели на пиру у Харальда, я видел, что глаза у Маргрет полны печали. И спросил:

— Почему ты грустишь, невеста? Разве ты не желаешь отправиться в мою страну и стать жёной моему брату? Не бойся, — сказал я. — Конунг Хёрд мудрый и справедливый. Он очень добрый и никогда не обидит тебя. Ты сияешь, как солнце, и я счастлив, что у брата будет такая жена!

Маргрет поглядела мне в глаза и ответила:

— Ты так любишь брата и радуешься его счастью, что я завидую той, кто владеет твоим сердцем. Есть у тебя жена?

— Нет, — ответил я. — Походы, плавания — я почти не бываю дома. Будь у меня жена, она давно ушла бы к другому. А я этого не вынесу — потому не беру жены.

— Если бы я была твоей женой, то скорее умерла бы от тоски, чем поглядела на другого.

Лицо Маргрет вспыхнуло. Она отвернулась и закусила язык от излишней откровенности.

— Пей, невеста, — мрачно сказал я и поднял кубок. — И не грусти.

Маргрет выпила со мной, и больше мы не заговаривали. Её слова не выходили у меня из головы ни в тот вечер, ни за всё последующее время, пока мы готовились к отплытию. Я тосковал вдали от неё, и самым счастливым для меня стал день, когда мы взошли на мою ладью.

Я приказал устроить для Маргрет закрытый полог, чтобы за время плавания девушка не смущалась в окружении стольких мужчин. И она просидела там полдня, а потом вдруг выскочила и бросилась к борту, спасаясь от немилого брака.

Я испугался и кинулся за ней. Я схватил Маргрет, увидел её смущённое лицо и понял, что никогда не забуду её глаз. Сердце сжалось, но я рассмеялся. Она тоже улыбнулась и прижалась ко мне.

— Скажи, Маргрет, — произнёс я, обняв её, — ты правда могла бы хранить верность мне одному? Навсегда?

— Я желаю этого всем сердцем, Бальдр! — кивнула она, со жгучей тоской поглядев мне в глаза.

— Я не повезу тебя к Хёрду, если ты этого не хочешь, — прошептал я. — Я повезу тебя к себе. Ты будешь моей женой!

* * *

Боль в боку привела меня в сознание. Надо мной колыхалась тень, пахнувшая мёдом и

сыром.

— Йорунн? — простонал я.

— Теперь ты меня вспомнил — это радостно, — улыбнулась старуха. — Не двигайся, я промываю рану. Ты очень плох, Бальдр. Три дня пролежал в беспамятстве.

В голосе Йорунн прозвучала тревога.

— Три дня? А твари не приходили больше? — спросил я.

— Люди говорят, что после той ночи даже огни в лесу перестали мерцать.

— Хорошо, — выдохнул я.

Я склонил голову набок и уставился в тёмный угол.

— Когда я приехала и увидела тебя, истёкшего кровью, — мне стало так страшно... — прошептала Йорунн.

— Не тебе одной... — сглотнул я.

Она дотронулась до моего лба, потом пощупала сердцебиение на шее и покачала головой.

— Я испугалась, что приехала слишком поздно. Но, слава Бессмертной матери, успела заняться тобой.

Я чувствовал жар, исходивший от моего тела. Даже веки и ресницы горели. На языке было сухо и скребло.

— Дай попить, — хрипло проговорил я.

Йорунн протянула мне кружку и придержала голову.

— Ты очень плох, — повторила она. — То, что я подняла тебя из мёртвых, не обошлось без последствий. В крови воспаление, и у тебя началась горячка. Я даю тебе средство, чтобы сбить жар. Но надолго ли этого хватит? Ох, Бальдр, почему ты не отправился к Хёрду, он ведь ждёт тебя.

— Почему не отправился к Хёрду?! — прошипел я. — А то ты не знаешь?! Он унижил меня, убил! Забрал Маргрет. Он забрал у меня всё!

Я захлёбывался яростью, горло осипло — я закашлялся.

— Успокойся, не кричи на меня, — проговорила Йорунн, придержав меня за грудь. — Мне знакомо, что ты чувствуешь.

Стараясь отдышаться и унять гнев, я осмотрелся по сторонам. Я находился в своих покоях, освещённых тусклым светом масляной лампы. Шкуры в проходе были раздвинуты, я видел зал — он был пуст. Стояла непривычная тишина.

— Где все? — прохрипел я слабым голосом.

— В земле, Бальдр, — холодно ответила Йорунн.

Перед глазами мелькнуло видение окровавленных тел, которых я застал в доме после нападения тварей. Грудь закололо от бессилия.

Йорунн сомкнула губы, уголки её рта укоризненно выгнулись вниз.

— Хель пирует в своём чертоге, — прошептал я. — Ты считаешь, я виноват, что не спас их?

— Приподнимись, пропущу перевязь под спиной, — сказала Йорунн. На вопрос не ответила.

— Мы все умрём — борись или не борись — исход один, — сказал я. — Что бы мы не делали, нас ждут безмолвие, холод и тьма.

Старуха вздохнула и вновь промолчала. Она укрыла меня шкурой до самых плеч, я заметил на её сарафана броши из белого металла, так похожего на металл амулета Маргрет.

— Откуда у тебя это?

— Это? — покрутила она брошь. — Это ты подарил мне Бальдр. Незадолго до... гибели.

Йорунн провела шершавой ладонью по моей щеке, а потом попыталась встать на ноги. С первого раза у неё не получилось: старушечьи мышцы были слишком слабыми. Я вспомнил, что сказали мне Олав и Торир: Йорунн была молодой женщиной и отдала непрожитые годы за то, чтобы оживить меня. Я взял её за руку.

— Неужели тебе не хотелось пожить подольше? — прошептал я. — Знаешь, там в Хельхейме нет ничего хорошего — только холод и одиночество!

— Ты верно говоришь, что все мы умрём, Бальдр. Но вопрос в том: как? — многозначительно произнесла Йорунн.

Она нависла надо мной и поглядела в глаза.

— Я сделала это, чтобы обрести в душе огонь, который грел бы меня и освещал мне путь во мраке.

— Ты хотела дать шанс людям спастись от чудовищ?

— Я хотела дать шанс тебе, Бальдр! Чтобы ты мог искупить свой грех и обрести огонь, который согревал бы тебя на бескрайних просторах Хельхейма, когда ты вновь вернёшься туда.

— Но, если я не искуплю своего греха, твоя жертва будет бессмысленной...

— Я любила тебя, Бальдр, — прошептала Йорунн. Шёпот её был похож на девичий, знакомый мне. — Ты был добрым и щедрым. Когда меня за колдовство изгнали из Хедвига, ты подарил мне усадьбу на Песчаном берегу. Так что моя жертва не может быть бессмысленной. Это моя благодарность тебе.

Глаза Йорунн увлажнились. Мои тоже. До этого момента я чувствовал себя одиноким, всеми преданным, но Йорунн дала мне понять, что я был не одинок.

— Остайся со мной в Хедвиге, — сказал я. — И скажи людям Рёйрика, что я прошу их тоже остаться.

— Я останусь с тобой, — кивнула Йорунн. — Но с воинами говорить должен ты сам.

* * *

Рана не заживала. Йорунн промывала её каждый день и поила меня снадобьями — это помогало бороться с воспалением и жаром. Но я должен был принимать зелья Йорунн на завтрак и на ужин, от чего вкус моей пищи стал ещё более отвратительным. Чувствовать я стал себя вполне хорошо. Хорошо для друга.

Опираясь на палку, чтобы меньше бередить рану, я вышел на двор.

— Ты похож на Рёйрика, — заметил Кетиль, сидевший на скамье у крыльца.

— Такой же мёртвый? — ухмыльнулся я.

Кетиль скривил лицо в усмешке.

— Как дела в усадьбе? — спросил я. — Много умерло в ту ночь?

— Пять мужчин на стене, считая Рёйрика. И семь женщин и детей в усадьбе.

— Прикажи сделать такие запасы дров, какие только возможно, — приказал я. — Не стоит шадить лес, если наши дети не доживут до дня, когда смогут им воспользоваться.

— Хорошо, ярл, — Кетиль встал и поклонился мне.

— Вы останетесь со мной? — прищурился я.

— Рёйрик погиб, и нам некуда идти, — ответил Кетиль. — Я был бы рад служить тебе. Да и все были бы рады. Но... — воин прочистил горло и переступил с ноги на ногу.

— Говори, ну! — потребовал я.

— Ты не хочешь служить конунгу... Никто из нас не желает войны. Нам довольно войны с чудовищами, понимаешь, ярл?

— По-твоему, я похож на того, кто её желает? — я прищурился и развёл руками, предлагая Кетилю лучше присмотреться к моему болезненному виду.

Воин в задумчивости сложил руки на груди, а я опёрся подбородком на палку.

— Пока не изгоним тёмных тварей в бездну, из которой они явились, я не развяжу войны с Хёрдом, — произнёс я. — Веришь мне?

— Я верю тебе, ярл, — заглянул мне в глаза Кетиль. — Во время битвы на стене ты... ты показал, что заслуживаешь доверия. Все мы готовы были следовать за тобой. Ну почти все...

Кетиль вновь переступил с ноги на ногу.

— Ну! Говори, — буркнул я.

— Рагги... Сынишка Рёйрика, — Кетиль почесал голову. — Ты видел его, он всегда ходил со стариком. Он ещё глуп и сердится на то, что ты забрал у отца усадьбу. Вразумить бы его...

— Где он? — спросил я.

— За стеной, у могил.

Я двинулся под морозящим дождём к воротам. Сперва во мне разгорелась злость, и я представлял, как отхлещу мальчишку своей палкой и прогоню прочь за то, что смел считать мой дом своим! Но холодный ветер постепенно унял ярость. Что он знал, этот мальчишка? Много ли он видел в жизни?

Я нашёл Рагги. Он сидел на вымокшей от дождя земле, обхватив колени руками. У него на лице и под носом висели капли. То ли от дождя, то ли от соплей.

— Здравствуй, — сказал я.

Парень взглянул на меня, сделал сердитое лицо и насупился. Не ответил. Это был парень лет четырнадцати. Глупый возраст. В этом возрасте честь, мужество, дружба кажутся тебе самыми главными добродетелями в жизни. Ты готов умереть ради них. За справедливость ты готов мстить яростно и самоотверженно. Купить тебя невозможно, даже если покупает ярл.

— Я понимаю тебя, — сказал я, сев рядом.

Я закрипел зубами от боли, прижав руку к боку. Рагги повернулся с встревоженным лицом.

— Рана, — пояснил я.

Мы немного помолчали. Ветер был сильным и холодным. Я вымок и замёрз — и решил не тянуть.

— Со мной тоже поступили несправедливо, — сказал я. — Я жил с женщиной, которую любил, и просил своего брата разрешить мне брак. Но он прислал убийц — меня отправили в могилу. У меня забрали всё: любовь, усадьбу, достоинство, жизнь.

— Ведь ты жил с чужой женщиной! — презрительно произнёс Рагги.

— Она хотела быть моей. Это не считается?

Парень плотно сжал губы, передёрнул плечами от холода и судорожно вздохнул.

— Когда меня вернули из мёртвых, я нашёл в своей усадьбе твою семью. Это было

справедливо?

— Наверное, нет, — ответил Рагги.

— Да, твой отец мог оспорить моё право на усадьбу, но решил уехать. Он был справедлив. Он был честен. И я хотел бы отплатить ему тем же, — я поглядел на Рагги. — Если хочешь, парень, я могу дать тебе коня, и ты отправишься к кому-нибудь из своих братьев. Но, если хочешь, я назову тебя своим хирдманом, и ты будешь служить мне. Будешь служить ярлу и однажды сможешь купить себе собственную усадьбу.

Взгляд парня сделался задумчив, сердитые морщинки на лбу разгладились.

— Если ты не победишь чудовищ, то ни у кого не будет будущего, — проговорил он.

— Я ведь не могу один победить всех, верно? Что ты решил, ну?

— Хочу быть твоим хирдманом, конечно, ярл Бальдр.

Я приобнял парня за плечи, и вспомнил, как обнимал меня брат в день, когда мы узнали о смерти отца. По телу пробежали мурашки от осознания, что когда-то мы с ним не были врагами.

Мы вернулись в зал вместе с Рагги. Я посадил его с собой за один стол и Йорунн тоже попросил сесть рядом. Воины пировали, а я вертел в руках кубок с мёдом. Пить я уже не мог: вкус был гадостный, а опьянение не спасало от мыслей, как бы я не старался.

Я сделал глоток и поморщился от горечи.

— Зачем ты пьёшь, если тебе от этого плохо? — произнесла Йорунн.

— Я должен решиться на разговор с Хёрдом, — сказал я. — Но трезвым я к нему не поеду.

Глава 5. Конунг

Всю ночь барабанил дождь. От шума и холода я плохо спал — совсем становлюсь стариком? Я лежал в постели один, и меня поедала тоска. Мне виделась Маргрет: очертания её бёдер, таких пленительных для меня, её пушистых волос, пахнущих цветущими лугами, жадных губ. Я помнил их. Всегда помнил. Но теперь я узнал и её имя, и узнал, чья она жена... Мысли обжигали меня, и я не мог спать. Я желал лишь одного: наказать Хёрда и вернуть свою женщину!

Разбитый и не отдохнувший, я поднялся с постели. Я разместился в зале и часто выглядывал во двор, дожидаясь рассвета. Я хотел поскорее отправиться в путь.

Ливень смолк, но морось стояла в воздухе сплошной стеной. Мгла не расступалась.

— Надо ехать, если ты собирался, — зевнул Кетиль и почесался. — Погода уже не разгуляется. Мы можем прождать и до обеда, но выезжать тогда будет уже поздно.

Кетиль приблизился к очагу и налил подогретого мёда. Он протянул мне кружку, но я отказался.

— Выводи лошадей, — приказал я.

Когда я оделся и ступил на сырой, промозглый двор, то увидел Йорунн в дорожном плаще. Они стояли с Кетилем, и он помогал ей забраться в седло.

Я замер, испугавшись, что моё приближение вновь поднимет коней на дыбы, и тогда — конец старухе.

— Йорунн, какого хрена?! — выкрикнул я через весь двор.

— Ты же просил меня быть с тобой! — дёрнула она плечами.

— Не кричи, ярл, — махнул Кетиль рукой, — иди сюда. Я выбрал самых смирных коней. Они всю ночь нюхали твои кровавые бинты и привыкали. Жуткая вонь, правда, ребята? Но зато теперь не боятся!

Я медленно подошёл.

— Ну, и чего так глядишь? — спросила Йорунн в ответ на мой тяжёлый взгляд. — Лекарство ты принял?

— Забыл, — мотнул головой я.

— Видишь, мне придётся поехать с тобой, — поучительно кивнула она, — чтобы ты не забывал. Кто-то должен заботится о тебе. Кто-то — о лошадях, — бросила она взгляд на Кетиля.

Ухмылка слетела с лица воина, и он убрал руки от старухи.

— Просто ты такая старая... — поморщился я. — Не придётся ли с тобой возиться?

— У тебя распорот бок, — сказала Йорунн. — Рана не заживает, гноится. Бегаю с тобой, как с малым ребёнком. Это кому с кем ещё предстоит возиться?!

— Ладно-ладно, замолчи, — фыркнул я, влезая на своего коня. — Едем, ну!

Дождь. Интересно, закончится ли он когда-нибудь? Ещё ни дня, как восстал из мёртвых, я не видел на небе солнца. Хмарь стояла над землёй дни напролёт и только сильнее отяжеляла душу.

Боль. Почему конь не может двигаться ровно, не подкидывая мой зад при каждом шаге? Зараза. — Рана болела и мокла. Тошнота подкатывала к горлу. По спине стекал холодный пот от невозможности. Но я терпел.

— Это ты их убил? — спросил Кетиль.

— Кого?

Наши кони шли вровень. Я видел, что воин глядит на меч Торира, прикрепленный к моему седлу, и слегка улыбается. Кетиль был моим хирдманом и, по-видимому, чувствовал себя почти моим братом.

— Олава и Торира, — уточнил он. — Торир был гадким парнем! Прошлым летом, когда люди Хёрда приезжали в Хедвиг, он взял девственность моей сестры и бросил её. Ей пришлось выйти замуж за пастуха. Весной их сожрали варги, когда они перегоняли овец.

Кетиль перевёл взгляд на серые холмы и замолк.

— Торира тоже сожрали варги, — ответил я.

Справа от дороги я увидел, как посреди луга, в пелене тумана, выросла тень холма. Когда приблизились, я понял, что это был могильный курган.

— Кто там похоронен? — спросил я.

— Теперь это пустующий курган, — ответил Кетиль после некоторого молчания.

— Моя могила? — прищурился я.

Кетиль кивнул. Я направил коня с дороги, к холму.

— Бальдр, мы ведь только отъехали! — встрепенулся воин. — Нам нельзя останавливаться, иначе не добраться до жилья засветло!

— Дай ему минутку, пусть пожалеет себя, — раздался голос Йорунн у меня за спиной.

Я повернулся и поглядел на неё. Йорунн вздрогнула, затаила дыхание, отвела взгляд.

Казалось бы, если ты сейчас жив, то зачем оглядываться назад и встречаться лицом к лицу со своей могилой? Но я всё равно взбирался на мокрый холм. Рану на боку щипало, свербило.

Здесь было всё для меня кончено. Мрак. Смерть. Пустота. Страх. Я заглянул в черноту развороченной земли, на которой рябью дрожали лужи. Здесь был мой прах.

Я мог бы постоять тут дольше и порассуждать о неземном, но на открытом холме ветер был немилосердным и продувал налитанный влагой плащ насквозь. Я замёрз и отправился вниз.

Йорунн подъехала ближе. Я молчаливо поглядел на неё. Старая женщина. Слабая, промокшая. Она отдала свою молодость за то, чтобы у меня был шанс на искупление. Я должен попытаться спасти мир, чтобы её жертва не была напрасна.

— Как ты, Бальдр? — осторожно спросила она. — Тяжело?

— Низковато, — сказал я. — В другой раз выложите ладью из валунов на вершине. Помнится, у меня была ладья?

— Твои драккары стоят теперь в Тронхейме у конунга Хёрда, — сказал Кетиль. — Он забрал всё твоё имущество и раздал своим хирдманам.

— Ублюдок! — выругался я.

Добрый настрой мгновенно улетучился, я часто задышал, давясь злобой.

— Память возвращается к тебе? — приподняла брови Йорунн. — Ты ещё не вспомнил, где Эйсир, твой меч?

Я поглядел на брошь, блеснувшую в прорези плаща старухи, и помотал головой.

К вечеру мы прибыли в усадьбу Скоугар.

— Здравствуй, Кетиль. И вас приветствую, путники, — сказал хозяин, косматый здоровяк, встретивший нас на пороге долгого дома. — Кто это с тобой? О, Боги, Бальдр!

Здоровяк прикрыл рот рукой и лицо его побелело.

— Давно не виделись, — он робко улыбнулся, но глаза выдавали страх.

— Я знал тебя? — скривил лицо я.

— Я Ингольф, ты не помнишь, ярл? Э-Э... Я был одним из твоих землевладельцев... бондов, но теперь плачу налоги Хёрду, извини!

— Понимаю, — стиснул я зубы.

— А это кто с тобой? — покосился Ингольф на Йорунн, которая пряталась за моей спиной. И все люди, что вышли нас встречать, попятились. — Нет, ярл... — Лицо бонда осунулось, будто он увидел чудовище. — Тебе я дам ночлег, но колдунья пусть уходит!

Я повернулся к Йорунн и увидел в её глазах отчаяние.

— Почему вы прогоняете её?

— Она колдунья! — выкрикнул кто-то. — Она подруга Хель!

— Я колдунья, — кивнула Йорунн. — Они бояться.

Я взял спутницу за руку и вывел вперёд.

— Она останется! — рявкнул я. — Эта женщина вернула меня к жизни и пожертвовала за это молодостью! Нет?!

— Хорошо, — замялся Ингольф и попятился. — Проходите.

Лампы в доме горели тускло. Стол у бонда был бедным: то ли Ингольф жил голодно, то ли пожалел достать запасы из погреба. Я так устал, что просто не хотел это выяснять и не хотел разжигать в себе лишнюю злобу.

Я посадил Йорунн с собой, чтобы никто ей не угрожал. Она с большим аппетитом ела всё, что поставили перед нами на столе: а это был лишь скир и лепёшки. Йорунн жевала бойко, как молодая девушка, — и я завидовал её жизненной силе.

Я сунул в рот маленький кусочек смоченной в скире лепёшки. Но не потому что хотел есть, а чтобы завтра быть способным снова сесть в седло. Я очень устал и хотел выпить. Но хмеля на столе не было, и мне сделалось особенно тоскливо.

Кетиль быстро набил живот и поднялся от стола.

— Всю прошлую ночь проворочился, — буркнул он. — Если есть больше нечего, пойду спать.

Он завернулся в плащ, лёг ближе к огню и сразу же захрапел.

— Почему люди боятся тебя? — спросил я, поглядев на Йорунн.

— Я знакома с Хель.

— Когда ты рассказала про огонь, который мог бы осветить путь в Хельхейме, я понял это.

— Я познакомилась с Хель, когда была ребёнком.

— Расскажи.

— Я была на грани смерти, давно... я рассказывала тебе когда-то, но, что ж, расскажу ещё. В тот год погибло много скота от болезни, и всем грозила голодная зима. Меня, как лишний рот, отправили в лес искать погибель. Дикая звери мне не попались, быстрой смерти не случилось. Наступила ночь, и я очень замёрзла. Я оказалась на пороге Хельхейма, и Хель вышла мне навстречу. Однако, я ей почему-то не понравилась. Она поглядела на меня страшным, заполненным тьмой взглядом и ушла. А утром я проснулась. Живая. Я добрела до соседней усадьбы, где меня приютила одна одинокая старуха — Аслог. Все удивлялись тому, как я выжила, пройдя через лес, и я рассказала о том, что виделась с Хель. Люди хотели вновь выгнать меня, но Аслог настояла, чтобы меня оставили. Она была уважаемой в поселении знахаркой и научила меня собирать травы, готовить снадобья. Я много знаю о снадобьях, и люди, хоть и презирают меня, всё равно приходят. И ты тоже приходил, не

ухмыляйся.

— Чего же я от тебя хотел?

— О, у тебя была беда, когда много выпьешь, ты не мог. Хотя и очень хотел. Мы решили твою проблему, испытали и закрепили. Ты остался доволен и подарил мне в награду усадьбу на Песчанном берегу.

— Каким я был щедрым! — изумился я.

— Ты пришёл ко мне именно таким. Светлым, лёгким, любящим женщин, красивых и не очень — всех. Ты был щедрым со всеми, кто был щедрым с тобой. А потом ты встретил Маргрет... — Йорунн подтянула к себе ноги и улеглась на скамью. — Она сделала тебя жадным. До того, что ты предал брата. Всё, я хочу спать.

Старуха замолчала. Я отодвинулся от неё и достал нож, висевший на поясе. Поглядев на сталь, отражавшую пляску отсветов лампы, я задрал рубашку на животе и осторожно сунул нож под перевязь раны.

«Хорошо, — подумал я. — Будет держаться».

Я вернул нож в ножны, расправил шкуры и приготовился спать. Ингольф появился из-за занавеси и, подойдя ко мне, поставил на стол кувшин с хмельным мёдом.

— Уж извини, плохо кормлю, — тихо проговорил он. — Мы живём небогато. Но теперь, когда все спят, могу поделиться с тобой тем, что греет душу.

— А я уж думал, придётся уснуть трезвым. Налей, — я придвинул кружку.

— Недавно здесь была жена конунга, Маргрет, — произнёс Ингольф. — И все мы вновь вспомнили о той истории, о которой не велено теперь вспоминать.

Грудь скрутило спазмом от упоминания Маргрет. Я внимательно поглядел на Ингольфа.

— Она сидела там, где сидишь сейчас ты, и плакала. Всю ночь проревела. Мы испугались. Нет, не женских слёз, а того, что история эта, о которой не велено вспоминать, выплывет наружу.

— Говори яснее, ну!

— Эта история... о том, что она жила с тобой в Хедвиге. Никто об этом теперь не вспоминает, потому что Хёрд не рассказал об этом конунгу Харальду, отцу Маргрет. Мудрый Хёрд решил скрыть, что ты осквернил юную деву: сказал приболела — и потому свадьбу отложили. Ему пришлось. И Маргрет пришлось.

— Зачем ты мне это говоришь?! — выпрямился я.

— А затем, что, если бы ты оставил теперь Маргрет у себя, конунг Харальд пришёл бы с войной! И воевал бы против тебя! И Хёрда!

* * *

Когда мы добрались до Тронхейма, дорога совсем измучила меня. За прошедшие дни я почти не ел и плохо спал из-за гноящейся раны. Я много пил, чтобы меньше чувствовать.

Я совсем истощил себя из-за гнева на брата, но меня согревала мысль, что с каждым днём я становлюсь всё ближе к Маргрет. Однако, я вспоминал, что она теперь ночует в постели Хёрда, и злоба вновь охватывала меня. Я напряг мускулы на животе, чтобы лучше почувствовать сталь ножа, спрятанного под повязку.

Вместе с Йорунн и Кетилем мы сидели в передней части долгого дома Хёрда на устланных шкурами скамьях. Перед нами стояли блюда с мясом, сыром. Всё пахло

восхитительно, но мне комок в горло не лез. Не только потому что я не чувствовал вкуса пищи, а ещё и потому что нервничал. Я ждал, когда Хёрд соизволит принять меня, сжимая в руках кружку мёда. Кетиль нахваливал напиток из закромов конунга, но по мне он был так же плох, как и мёд из Скоугара. Йорунн склонилась через стол и обняла моё лицо, заглянув в глаза.

— Ты где-то потерялся, Бальдр, — сказала она. — Твой дух наполнен злостью, которая губит тебя.

Я отстранился от ласковых рук Йорунн, испугавшись, что Маргрет может в любой момент войти и снова застать меня с женщиной, пусть и старой.

— Ошибаешься, злость даёт мне сил!

— Злость разрушает, — понизила голос Йорунн. — Я знаю это по себе, я жила злостью, ненавидела людей, которые не принимали меня. Сил даёт другое. Тебе нужно понять: что даёт тебе сил.

Я вздохнул и поглядел на руки старухи, сморщенные и бледные. Йорунн была неизменно ко мне добра, как бы я не ершился.

Дверь отворилась, и вошёл воин в кожаных доспехах, на которых сверкали металлические пластины.

— Конунг просит тебя войти, ярл Бальдр, — сказал он. — Оставь оружие здесь.

Я знал, что вооружённым Хёрд меня к себе не подпустит.

«Бойтся! — возликовал я. — Верно опасается мести, и правильно делает!»

Я поднялся, расстегнул пояс с ножнами и оставил меч Торира на столе. Воин с опаской поглядел на меня и после нескольких мгновений замешательства осторожно ощупал меня за пояс. Я зарычал, когда он тронул мой бок.

— У него рана, осторожно! — добрая Йорунн, как я и ожидал, вступилась за меня.

Расправив плечи, я двинулся к двери. Я старался идти ровно и ничем не выдавать слабости тела.

«Интересно, Маргрет с ним? Как мне быть, если она с ним?»

Я сжал кулаки и вошёл. Хёрд сидел в кресле с высокой спинкой на возвышении посреди просторного зала. Глаза его были покрыты куском чёрного шёлка, а на волосах, подёрнутых сединой, блестели золотые колечки. Туника висела на острых ключицах, будто на сучках дерева. Конунг выглядел очень тощим, будто был болен, — выглядел немногим лучше меня.

«Слепой ублюдок, ты даже не поглядишь мне в глаза!» — посетовал я.

— Наконец-то ты здесь, — произнёс Хёрд и протянул мне навстречу тонкие руки.

Его пальцы тряслись, но я не мог точно определить его чувства: лицо было отчасти скрыто бородой, отчасти повязкой. Я глядел на него исподлобья, не подходил, молчал.

— Ты здесь, Бальдр? — Хёрд опустил руки, так и не встретившие меня.

Я восторжествовал над немощью брата.

— Удивительно, правда?! — фыркнул я. — Ты ведь убил меня, а я снова здесь!

Хёрд положил ладони на ручки кресла и прислонился к спинке.

— Бальдр, — голос его сделался строг, — ты предал... Ладно. Давай не будем говорить о прошлом теперь, когда будущее в опасности! Где Эйсир?

— Что значит, не будем?! Вот так просто забудем?! — рявкнул я, подойдя ближе.

Я выставил ногу на возвышение, оказавшись лицом к лицу с Хёрдом. Конунг пошуршал носом, принюхиваясь ко мне. Я всё ещё обладал чудным запахом гниющей плоти и подвинулся ближе, чтобы брат мог сполна насладиться.

— Я полагал, что ты будешь сердиться, — кивнул Хёрд. — У тебя действительно есть на это право. Как и у меня было право защитить невесту. А ещё у меня есть долг следить за тем, чтобы в этой стране каждый соблюдал закон!

Хёрд разозлился и встал с кресла, нависнув надо мной. Тогда я выхватил из-за пазухи нож и бросился на него, сперва прикрыв ему рот рукой. Ведь я желал убить его небыстро.

— Отец! — раздался звонкий голос.

Из-за занавеси покоев выбежал мальчишка лет девяти и повис у меня на руке, вцепившись зубами в запястье.

— Отвали! — рявкнул я, отбросив парня так, что он ударился головой о деревянный столб, подпирающий крышу.

Нож от удара вывалился у меня из руки.

— Стража! — выкрикнул Хёрд, ухватив меня обеими руками. — Лейф, сынок, как ты?! — позвал он мальчишку, но тот не отозвался.

Я не успел дотянуться до ножа, воины Хёрда ворвались в зал и наставили на меня мечи. Я замер, глядя на мальчика, что лежал у столба и не шевелился.

Я не мог поверить, что это был сын Хёрда, ведь он так мало был на него похож: крепкий телом, лицом он походил на Маргрет. Грудь кольнуло от осознания, что все те годы, пока я лежал в земле, Хёрд не только брал мою женщину, но и родил с ней детей.

— Лейф! — Хёрд искал сына на ощупь, выставив руки перед собой.

Мальчик не двигался. Лицо его побелело. Руки безвольно раскнулись в стороны. Хёрд скривил лицо, прижимая к себе сына. Он был напуган и унижен, но мне это не доставило радости.

«Я убил ребёнка? — в груди у меня похолодело. — Не такой мести я желал!»

— Папа, — простонал парень слабым голосом, чуть приоткрыв глаза.

На сердце у меня отлегло, я шумно вздохнул.

— Это мой дядя Бальдр? — прохрипел Лейф, указывая на меня рукой.

— Да, это твой дядя Бальдр, — зло прошипел Хёрд, прижав к груди голову сына. — Посадите Бальдра в клетку! — приказал конунг страже.

Глава 6. Соглашение

Воины приблизились ко мне. Их было шестеро. Но сдаваться я не желал: во мне кипела ярость. Схватив со стола блюдо и кружки, я швырнул ими во врагов и кинулся к стене. Стражи бросились за мной, и тогда я ловко метнулся в другую сторону. Я хотел выскочить в дверь, ведущую прочь из зала, но тут в комнату ввалилось ещё пяток стражей. Шансов у меня, конечно, не было. Меня полностью окружили.

— Ну всё, Бальдр, иди сюда! — Первый подошёл, я ударил его ногой в живот.

Рану на боку резануло от резкого движения, я почувствовал кислый запах гноя.

На меня бросились ещё двое, я встретил кулак предплечьем и ударил в ответ одного, второго. Меня саданули по голове, в лицо, новый удар пришёлся в спину — я полетел вперёд, глотая кровь от рассеченной губы.

Чужие руки упали на плечи и повалили меня на пол. Я почувствовал, как рана на боку вскрылась, и застонал.

Меня тут же подняли на ноги и подтолкнули к выходу. От жгучей боли, парализовавшей тело, идти я не мог и опять упал. Меня вновь подняли и потащили за руки на улицу. Те, кто меня тащил, шагали невпопад, и каждый их шаг отзывался мучительной болью. Я стиснул зубы, хотел стонать. Но не стонал.

— Бальдр! — воскликнула испуганная Йорунн.

Сквозь пелену, затуманившую взор, я видел, как старуха увязалась за мной. Она причитала, хваталась за руки стражей и умоляла, чтобы меня отпустили. Её оттолкнули, и больше я её не видел за спинами воинов.

Меня подтащили к кованой клетке, стоявшей во дворе перед долгим домом. В клетке сидели два больших чёрных пса. Это были сторожевые псы с широкой грудью и мощными челюстями. Почувяв друга, они оскалились и зарычали.

Воины хотели взять собак на привязь, чтобы затолкать на их место в клетку меня. Но псы остервенели от страха и, как только дверца отворилась, сорвались, освобождая себе путь зубами.

Один из псов укусил стоявшего ближе всех воина в пах — тот повалился на колени у моих ног. Стражи засуетились, не зная догонять ли сперва собак или втаскивать меня, лежавшего на земле, в клетку.

Я увидел, что на пути у другого пса оказался Лейф. Откуда он здесь? Дальше всё случилось очень быстро. Я выхватил нож с пояса у воина и метнул его в пса, не дав ему броситься на мальчика.

Потом меня догнала боль от вконец разорвавшейся раны, я рухнул на землю.

Над моим лицом возникла Йорунн, стражники и слепой Хёрд. Грудь сдавило, сердце пропускало удары, я задыхался.

— Не хочу умирать, — простонал я. — Йорунн, пожалуйста... — я искал её руку, водя пальцами по мокрой земле. — Позови Маргрет, я хочу увидеть её.

— Дядя Бальдр! — склонился надо мной испуганный Лейф. — Отец, он спас меня, — поглядел он к Хёрду небесно-голубыми, как у Маргрет глазами.

Темнота накрыла меня, я потерял сознание.

Мой отец был конунгом. Его звали Эйрик Храбрый. Мне было десять лет, когда его убили в походе на ганнов. Я вспомнил это.

Конунг Харальд, правитель нордванов, был моему отцу побратимом, они вместе воевали. Харальд отомстил за отца. Мой старший брат Хёрд, которому тогда было пятнадцать, стал правителем Истлага, нашего северного острова. С конунгом Харальдом они договорились о браке с Маргрет — дочерью Харальда. В тот год она только родилась.

«Бедняга Хёрд, — подумал я. — Ещё лет пятнадцать ему придётся быть одиноким и ждать, когда супруга подрастёт».

Хёрд ждал жену и не звал к себе наложниц. Моя вера в супружескую верность была святой ещё с детства, когда я видел любовь своих отца и матери. Верность была для меня словом телесным. Я чтил её и жил ею.

Но однажды, спустя год после смерти отца, я вошел в покои к матери и застал её с мужчиной. Это был Ворлиг, один из отцовских хирдманов.

— Уйди, Бальдр! — приказала мать.

— Что это такое?! — возмутился я. — Ворлиг, убирайся! Мама, ты же жена конунга!

Я не собирался ни отводить глаза, ни тем более уходить. Мама и Ворлиг не смогли продолжить занятия под моим неистовым взглядом и отодвинулись друг от друга.

— Испортил всё удовольствие, — проворчал широкоплечий хирдман, надевая штаны.

Он поцеловал мать, громко и смачно, чтобы я слышал, и, натягивая на ходу рубашку на покрытую волосами грудь, прошагал мимо меня. Я почувствовал грубый запах его пота.

— Мама, ты что?! Как же отец? — проговорил я.

— Садись, Бальдр, — похлопала она по постели, подзывая меня.

Я сел. Ложе пахло горечью. Я навсегда понял, что любовь грязное занятие. Мать встряхнула головой, её золотистые косы змеями прокатились по плечам. Она гордо поглядела мне в глаза, я сжался от смещения любви и мудрости, горевших в её взоре.

— Ты ещё так мал, Бальдр, — улыбнулась она.

— Я думал, ты любишь отца и будешь верна ему даже мёртвому!

— Я любила твоего отца, иначе не родила бы ему троих сыновей. Но он мёртв. Женщина создана любить. И, если мужа нет рядом, приходится любить другого. Почему ты так возмущён? Всё нормально, Бальдр. Я уверена, твой отец тоже в походах любил многих женщин — у тебя, наверняка, есть другие братья за морем. И ты сам, когда возмужаешь, будешь любить многих.

— Выходит, верности нет? — удивился я.

— Есть, но она в другом, — ответила мать.

Когда я вышел из покоев, внутри меня разгоралось чувство глубокого разочарования.

Шли годы. Хёрд правил в Истлаге, я сделался его правой рукой и старшим над хирдманами. Я разъезжал по стране по велению Хёрда и даже побывал в двух походах с конунгом Харальдом. Я любил многих женщин, как и говорила мать, я никому не хранил верность. Женщины тоже не хранили её мне. От воинов я слышал много историй, о том, как жены рожали им в то время, когда их по два года не бывало дома.

* * *

— Он хотел убить меня, но защитил Лейфа от сорвавшегося пса... — расслышал я голос

Хёрда.

— Он добрый, — ответила Йорунн. — А то, что с ним сделали, — простить очень тяжело. Вот он и злится на тебя. Ты должен понять. Не гневайся на него, иначе вражда никогда не закончится.

— Он бросился на меня с ножом на глазах сына! — фыркнул Хёрд. — Это подло.

— Успокойся. Ты ведь знал, что он не с гостинцами придёт. Ты всё решил. Пожалей его, прости.

Голоса умолкли. Я чувствовал жжение во всём теле и невозможную слабость, будто меня придавила каменная плита.

— Что с его раной? Он выживет? — вновь произнёс Хёрд.

— Хель отдала Бальдру мою жизненную силу, но её не хватило, чтобы вернуть ему здоровье полностью, — грустно проговорила Йорунн. — Его раны не заживают, в крови накопилось много гнилостного яда. Бальдр живёт только потому, что я даю ему отвары, очищающие кровь.

Я услышал тревогу в её голосе и приоткрыл глаза. Я лежал в небольшой тёмной комнате, на столе горела масляная лампа. На пороге стоял Хёрд с чёрной повязкой на лице, опершись на палку-трость. Йорунн стояла подле него, её сухая скривившаяся фигура в потрёпанном платье на фоне широкой груди конунга вызвала у меня жалость.

— Ты очень добра к нему, — сказал Хёрд.

— Он был добр ко мне.

«Йорунн, да почему ты такая хорошая?! Разве, я заслужил это?»

Видимо, я прорычал слишком громко: старуха повернулась, Хёрд отодвинул и, ощупывая путь палкой, приблизился ко мне.

— Бальдр? Ты очнулся? — сказал он. — При тебе нет ножа? Ты можешь выслушать меня?

— Говори, — прохрипел я.

— Твой меч — единственная надежда победить чудовищ. Тебя подняли из могилы, чтобы ты сказал, где он.

— Я потерял, память, Хёрд, — проскрипел я. — Я не помню, где меч.

— Потерял память, говоришь? — недобро фыркнул брат. — Но меня ты не забыл.

— Ты приказал убить меня, ублюдок! Такое не забыть. И ещё я помню Маргрет, помню как она жила со мной, — я очень хотел разозлить Хёрда, но сам себе показался жалким. — Остальное не помню, — добавил я, — какие-то образы всплывают во снах, но всё обрывочно.

— Ох, Бальдр, — вздохнул Хёрд. — Ты не сделал ничего хорошего в своей прошлой жизни! Отец подарил тебе меч, он обозначил тебя сильнейшим среди нас, хотя я и был старше. Ты ходил и блистал силой, обрастал соратниками, влюблял в себя женщин. Разве тебе было мало других женщин?.. Ладно. Ты и меч потерять умудрился!

У меня затряслись руки от негодования, ком подкатил к горлу.

Хёрд приложил ладонь ко лбу и почесал глаза под повязкой. Мой взгляд упал на запястье, которое брат носил на руке. Оно было из белого металла и сразу напомнило мне амулет Маргрет и броши Йорунн.

— Что это за запястье, Хёрд?

— Ты привёз мне его в качестве дара, умоляя отдать тебе мою невесту.

— Я полагаю, ты не согласился?

— Нет. Я был оскорблён, Бальдр! — рявкнул Хёрд. — Ты вёл себя так, будто тебе всё дозволено. Ты всегда считал себя лучше меня. Может быть, я и простил бы тебя тогда за Маргрет, но я конунг! Я должен был поступить, как поступил.

— Ты прислал ко мне убийц! Скажи, чьими руками ты меня убил? Кто были те люди?

— Вали убил тебя.

— Наш брат?! — я стиснул челюсти до хруста.

— Да. А потом наша мать, узнав об этом, снарядила ладью и ушла в скорбное плавание.

Перед отплытием, она вскрыла проход в недрах горы и пустила в наш мир тёмных тварей. Она обрекла нас на гибель за то, что мы сделали друг с другом. Бальдр, тише, ты сломаешь себе зубы, — голос Хёрда стал ласков. — Теперь я готов дать тебе всё, что ты попросишь. Хочешь мою правую руку? Или левую?

— Я хочу Маргрет! — взревел я.

— Она и так всегда была твоя, — грустно улыбнулся Хёрд. — Хорошо. Я разведусь с ней.

Сердце громко застучало, кровь прилила к лицу.

— Неужели?! — фыркнул я.

— Если ты избавишь Истлаг от чудовищ, то я смогу оправдать твоё имя. Я верну тебе свободу, титул, земли. И разведусь.

— Хорошо! — произнёс я.

— Хорошо, — сказал Хёрд. — И знай, если ты не справишься, то никто из нас не переживёт грядущей зимы. Ни я, ни Маргрет, — Хёрд оглянулся через плечо, — ни Йорунн...

«Знать бы только, где мой проклятый меч!» — подумал я.

* * *

Из меня вытекло много крови. Йорунн вновь промыла и зашила рану. Она делала это со мной уже не впервые. Казалось, я должен был бы уже привыкнуть. Но каждый следующий раз был больнее предыдущего. Края раны представляли собой рваное истыканное иглой месиво. От полной кровопотери меня спасали лишь тугие повязки.

Два дня после драки со стражниками я не мог подняться с постели, и ждал, что что Маргрет заглянет, навестит меня. Лишь один её вид заполнил бы мою пустоту и унял боль. Но она не приходила, и меня охватывала звериная тоска.

«Пока я тут, она там с ним...» — злился я.

Ревность заставила меня вскоре подняться с постели. Я нашёл одежду на сундуке.

«Йорунн, снова ты проявила заботу?»

Я поднял рубашку и увидел свой нож и меч. Вернее это был меч Торира, который я забрал себе. Я удивился, что Хёрд вернул мне оружие. И этот знак доверия значил для меня очень многое. Он значил, что мне доверяли и выражали уважение. Ни ярлы, ни хирдманы не ходили без меча. Оружие было знаком силы. Когда у тебя забирали оружие — тебя унижали. Когда тебе дарили оружие, тебя называли побратимом. Если ты носил меч — ты был воином, если не носил — ты был пастухом. Я был мужчиной с десяти лет, когда отец подарил мне Эйсир. Он добыл его в другом мире, чтобы изгнать тёмных тварей с Истлага. Он первым пришёл в эту страну и очистил землю от тьмы, чтобы здесь могли жить люди. Он

сделался здесь конунгом. Мать полюбила его за силу и мужество, закрыла печать в мир чудовищ и родила Эйрику троих сыновей.

Я оделся, застегнул ножны и, прижав руку к рёбрам, вышел в шумный зал. Он был полон хирманов. Дети бегали меж столов, а женщины грозили им не приближаться к длинному очагу, расположенному в центре. Хёрд сидел за главным столом с Лейфом. Маргрет не было. Я испытал облегчение от того, что не увидел её с братом. Но где же она была?

В воздухе витал запах мясной похлёбки и свежих лепешек, сладкого мёда и копчёной рыбы. Живот скрутило от голода, я поискал, куда сесть. Место напротив Хёрда пустовало, и я двинулся к его столу. Я знал, что это моё место.

На лице тянуло подсохшую корочку ссадины, и я злился на воинов, с которыми подрался. Хёрд взял с меня слово помочь ему в борьбе с тёмными тварями, и мне было страшно встать на защиту тех, кто меня избивал, предавал, убивал. Где-то по земле ходит Вали, всадивший в меня топор. Это сложно: защищать того, кого ненавидишь.

Я сел напротив конунга и его сына. Лейф поднял голову, его небесно-голубые глаза, точь-в-точь как у Маргрет, враждебно заблестали при виде меня. Мальчик смущённо поджал губы.

— Папа, Бальдр с нами, — сказал он, повернувшись к незрячему отцу.

Передо мной поставили блюдо и кубок, полный мёда, но я не радовался пище и не глядел на пышногрудых красавиц-прислужниц. Я глядел на этого крепкого умненького мальчика, и глаза мои наполнились влагой: «Она родила его Хёрду, а не мне!»

— Бальдр, ты здесь? Садись, ешь, пей со мной, — произнёс конунг. — Я хочу выпить с тобой за примирение.

Хёрд поднял кубок, и я тоже поднял свой. Наши руки встретились. Мёд расплескался, смешался и капнул на стол. Мы с братом выпили.

Я оторвал себе кусок дымящейся лепёшки и взял ложку для похлёбки. Наполнив рот пищей, я жадно стал жевать. Но через миг ощутил горечь, почувствовал, как вяжет рот. Я поглядел на других и увидел, что все, кроме меня, довольны столом.

«После смерти я не могу дышать без боли и не могу даже нормально жрать!» — я очень разозлился и швырнул ложку. Она подскочила и скатилась под стол.

— У тебя упало, милый, — сказала женщина, поднявшая ложку.

Женщина поклонилась мне и ушла, таща за собой непослушного мальчишку. Она села за дальний стол, где сидели другие женщины и дети. Я заметил, что все они были одеты бедно: не у всех были украшения и одежда была выцветшая и заштопанная.

— Кто это? — спросил я сидевшего рядом со мной хирдмана.

— Это вдовы. Они едят здесь какое-то время, пока не найдут себе мужа или работу.

Я ещё раз бросил взгляд на сидевших в дальнем углу женщин. Лица их были безрадостны. Дети, по большей части малолетки, вертелись в разные стороны. Они хотели поиграть в доме конунга, но матери требовали глядеть в тарелки.

— Жена Торира тоже здесь?

— Да. Вон та, в синем сарафане.

Я устало поднялся и прошагал к вдовам.

— Ты жена Торира? — спросил я.

Светловолосая молодая женщина, возле которой крутилась четырёхлетняя девочка, с недоумением поглядела на меня и кивнула. Я расстегнул ножны с мечом и протянул женщине.

— Это меч твоего мужа.

— А где мой папа? — спросила девочка, положив ручонки на исцарапанные ножны.

— Он уже не вернется.

— Что с ним случилось?

Не хотел я говорить девчонке, что её отца сожрали варги.

— Он сражается, — ответил я. — И скоро прогонит тёмных тварей.

Я потрепал девчонку по пепельной макушке и увидел, как вдова Торира вытирает слёзы.

Я подумал о смерти, и мне стало очень холодно. Видения Хельхейма предстали перед глазами. Тьма. Безднадёжность. Одиночество.

«Торир сражается, — подумал я. — Сражается со своими чудовищами, как сражался я».

По коже побежали мурашки, я развернулся и прошагал к очагу. Это была вытянутая в длину яма в центре зала, обложенная валунами. Пламя плясало над камнями, жар огня лизнул мне лицо. Я потёр онемевшие руки и протянул их вперёд. Сквозь огонь я видел, как жена Торира взяла меч и немного высунула его из ножен, оголив металл.

«Я сделал хорошее дело: отдал меч Торира его вдове. Но где же мой меч? Где Эйсир?! Проклятье, не помню».

Я вновь перевёл взгляд в пламя, и оно вдруг расширилось, заплясало повсюду жёлтыми, багровыми всполохами. Перед глазами возникло видение: я стоял в кузне, раздувая пламя. На наковальне сверкал клинок из белого металла, рукоять была оплетена кожей, в навершии горел красный камень. Я сунул меч в яростное пламя огня и расплавил его. Я разделил его белую искрящуюся кровь на части и сделал украшения для близких. Маргрет получила амулет с камнем, Хёрд и Вали — запястья, Йорунн и матери достались броши. Себе я не оставил ничего.

«Меча больше нет!» — ужаснулся я.

Дыхание перехватило. Глаза закололо оттого, что я долгое время не моргал. Сердце застучало у самого горла. Я сглотнул.

«Зачем я лишил себя оружия?! Зачем я лишил себя силы?! — Я обделался. Да, я правда обделался. Мерзкий холод пополз у меня по коже. — Когда-то давно я мечтал о мире и отдал самое дорогое, но в ответ меня уложили в могилу! Не верь больше людям, Бальдр, в них нет ничего святого! Даже в Маргрет нет больше святого — она отдалась Хёрду».

Я взялся обеими руками за голову и зажмурился, я потерял устойчивость и пошатнулся.

— Бальдр, сядь. Ты пьян, сейчас угодишь прям в огонь. — Один из воинов придержал меня за локоть, а потом позволил опереться на себя. — Ты извини, что я... ну, врезал тебе. Можешь врезать мне, если хочешь.

— Не сейчас, — я поглядел на молодого голубоглазого парня. — Но врежу, не переживай. Иди, я в порядке.

Воин ушёл. Я покосился на Хёрда с мрачной миной на лице и печального Лейфа, на пустующее кресло Маргрет. Сердце заныло, я так скучал по ней. Почему она не показывается на глаза? Бойтся двоякого положения?

Я вернулся за стол с тяжёлым сердцем.

— Дядя Бальдр, можно спросить? — произнёс Лейф, глядя мне в глаза. Он глядел не так, как глядит маленький мальчик. В его взгляде смешались ожесточение и нетерпеливый интерес.

— Ну, спроси, — ответил я.

— Где мама?

— Хм, не знаю... — замешкался я, бросив взгляд на Хёрда.

— Папа, ты говорил, мама у Бальдра? — Лейф с негодованием покосился на отца.

— Бальдр, — хрипло произнёс Хёрд, положив руку на плечо сыну. — Разве ты не прячешь её?

— Нет! Она провела ночь в Хедвиге и сразу же уехала!

Глава 7. Добыть меч

Я злостно выдохнул и поглядел на Хёрда. Его губы сомкнулись под мокрыми от мёда, золотистыми усами. Он провёл ладонью по бороде и уложил костлявые кулаки на стол. Я был рад, что не видел его глаз под повязкой, потому что знал, что встретил бы укор — Маргрет пропала по моей вине!

— Может, твоя жена отправилась молиться в святилище? — проговорил хирдман, сидевший справа от меня.

— Может, и отправилась, — проворчал Хёрд. — Пошли людей, Горм, пусть узнают.

— С рассветом отправлю Бьёрна и Годи, конунг, — ответил Горм.

Я встретил осуждающий, тревожный взгляд Лейфа и тут же отвёл глаза. Меня и самого раздирала тревога. Я встал, нечаянно уронив что-то со стола.

— Бальдр, — обратился ко мне Хёрд.

Я замер и повернулся к незрячему брату.

— Я жду, когда ты принесёшь меч. До тех пор не смей путаться с Маргрет и унижать меня. Понял?

Я обвёл взглядом хирдманов, хмуро взирающих на меня. Отчаяние овладело мной. Я не смог признаться Хёрду, что меча больше нет.

— Понял, — буркнул я, скрепив сердце.

— Я предупреждал её, — добавил Хёрд. — Если изменит мне, то я вынужден буду наказать её. Видят боги, я всегда шёл к ней с добротой. Но нарушение брачной клятвы не простит ни один уважающий себя мужчина.

— Я не спал с ней!

— Тогда зачем ей скрываться?! — рявкнул Хёрд. — Это позор! И в отличие от тебя, она стыдится и скрывается! Я должен наказать её.

— Что ты собираешься с ней сделать? — проскрипел я.

— Отрезать уши.

По моему телу пробежала судорога, я стиснул зубы и оправил одежду. Маргрет была невиновна — она не изменяла Хёрду!

— Куда ты? — голос конунга звучал властно.

— Вернись в Хедвиг. Попытаюсь что-то вспомнить, — пожал я плечами.

— Я слышал, ты позаботился о мальчике Рёйрика, — произнёс Хёрд.

— Мы поладили, — кивнул я.

— Хорошо, ступай. Но помни, что времени мало. Найди меч.

Хёрд взмахнул рукой, отпустив меня. Выбираясь из-за стола я встретил полный укора взгляд Лейфа. Сыновья не прощают предательства матерей, — я знал это по себе. Я никогда не желал быть на месте того хирдмана, с которым моя мать изменила отцу, но стал им в глазах Лейфа.

«Ага, конечно, в Хедвиг, — подумал я, яростно врываясь в свои покои. — Я должен найти Маргрет! Я должен её защитить! Отправлюсь в святилище, опережу людей Хёрда».

Я спешно собирал дорожный мешок, когда ко мне вошла Йорунн.

— Вернёмся в Хедвиг? — проговорила она. — Я слышала твой разговор с Хёрдом.

— Нет! — рявкнул я. Старуха попятилась от моего гнева. — Нет, ты не поедешь, — мягче добавил я.

— Но ты нуждаешься в лечении. Ты должен беспрестанно принимать снадобье. Оно очищает кровь.

Я увидел на столе флягу, схватил её и сунул в руки Йорунн.

— Сделай мне снадобье, обещаю принимать, — сказал я, почтительно кивнув, и вернулся к своему мешку. — Поспей до утра!

— Бальдр, куда такая спешка?

— Ты не понимаешь? — я взял Йорунн за плечи. — Я еду в святилище, хочу спасти Маргрет от наказания. Она его не заслужила! Скажи мне, как найти дорогу?

— Пойдёшь за ней и попадёшь под гнев Хёрда. Сделаешь лишь хуже, — вздохнула старуха.

— Просто скажи дорогу, или у других узнаю.

— Из восточных ворот ступай до развилки, а потом держи путь к горам, — Йорунн сжала в руках флягу. — Коня не бери, его негде будет укрыть: ночь застанет тебя среди каменных пустошей, там не из чего развести огня. Отыщи пещеру, там их много, расщелин среди скал, и замуруй вход.

— Спасибо, Йорунн, — я выпустил старуху.

— Не уезжай без лекарства, — встряхнула она флягой и поспешила прочь. — К утру сделаю.

Я собрал кое-какие вещи: запасную рубашку, ткань для перевязи, приготовил шерстяной плащ. Но мне не хватало главного — меча. Длинный широкий нож — это конечно неплохо, но я был ярлом. А быть ярлом без меча, всё равно что быть мужчиной без члена. Возможно, Хёрд дал бы мне меч, но я не мог просто пойти и попросить, мне не позволяла гордость.

Я вышел на двор глотнуть свежего воздуха. Светлый круг луны обступили чёрные облака. Они быстро неслись по небу, словно рваное полотно. Иногда открывались звёзды. Иногда все огни и вовсе скрывались, и мне казалось, что я вновь стою в Хельхейме, потерянный и одинокий. Нет, не хочу! И чтобы не попасть туда как можно дальше, в дорогу мне нужен меч!

— Ой, Бальдр! — из долгого дома вышел воин, вырвав меня из задумчивости. — Отойди с порога, чуть не влетел в тебя, — буркнул он.

— Как твоё имя? — поглядел я на воина, на его доспех с металлическими пластинами и ножны, из которых торчал эфес клинка.

— Бьёрн, — ответил он, недобро покосившись на меня.

— Не указывай мне, Бьёрн, где стоять, — понизил я голос.

Воин расправил грудь и положил руки на пояс. Он что, думал, я испугаюсь, если он раздует тело и шумно задышит на меня хмелем? Я был в Хельхейме, я видел смерть. Ни один человек мне больше не был страшен. Я двинулся на Бьёрна медленно, устало, не отводя взгляда.

Я видел, как он дрогнул. Замотал головой, выставил вперёд руки, чтобы сохранить безопасное расстояние.

— Ты боишься меня, — сказал я. — Отдай мне твой меч.

— Я? Боюсь?! — возмутился Бьёрн.

— Да. Дай мне твой меч и проваливай. Можешь считать это поединком, хотя ты его не достоин.

— Что?! — разозлился воин.

В меня полетел кулак. Я ожидал удара и просто отошёл в сторону. Сила, брошенная

вперёд, не дала Бьёрну быстро остановиться, он подался за своей рукой и, не встретив препятствие, оступился. Я подтолкнул его ногой в спину, и воин упал на мокрую землю.

— Можешь считать, что это был поединок, — повторил я.

Бьёрн вскочил и, перепачканный в грязи, бросился на меня. Он схватил меня поперёк тела, клоня к земле. Бьёрн разбередил рану, я зажмурился от боли и по-настоящему разозлился. Я боднул его головой так, что у меня заплескали перед глазами яркие вспышки. Я не жалел себя, ведь я был уже мёртв. От крепкого удара по голове Бьёрн отцепился, взвыл и упал.

Моя голова кружилась. Я бы тоже упал, но мне нужен был меч. Меня ждала Маргрет. Я сплюнул кровью.

«Прикусил язык? Выбил зубы? Не важно», — я снял с пояса Бьёрна меч.

— Проклятый пёс! — взвыл воин, вытирая окровавленное лицо. — Бесчестный!

— Я предупредил, — проговорил я, уходя.

До рассвета оставалось пара часов. Я вернулся в свои покои и решил ненадолго прилечь. Когда я открыл глаза, то увидел дневной свет, пробивающийся через отверстие в крыше.

«Проклятье! Я слишком долго валялся!»

Голова раскалывалась надвое, но зато у меня был меч. Фляга с лекарством лежала на столе, я спешно сунул её в мешок и вышел в зал.

Было тихо. В очаге тлели угли. Даже женщины ещё не встали и не принялись за домашние заботы.

«Всё хорошо: я рано встал. Успею», — приложив руку к бешено бьющему сердцу, я тихо прошагал к выходу и распахнул дверь.

Стояло раннее утро. Густой туман стелился по земле, в воздухе витал запах холодной прелой травы. Перед домом остались следы нашей с Бьёрном возни: примятая земля и немного крови на булыжниках.

«Стоило оно того? Нет? Не важно, — сказал я себе, подвигав ноющей челюстью. — Надо спешить».

Я вышел через восточные ворота. Передо мной открылись склоны серых холмов. Тучи клубились над головой, трава хрустела под башмаками. Я накинул на голову капюшон, прячась от мороси, и покорился ветру, подгоняющему в спину. Сегодня нам по пути.

«Это ж надо было уничтожить меч! — мысли обжигали меня. — Что же теперь делать? Как победить проклятых чудовищ?»

Я шёл быстро, и мне делалось жарко. Я снял с головы капюшон и расстегнул плащ, подставляя тело холодному ветру.

«Погоди-ка, ведь я убил варга и прогнал йотуна! Эти твари бояться огня... — подумал я. — Нужно отловить одного и выяснить, чего ещё они бояться, — я поглядел на седые холмы впереди. — Зимняя ночь близка — времени мало. Найду Маргрет и тогда сразу займусь спасением мира...» — я перемахну ручей, пересекающий дорогу и почувствовал, как застучало в голове.

Я остановился и отдышался. Пояс сильно давил на живот, и я расслабил пряжку.

«С чего Хёрд решил, что Эйсир — спасение? — подумал я, поправляя меч. — Что-то голова болит, — я потёр лоб и понял, что лицо пылает. — Надо принять зелье Йорунн. Где оно тут...»

Не сбавляя шага, я потянулся к мешку, вытащил флягу и сделал глоток. М-м, в этот раз Йорунн постаралась и размешала зелье в мёде? Наконец-то додумалась! Я сделал ещё глоток,

покрутил на языке. Вяжущая сладость слегка пьянила меня, и я не ощущал в ней ни капли горечи от зелья.

— Проклятье! — выругался я.

Я взял не ту флягу! И что теперь делать?! Возвращаться? Я обернулся, обречённо взгляделся в силуэты оставленных позади холмов. — Я не успею назад до темноты. Да и не могу вернуться! Маргрет не уйдёт от людей Хёрда, если я не предупрежу её! — во рту у меня пересохло, сердце тревожно забилося. — Может и ничего, я крепкий. Переночую. В святилище полно жриц, они помогут мне. Должны помочь!

Я вышел на каменистые пустоши и шагал до тех пор, пока не начало заметно темнеть. Вокруг лежали нагромождения валунов, земля была черна и безжизненна. Я приблизился к скальной стене и, как говорила Йорунн, нашёл в ней много расщелин. Некоторые оказались подготовленными для укрытия.

Я заполз в узкий проход, сложенный из больших камней кем-то до меня. Внутри расщелины я обнаружил груды камней поменьше, которыми можно было заложить вход.

Я выпил мёда, попрощавшись с затихающими лучами света, замуровал себя и лёг в кромешной темноте на плащ. Мне было жарко, меня колотило, и я задрал рубашку, чтобы пещерный холод остудил тело. Во рту будто набился песок, судорога пробежала по телу.

«Как же тут темно! Глупец, ты можешь больше не встретить утро, — подумал я. — Больше никогда не увидеть света и Маргрет...»

Тело вновь скрутило судорогой, я стиснул зубы и заскулил. Перед глазами поплыли видения. Я узнал места: мне мерещился Хельхейм.

Я пошарил рукой по земле, зажал в кулаке горсть мелких камней и убедился, что всё ещё нахожусь в темноте пещеры.

Ветер снова больно лизнул лицо. Это был особенный ветер. Он нёс в себе кусочки льда. Они вонзались в кожу и в глаза, когда ты держал их открытыми. Это был ветер, дующий на просторах царства мёртвых. Я стиснул кулак, в котором лежали нагретые моим теплом камушки и понял, что нахожусь на пороге жизни и смерти.

— Ты так рано вернулся, — услышал я скрипучий голос.

Тьма расступилась передо мной, я увидел силуэт женщины. Она вся состояла из переливающихся серебром нитей, на месте глазниц сияли тусклые голубые огни.

— Хель, — произнёс я, приветствуя богиню смерти.

— За тебя заплатили большую цену, Бальдр. За то, что я отпустила тебя. Тебе не стыдно вот так скоро вернуться?

— Я забыл лекарство, — проговорил я, упав на колени и сокрушённо взявшись за голову.

Хель протянула руки и приподняла мой подбородок. Исходивший от неё холод обжёг меня.

— Скоро вслед за своими гонцами, варгами и йотунами, в ваш мир придёт Хассер, — сказала она. — Бессмертный бог, Владыка тёмного мира. Вы все погибнете.

— Ты, должно быть, счастлива? — скривился я. — Твои чертоги наполнятся сотнями душ, будешь пировать!

— Не язви, Бальдр. Если все люди умрут, то мои чертоги больше вовек не пополнятся. Я не хочу, чтобы Хассер уничтожил вас. Я хочу, чтобы ты привёл Бессмертного бога в моё царство и я овладела им, — голос Хель понизился.

— Как его убить?

— Гибель Хассеру может принести только Эйсир — древний меч, который достался тебе от отца. Он выкован Праотцом, он древнее всех миров, в нём заключена безграничная сила. Конунг Эйрик, твой отец, украл меч у Хассера с помощью твоей матери и спрятал в вашем мире. Бессмертная мать, покидая Истлаг, открыла ворота, и Хассер идёт за своим мечом.

У меня по вискам потёк холодный пот, я вытер лоб и спрятал лицо за ладонями, ужасаясь тому, что уничтожил древний меч. Интересно, я знал его ценность?

— Ба-альдр... — до меня донёсся слабый голос.

«Воображение, — подумал я. — Как бы мне хотелось, чтобы меня кто-то где-то ждал, чтобы меня кто-нибудь сейчас действительно позвал».

Я вздохнул и положил холодную ладонь на горячие глаза.

— Ба-альдр! — услышал я отчётливее.

«Ребёнок? Нет, мне кажется. Брежу. Игра разума».

— Бальдр! — раздалось совсем рядом.

— Лейф? — я открыл глаза и заставил себя сесть.

— Ба-альдр, где же ты?! — раздался совсем отчаянный крик.

Я принялся сдвигать валуны у входа.

— Лейф!

— Я нашёл тебя! — воскликнул парень и, перепрыгивая камни, подбежал ко мне.

Вокруг почти стемнело. У мальчика на плечах висел мешок, глаза его наполнял страх.

— Боги, что ты тут делаешь?! — прохрипел я, распластавшись на земле.

Я совсем выбился из сил.

— Ты взял не ту флягу... — произнёс Лейф.

— Заползай внутрь, — буркнул я.

Я перевернулся на живот и непослушными руками принялся возвращать в проход валуны.

— Помоги, малыш.

Мы запечатали проход. Лейф поднёс флягу мне ко рту.

— Пей, дядя Бальдр, пей. Йорунн сказала без этого ты умрёшь.

— Спасибо, малыш.

Горькое зелье заставило меня поморщиться. Я проглотил, лёг на плащ и вытянул ноги.

— Как ты оказался здесь?

— Я увидел колдунью, она металась по двору, искала лошадь, но ей не дали. Она говорила, что ты в опасности, но никто не послушал. Я подошёл к ней, и она рассказала, что без лекарства ты умрёшь. Тогда я взял у неё флягу и пошёл за тобой.

— Без ведома отца?

— Да.

Снадобье помогло, жар отступал. Я чувствовал слабость и хотел уснуть.

— Ложись, Лейф, — сказал я, потянув сидевшего надо мной мальчика к своему плечу.

— Я не простил тебя за мать, — фыркнул парень, вывернувшись из-под моей руки. — Я тебе не друг.

— Зачем же ты пришёл?

— Ты спас меня от пса... — протянул Лейф. — Я должен был отплатить тебе.

— Ясно.

— И ещё мне дороги уши матери. Ты ведь хочешь предупредить её. И я хочу!

— Да. Спи.

Лейф лёг рядом, я почувствовал тепло его макушки у своей щеки.

«Она родила его не мне», — проскрежетало у меня в голове, грудь объяло пламя.

Ведь, я так хотел с Маргрет детей. Я вспомнил, как много лет назад, растерянный, явился в дом Йорунн. Это было спустя два месяца, как я похитил невесту брата.

— Она не беременеет, что мне делать? — я ходил по дому колдуньи нервным шагом, был невыспавшимся, от меня пахло безудержной незаконной страстью.

Я знал, что только ребёнок, рождённый Маргрет от меня может повлиять на позволение Хёрда мне жениться на ней. Так уж получилось, брат. Но одно дело, если бы я взял просто чужую женщину, другое — когда она родила мне, и я признал ребёнка. Хёрд бы простил нас.

— Может, у тебя есть средство? — я умоляюще поглядел на Йорунн. — Чтобы это поскорее случилось?

Йорунн была молода. Кожа её лучилась жизнью, глаза блестели, как два синих сапфира. Пышная грудь стояла под слегка расстёгнутым платьем, обнажая привлекательную белизну. Йорунн играла желваками и немного сердилась, как кошка, чьё место заняли. Я видел, что всеми своими движениями она пыталась очаровать меня. Но я был очарован другой женщиной.

Йорунн села в кресло и принялась покачивать ногой. Она молчала, и тогда я вновь заговорил:

— Возможно, она боится. Мы живём в ожидании войны. Скажи, она может сопротивляться беременности? Как я могу настоять?

— Может, и боится, — протянула Йорунн. — Это не удивительно. В вашем положении. Но прошло два месяца — мало. Ты не торопишься?

— Нет, — фыркнул я.

— Для начала скажи, ей с тобой нравится?

— Ну... — засмутился я.

— А ты с ней пробовал всё, что пробовал со мной?

— Нет. Она...

— Что она? Не женщина?

— Она ещё вчера была девой, — ответил я. — Девочкой. Она до сих пор боится, когда я к ней прикасаюсь. Молчи, не гляди так! Она тоже хочет, иначе бы не согласилась на такую жизнь.

Йорунн рассмеялась, откинула голову и сложила ногу на ногу.

— Бальдр, похоже ты и правда любишь. Да только плохо это делаешь! Она что, у тебя ещё ни разу не получила удовольствия? Да как ты можешь?! Бедная девочка. Я не понимаю, на чём у вас держится любовь.

— Ну, немного не на том, на чём у нас держалась.

— Как она от тебя ещё не сбежала?!

— Так ты поможешь мне? — прищурился я.

— Нет, ярл Бальдр. Ты сам в состоянии себе помочь. Успокой свою украденную женщину, утешь её, люби её с нежностью. И она тебе родит.

Йорунн отвернулась к стене, и я понял, что она больше ничего не скажет.

Я вернулся в усадьбу опустошённым. В небе назревала гроза, раскаты грома глухо разносились над головой. В воздухе висел дух порицания моего семейного счастья. Шумели деревья, и в их шёпоте я будто слышал, как Хёрд со злостью сводит зубы и точит мечи.

Я увидел Маргрет стоявшую на крыльце долгого дома, она кутала плечи в шерстяной плащ. На ней было зелёное платье, длинные отливающие золотом волосы вились по плечам. Лицо Маргрет было тревожным. Я догадался, что ей нашептали о том, где я был.

— Здравствуй, красавица моя, — прошептал я, погладив Маргрет по щеке.

Моя украденная невеста, вчера ещё девочка, игравшая в куклы, гордо выпрямилась и вытянула шею. Её брови дрогнули, голубые глаза потемнели, будто море перед штормом.

— Ты был с другой женщиной, Бальдр? — низким голосом проговорила Маргрет.

Гнев её развеселил меня. Дочь конунга, достойная стать женой великому мужу. Гордая. Ещё такая юная, но, боги, какая смелая. Я затрепетал в предвкушении, какая яркая и большая жизнь меня с ней ждёт!

— Ты знаешь, ни одной жене не дозволено осуждать своего мужа, — я взял руку Маргрет и поднёс к губам.

— Но ведь ты мне не муж.

Я выпрямился и поглядел ей в глаза:

— Маргрет, я всё делаю, чтобы это было так.

Маргрет поджала губы, по щеке её скатилась слеза. Я резким движением подхватил её на руки и внёс в дом, положил на постель. Я раздел её и вошёл: как и прежде нетерпеливо и жадно. Маргрет обняла меня за плечи и застонала.

Стена, к которой примыкало ложе, затряслась: стук-стук-стук. Голод гнал меня, а пустота пугала. Нежность рук, тепло губ, близость груди, шёлк девичьей кожи. Стук-стук-стук. Ещё миг, и мир перевернулся бы вновь, потому что я был с ней. Но я вдруг застыл.

— Бальдр? — взволнованно произнесла Маргрет. — Что с тобой?

Я поглядел ей в глаза и потерялся в их глубине. Её глаза наполняли меня светом и согревали теплом.

— Ничего, — прошептал я. — Не хочу спешить.

Я упал на спину и потянул Маргрет на себя. Она засмушалась, милая моя Маргрет.

— Не бойся, ведь ты королева, богиня.

Маргрет качнулась, сжала меня бёдрами, упёрла в грудь руки. Волосы её бежали по плечам и спине. Стук. Стук-стук. Я приподнялся и поцеловал её. Стук-стук.

— Баль...

— Маргрет...

Наши тела наполнило блаженство, сердца стучали, как одно. Наши пальцы сплелись, мы стали едины. Я больше не чувствовал пустоты, я был напоен любовью.

Маргрет вскрикнула, и я тоже вскрикнул. Она опустилась на меня, дрожала. Я накрыл её одеялом и обнял.

— Я хочу, чтобы ты родила мне много детей, Маргрет. Но первым хочу сына.

— Я рожу тебе сына, — ответила она, улыбаясь и целуя меня.

Лейф пошевелился под боком, и я очнулся от воспоминаний. Мальчик спал и вздрагивал во сне от прохлады пещеры. Я вытащил из-под себя плащ и укрыл его.

«Она родила его не мне...»

Глава 8. Чёрные птицы

— Уже утро, вставай, дядя Бальдр, — произнёс Лейф.

Я открыл глаза и пошевелился.

— Я пойду с тобой до святилища, а обратно вернусь с Бьёрном и Годи, — проворчал парень, шурша камнями у входа.

Горячка перестала меня мучить, я чувствовал себя помятым, но вполне здоровым. Я сел, придерживая больной бок, размял шею.

— Может, лучше тебе пойти назад прямо сейчас? — холодно ответил я.

— Я иду к матери, — Лейф принялся решительно убирать с прохода валуны.

Он упорно пыхтел, но камни не поддавались. Я глотнул мёда, наблюдая за бесполезной вознёй мальчика в густом полумраке, и застегнул ремень с ножнами.

Камень, лежавший сверху прохода с глухим ударом упал на землю: Лейфу удалось-таки его сдвинуть. Я услышал всхлип и писк.

— Что с тобой? Поранился? — заволновался я.

— Боо-льно, — заскулил Лейф, — очень больно!

Я вскочил и в темноте пещеры нащупал мальчика. Он сидел на земле, а нога его была придавлена камнем. Я вляпался во что-то мокрое и тёплое. Кровь, кажется.

— Ай-ай-ай! — завопил Лейф. — Как больно! Моя нога!

— Сейчас, подожди, малыш. Я вытащу тебя.

Я осторожно приподнял камень, опершись телом на свод пещеры, и рывком скинул его с ноги Лейфа. Валун был тяжёл — освободившись от его груза, я отлетел к проходу и зацепил рукой небольшой камень. Его острый край вспорол кожу от локтя до запястья. Теперь мы с Лейфом оба были в крови.

Я расчистил проход, впусив свет в пещеру, и осмотрел ногу Лейфа. Кости на стопе были сломаны. Удар был сильным, разворотил кожу, кровь продолжала течь.

— Ай, как больно! — Лейф скорчил рожицу от боли и залился слезами. — Я что, не смогу больше ходить?

— Сейчас перевяжу, всё зарастёт. Ты ведь сын конунга, Лейф, не плачь.

Я использовал свою чистую рубашку, чтобы перевязать Лейфа. С моей руки текла кровь, мы оба перепачкались, будто нас подрали свирепые псы.

Я волновался, ведь понимал, что не уберёт мальчика, а значит Маргрет будет очень сердиться на меня. Она становилась от меня всё дальше, несмотря на то, что я всё ближе подступал к ней.

Закончив с перевязкой Лейфа и себя, я достал флягу с мёдом, протянул мальчику и сел рядом на серый песок, прислонившись спиной к валуну.

Было раннее утро. Стояла тишина. Ветер робко крался по безжизненной земле. Он лизнул мне лицо, и я ощутил свежесть. Небо было жёлто-пепельным и походило на тонкую шерстяную вязь, накинутую на масляную лампу. Где-то за дымчатым покровом сияло солнце. Я не видел лучей, но всей кожей чувствовал тепло, льющееся мне на кожу.

Лейф вернул флягу, и я глотнул.

— Успокоился? — спросил я, поглядев на его напуганное лицо.

Лейф поджал губы и кивнул.

— Далеко отсюда до святилища? — спросил я.

— Ну, не очень, — пожал плечами Лейф.

— Ну, тогда идём, — сказал я, закидывая вещи в мешок.

— Я не могу идти, Бальдр, — простонал парень.

— Да, я вижу, малыш, — я надел мешок и склонился к Лейфу. — Придётся мне нести тебя.

Я посадил мальчика на шею, и мы двинулись по каменистой пустоши, чуть забирая вверх, туда, где я видел натоптанный путь.

— Не называй меня малыш, — проворчал Лейф, сцепив руки у меня под подбородком. Его кулаки давили мне на кадык, я злился от того, что мне было неудобно ни говорить, ни нормально дышать.

— Мне почти десять, я почти мужчина, — похвастался парень.

— Насколько почти, Лейф? — прохрипел я.

— Весной им стану!

Я зло выдохнул. Йорунн сказала, что я был в могиле десять лет. Может Лейф был моим?! Может! Если только Хёрд не взял Маргрет в первую же ночь, когда она ещё не остыла от моего тепла... Я яростно фыркнул и сомкнул челюсти. Боюсь, что даже Маргрет не может быть уверенной, от кого родила ребёнка — этого крепкого, сильного и храброго мальчишку.

Я вспомнил то чувство, что испытывал к брату, когда мы были детьми. Я обожал его. Я радовался как щенок, когда радовался он. Когда отец погиб, Хёрд заменил мне его, помог мне возмужать. В другой жизни я был бы счастлив, что у него такой отважный, честный сын. В другой жизни, где я не повстречал бы Маргрет. Сейчас я очень хотел думать, что несу своего сына.

Мы шли молча довольно долго. Я остановился отдохнуть у водопада. Место было завораживающим, и мы посидели здесь, пока разжёвывали сыр и чёрствую лепёшку, которые я прихватил в дорогу. Лейф не взял с собой ничего: ни хлеба, ни воды, ни сменной одежды. Он явился ко мне, принеся одну лишь флягу с лекарством. Видать, очень спешил. Я довольно усмехнулся и протянул ему флягу с мёдом.

Лейф выглядел усталым. Глаза его были немного мутными, а на щеках расползлись красные пятна. Он сделал глоток из фляги и его сразу вырвало. Я отнял флягу, понюхал: обычный мёд. Я потрогал лоб парня и почувствовал исходивший от него жар. Лейф на глазах ослаб и опрокинулся на землю.

— Что-то мне плохо, Бальдр, — просипел он.

Я склонился к нему и испуганно ощупал лицо и грудь. Мальчик погибал у меня на глазах, и я не знал, что делать. Зелье Йорунн! Оно помогло мне от жара, наверняка поможет и Лейфу? Сердце колотилось от непонимания, плечи и руки тряслись после тяжёлой ноши. Я нашёл флягу с лекарством и поднёс к губам Лейфа, заставив сделать несколько глотков.

— Давай, малыш, — приказал я. — А то не стать тебе мужчиной!

Лейф слабо стонал, лёжа на земле. Я накрыл его своим плащом и поднялся на ноги. Ветер беспощадно хлестал меня в грудь, в спину и в лицо, неся с собой дух безграничного простора.

Место, где мы обедали, находилось на возвышении. Дальше дорога шла вниз и подходила почти к самому берегу моря. Я видел впереди его стальной блеск и стаю чёрных птиц, приближающуюся к берегу.

Я обернулся назад, на каменистую тропу, по которой мы пришли, и увидел вдали Бьёрна

и Годи, мерно взбирающихся по крутому подъёму. Я тяжело вздохнул, берясь за голову.

«Маргрет, милая, — подумал я с ужасом. — Я не успел к тебе и мальчика твоего погубил...»

Лейф скинул плащ, которым я его укрыл, и сел, поглядев на меня сонным взглядом.

— Дай мне попить? — попросил он.

Я протянул ему флягу с мёдом, в которой плескались остатки жидкости.

— Кажется, лекарство колдуньи мне помогло, — проговорил парень.

Я потрогал его лоб и убедился, что жар спал. Однако вид у мальчика был бледный и усталый.

— Вот это встреча! — раздался голос за спиной.

Я повернулся: передо мной стояли два высоких воина, у одного из них на лбу была синюшная ссадина и покрасневший нос. Это был Бьёрн. Второй, Годи, ростом был пониже Бьёрна, на скулах у него чернели руны, прикрывающие старый уродливый шрам.

— Ярл, ты не заблудился? — Воины смерили меня насмешливым взглядом, а потом увидели Лейфа, и лица их вытянулись.

— Что ты тут делаешь, Лейф? — спросил Годи, выйдя вперёд.

— Заблудился, — попробовал отшутиться парень.

— Он увязался за мной, — сказал я. — Поранился о камни и простудился, похоже. Я надеюсь жрицы помогут ему. Далеко ещё до святилища?

— Оно за холмом, — указал Бьёрн. — Почти пришли.

Годи сунул свой дорожный мешок в руки Бьёрна и поднял Лейфа на руки.

— Понесу парнишку. А ты выглядишь не лучше мальчика, ярл, — буркнул Годи, поглядев на меня. — Пошли, тебе тоже не помешает помощь жриц.

Мы принялись спускаться с каменистых склонов в долину. Слева всё больше открывался вид на море и бескрайний горизонт. Чёрные птицы приблизились к берегу, и я понял что это были лады.

— Что это такое? — проворчал Бьёрн. — Судя по парусам, драккары конунга Олава.

— Кто такой этот Олав? — спросил я.

— Ты не помнишь? — сморщился Бьёрн, потеряв лицо.

— Я мало что помню.

— Конунг Олав воевал с конунгом Харальдом и конунгом Эйриком, твоим отцом. Он был в союзе с ганнами, но и с ними потом вновь развязал войну. В общем, не важно, — отмахнулся Бьёрн. — Не думаю, что Олав приплыл в гости. Тем более зачем ему высаживаться здесь, в землях ярла Вали?

— Видимо, он приплыл в гости к Вали, — произнёс я.

Мы двинулись вперёд. Холмы остались позади, дорога пересекала долину и тянулась к новому перевалу. Слева открылся большой простор с чёрным лавовым пляжем и несколькими деревянными пристанями, справа на значительном отдалении стояла усадьба с высокой стеной из сложенных друг на друга камней.

Ветер дул со стороны моря и доносил запах тухлых водорослей и соли. Со стороны усадьбы приближалось трое вооружённых всадников. Мы встретились с ними на дороге.

— Ярл Бальдр, — поприветствовал меня старший из воинов. На нём был кожаный доспех с рисунком лошадей на груди. Наплечники блестели металлическими пластинами. Засаленная борода спутанным комом торчала с подбородка. — Живой! Ну надо же!

Все трое всадников сошли с коней и обступили нас.

— Ну, если можно так назвать, — прищурился я, приложив руку к ране на боку. — Кто ты? Мы знались прежде?

— Может и знались, — воин потупил взгляд и сглотнул. — Я Эйнар. Видел, как ты умер... — он почесал бороду. — Я хирман ярла Вали и был с ним, когда...

— Спасибо за честность, — я не дал договорить воину.

— С вами Лейф, что с его ногой? Ранен? — Эйнар перевёл взгляд на мальчика, которого Годи спустил на землю и поддерживал за плечи...

Я поглядел в сторону берега и увидел, что первые ладьи пристали к берегу, и с них неспешно высаживались вооружённые люди.

— Да, Лейф болен, и мы ведём его в святилище, — ответил я.

— Твой брат здесь, в усадьбе. Не хочешь с ним увидеться? — сдвинул брови Эйнар.

Я ощутил опасность. Кровь в жилах похолодела. Вали уже посылал за мной людей и хотел пленить меня: ему нужен был меч. Надо бежать.

— Обязательно, — кивнул я.

Я медленно повернулся к своим спутникам, и увидел, как они вздрогнули при виде выражения моего лица. Они поняли меня без слов, и я был им за это благодарен.

Мой кулак резко ударил Эйнара в кадык, и воин закричал, схватившись за горло. Я выхватил нож. Справа и слева лязгнула сталь. Нас было трое, и врагов — тоже. Но мы атаковали первыми.

Я всадил нож Эйрику в живот, надавив всем телом. Доспех его не спас. Кони на груди печально согнули шеи, когда Эйрик упал на землю. Я испытал пронзительное чувство сладко-горького отмищения и подумал, как же упоителен будет миг, когда я рассеку топором рёбра Вали!

Я оглянулся на Годи и Бьёрна: они уложили двух других воинов, а Лейф прижался к земле, бледный от увиденного.

— Что за дела, Бальдр?! — встряхнул окровавленным мечом Бьёрн. — Ты всех за собой в могилу свести хочешь? Ты безумен!

Я облизал потрескавшиеся губы и поглядел на берег. Сходившие с драккаров люди указывали на нас руками.

— Олав приехал в гости к Вали, — прорычал я. — И вместе они, очевидно, пойдут крушить стены Тронхейма! — я подхватил Лейфа с земли и направился к лошади. — Меня Вали уже пытался схватить, чтобы узнать, где Эйсир. Я нужен ему живым, а вот Лейфа прикончат на месте: он — наследник Хёрда. — Я посадил Лейфа в седло и забрался сам. — Надо убираться. Немедленно, ну!

Бьёрн и Годи взяли других лошадей за поводья.

— Нужно предупредить Хёрда, — сказал я. — Кто-то из вас должен вернуться в Тронхейм.

— Мы все вернёмся, Бальдр! — рявкнул Годи, косясь на Лейфа.

— Мальчик болен, я отвезу его в святилище.

Годи нахмурился, его страшный шрам на щеке потемнел и стал более отчетливо виден под рунами.

— Утрату Лейфа Хёрд не простит, я поеду с вами, — буркнул он, садясь в седло.

— Я вернусь в Тронхейм, — кивнул Бьёрн и, махнув нам рукой, поскакал по дороге назад, в сторону каменистых пустошей.

Мы с Годи понеслись галопом к святилищу. Люди на берегу не стали нас преследовать.

— Не бойся, малыш, — сказал я Лейфу, прижав его к себе.

Мальчик безвольно откинулся головой мне на плечо, я почувствовал, что его белокурая макушка снова пылает.

— Уйдём за холм, и я дам тебе лекарство.

Дорога начала забирать вверх и вышла на грядку. Холодный ветер дул с берега с неистребимой силой, тесня нас к крутому обрыву. Я придержал коня и поехал осторожнее. Я испытывал блаженство, подставляя лицо ветру — он остужал кипящую кровь. Щёки жгло, грудь ныла. Похоже, мне и самому пора принять зелье Йорунн.

Пройдя грядку, мы свернули к чёрной скале, которая скрыла от нас берег и защитила от ветра. Мы остановились возле ручья, сбегаящего по каменистому склону с вершины. В выдолбленной временем ложбине образовался небольшой колодец. Мы дали лошадям напиться.

Годи сошёл с коня, умылся и принялся набрать воду во флягу.

Силы оставили меня. Я приложил немало воли, чтобы непослушными руками достать из мешка зелье Йорунн.

— Вышей, Лейф, — я приложил флягу к губам мальчика.

К тому моменту он безвольно обмяк, повиснув в седле на моих руках. Я думал лишь о том, чтобы поскорее добраться до святилища.

— Они увидят тела и погонятся за нами, — произнёс Годи, смерив меня хмурым взглядом. По его лицу стекали капли ледяной воды. И я тоже очень хотел влезть в ручей. Но сходить с коня не решился.

— Надеюсь, у нас будет возможность переночевать и привести себя в порядок, — я приложил ладонь к голове, которая нещадно болела.

— Как Лейф? Что-то он совсем плох.

— У него жар, — произнёс я.

Годи протянул к мальчику широкую ладонь, ухватил пальцами за подбородок и заглянул в нос и в рот.

— Отстань, — пискнул Лейф, пытаясь вырваться, но Годи держал его голову будто в тисках.

— На простуду не похоже, — проворчал воин, выпустив мальчика. — Наверное, в камнях, которые придавили ему ногу, была какая-то падаль, которая попала в кровь, — Годи сморщился и сплюнул на камни, поросшие мхом.

Я часто задыхался, осознав, что это моя кровь, попавшая в рану Лейфа, была той самой падалью. И теперь нас с ним одолевал жар одной и той же природы. Маргрет мне этого не простит. Ох, Маргрет, как я мечтал поскорее увидеть её! Я знал, что вблизи неё меня не будут терзать ни страх, ни отчаяние. Я буду знать, ради чего бороться! Лишь одна улыбка, один её приветливый взгляд в мою сторону... Лейф вертелся у меня в седле, и я наслаждался соприкосновением с ним. Я очень хотел, чтобы мне было, ради чего сражаться!

— Ты ведь помчался в святилище к Маргрет? Чтобы предупредить её о гневе Хёрда? — вытянул шею Годи, проведя рукой по спутанной бороде.

— Ты догадлив, — кивнул я, убирая флягу.

— Я должен был спросить, Бальдр. Чтобы знать.

— И что ты теперь знаешь? — прищурился я.

— Ты противоречив, ярл. И я пока не понял, могу ли тебе доверять. Конунг Хёрд дал мне приказ вернуть ему жену, а ты хочешь мне помешать.

Я разозлился, когда Годи назвал Маргрет женой Хёрда и, очевидно, в моих глазах сверкнуло что-то такое, отчего Годи передёрнул плечами и попятился к своей лошади.

— Проклятье, Бальдр! — выругался Годи, бессильно пнув ногой камень. — Ты натравил на нас ярла Вали, и я не знаю, как нам теперь вернуться в Тронхейм! Нас будут искать!

— И я не знаю, Годи, не знаю! — рявкнул я. — Завтра мы уйдём отсюда, — я мотнул головой в сторону гор. — Уйдём через перевал. Я не желаю, чтобы ни Лейф, ни Маргрет пострадали. Веришь?

Мы поглядели друг другу в глаза, и Годи кивнул.

— Ладно, поехали, — сказал воин, садясь в седло.

Мы обогнули скалу, и моему взору открылась узкая долина, зажатая между каменистых холмов, вершушки которых были присыпаны снегом, словно пеплом.

Святылище стояло на зелёном выступе, под водопадом, и было окружено бирюзовым озером, наполненным водой с ледников. На гладкой каменной плите, омываемой озером, был построен небольшой деревянный причал. Судя по тому, что деревьев в округе я не встречал, брёвна принесли сюда издалека.

— Странно, что причал до сих пор не пустили на дрова во время долгих ночей, — подумал я вслух.

— Тёмным тварям преграждает путь вода. Люди в святылище в безопасности, — ответил Годи. — Пошли.

Воин направил лошадь в воду. Она сопротивлялась, ржала и мотала шей, но покорилась и понесла Годи к островку, на котором стояло святылище. Я направил лошадь в воду следом. Мой конь оказался более спокойным, почти безразличным. Возможно потому, что не смел противиться воле живого мертвеца.

Стопы коснулись ледяной поверхности — вместо ожидаемой прохлады я почувствовал обжигающую боль. Я переживал за Лейфа и прижал его к себе крепче.

— Мне страшно! — охнул парень и замолчал от того, что у него перехватило дыхание.

— Сиди спокойно, малыш, — приказал я.

Я почувствовал, как конь оторвался ото дна и поплыл. Мои голени и бёдра погрузились в жгучую пучину. Я сжимал мышцы, чтобы не потерять чувствительность. Через несколько мгновений мне показалось, что я даже привык, и смог бы даже искупаться. Нет, холод земли несравним с холодом Хельхейма.

— Ого, какие у нас гости! — произнесла женщина, и я поднял глаза вверх. — Неужели Ярл Бальдр пожаловал?

Старая жрица в плаще из серебристого меха стояла на берегу. Её грудь украшала подвеска из золотых дисков, пепельные волосы спускались распущенными по плечам и достигали самой поясницы. У её ног сидела белая кошка со вздыбленной шерстью.

Я сошёл с коня и взял Лейфа на руки.

— Отведи меня к Маргрет! — потребовал я.

— Маргрет? — удивилась жрица. — Маргрет здесь нет. И уже очень давно как не было.

Глава 9. Ночь в святилище

— Это же Лейф! — удивилась жрица, заглянув в лицо мальчику у меня на руках. — Что с ним?

— Он ранен. И в рану попал моя кровь — кровь друга, — прохрипел я.

Глаза жрицы округлились, она замерла в растерянности.

— Твоя кровь?! — рявкнул Годи из-за моей спины. — Ты навредил мальчику?

Воин схватил меня за плечо и развернул к себе. Я сглотнул. Мне потребовалось несколько ударов сердца, чтобы найти смелость и встретиться с ним взглядом. Лейф у меня на руках застонал.

— Ты понимаешь, что он единственный сын конунга?! — напирал на меня Годи. — Ты опасен для всех, к кому прикасаешься! Отдай его мне!

Воин забрал у меня Лейфа, я не стал сопротивляться. Я навозился с мальчиком и порядком устал. От меня больше ничего не зависело. Я должен был привести Лейфа в святилище, и я это сделал, — убеждал я себя, хотя меня трясло от мысли, что мальчик может из-за меня погибнуть. Даже, если это был не мой сын.

Годи и седовласая жрица ушли вверх по выточеным в скале ступеням. Я разозлился и остался у кромки воды наедине с лошадьми и нахохлившейся кошкой, которая не сводила с меня жёлтых глаз. Я достал зелье Йорунн и потряс флягу. Кошка зашипела, шерсть на спине встала дыбом.

— Пошла прочь! — пшикнул я, пригрозив ей рукой.

Кошка брызнула прочь.

Я вылил остатки зелья в рот. Ветер трепал мокрые штаны, в башмаках хлюпала жижа. Я прислонился к бревну причала и опорожнил обувь.

Мысли обратились к Маргрет: «Где же она? Почему её здесь нет? Я так долго шёл, но не встретил её!»

Я замёрз, меня начало колотить. Живот выл от голода.

«К ослам гордость! — подумал я. — Что бы не говорил Годи, согреться и пожрать я заслужил».

Только я собрался вскарабкаться по ступеням, как увидел, что ко мне спускалась женщина. На ней был такой же меховой плащ, как на жрице, встретившей нас, но женщина была молодой.

— Здравствуй, Бальдр, — произнесла она тонким голосом.

— Здравствуй, — поклонился я. — Не знаю твоего имени. — Взгляд женщины был приветлив, и я не хотел быть с ней грубым.

— Трайен. Я пришла за лошадьми, — она робко указала рукой.

Жрица прошла мимо меня. Полы плаща проскользили мехом по камням. Светлые расчёсанные волосы волнами заблестели на плечах и спине в отсветах уходящего дня. Она напомнила мне Маргрет такой, какой я знал её десять лет назад. В груди заныло от того, что я не застал её в святилище.

Трайен взялась за поводья.

— Я помогу тебе, — сказал я и приблизился.

Мы повели лошадей по ступеням. Я оглянулся в сгущающийся сумрак над водной гладью и остановился.

— У вас кто-нибудь следит за дорогой? Есть караульные?

— Нет. Зачем? — приподняла соломенные брови Трайен. — Никто не смеет обижать Бессмертную мать и её жриц.

— Кое-кто желает схватить меня, — приблизил я лицо к женщине. — Сюда придут люди, придут за мной. Лучше поставить кого-то следить за дорогой, чтобы я мог уйти до того, как их злость выльется на вас.

— Успокойся, — Трайен улыбнулась и положила руку мне на грудь. — Ночью сюда никто не придёт. Сам знаешь... — уголки её рта опустились вниз, жрица развернулась и зашагала вперёд.

Передо мной вырос большой каменный дом, похожий на долгие дома в усадьбах бондов. Мы привязали коней к стойлу. Трайен принялась расстёгивать упряжь и потянулась снять седло. Я оттолкнул жрицу и сделал это сам. Опустив седло на землю, я застонал от боли в боку.

— Твоя рука! — испугалась Трайен, взглянув на мою окровавленную ладонь. — Побереги её.

— Рука — ерунда, Трайен. У меня рассечены рёбра. Ране уже десять лет, — улыбнулся я. — Не переживай.

Пока я снимал седло со второго коня, Трайен поволокла от стены дома вытянутое корыто.

— Зачем это? — нахмурился я. Возня на дворе утомляла меня, я желал скорее отправиться под кров и согреться.

— Так покормить надо, — простонала она от натуги. — Кони ведь голодные.

Я вновь оттолкнул Трайен и установил корыто рядом с лошадьми.

— Там ещё мешок с овсом под крышей клетки, — виновато проговорила жрица.

— Стой тут. Сейчас принесу.

Я видел, как Трайен гладила по носу нетерпеливых коней в ожидании меня.

«Такая ласковая, — подумал я. — Что она делает в глуши среди жриц?»

— Готово, теперь кони будут сыты, — сказал я, высыпав овёс в корыто и комкая в ладонях льняную ткань мешка.

— Спасибо, — Трайен заглянула мне в глаза и улыбнулась. — Я тебя по-другому представляла.

— И как же это по-другому?

— Ну, ты ярл, — протянула она. — Думала, ты привык, что всю работу за тебя делают другие.

Я рассмеялся.

— Да, я привык, что работу конюха делает конюх, а красивая женщина делает другую работу...

Щеки Трайен загорелись, как спелые яблоки.

— Пойдём в дом, — смущенно произнесла она, забрав у меня пустой мешок.

Мы вошли внутрь. Несмотря на огонь от масляных ламп, в доме оказалось немногим теплее, чем снаружи. Посреди зала стоял длинный стол, но за ним никто не сидел. Все столпились у дальней стены, где стояло большое ложе, вмещающее человек десять. Видимо, жрицы спали все вместе, чтобы сохранить тепло.

Я увидел Лейфа, лежащим на шкурах, в окружении женщины. Они громко перешёптывались. Годи стоял чуть в стороне, взволнованно перебирая бороду.

У меня закружилась голова от усталости и голода. По телу прокатилась дрожь то ли от лихорадки, то ли от того, что одежда была мокрой.

Ко мне обернулась седовласая жрица, та что встретила нас, и двинулась навстречу.

— Бальдр, садись за стол. Поешь?

— Поем. Как твоё имя?

— Гретта. Не помнишь? — удивилась жрица.

— Не помню. — Я поджал губы и мотнул головой.

Гретта поставила передо мной миску с рыбной похлёбкой. Я схватил ложку и жадно принялся за пищу, будто больше ничто меня не беспокоило. Я гнал прочь тревогу о Лейфе и о том, не случилось ли что-то с Маргрет. Гретта подала мне горячую лепёшку и кубок с подогретым мёдом, а потом накинула мне на плечи меховое одеяло и села рядом.

— Спасибо, Гретта, — поблагодарил я.

— Годи сказал, за вами погоня?

— Верно, — глухо ответил я. — На рассвете мы уйдём. Как Лейф? Ему тоже опасно здесь оставаться.

Я встретил непонимающий взгляд старой жрицы.

— На берег высадился конунг Олав, — сказал я. — И Вали ждал его в усадьбе неподалёку вместе со своими хирдманами. Как думаешь, какой праздник они решили вдвоём отметить?

— Кровавый праздник, — покачала головой Гретта. — Конунг Олав давний враг Хёрду.

— Как бы ни было, мы сбежали от них, и пришли сюда, потому что Лейф болен.

— Мы пришли сюда, потому что ты хотел найти Маргрет! — вставил Годи, сев за стол напротив.

Меня продолжала бить дрожь. Я положил ложку и сурово поглядел на воина, взглядом приказывая заткнуться, но он в ответ мотнул головой.

— Будто одной беды нам мало! — прошипела Гретта, развернувшись ко мне всем телом. — Тёмные твари лезут из-под земли, столько людей погубили. Война истощит народ Истлага, мы вконец потеряем надежду вновь увидеть Бессмертную мать.

Жрица взяла меня за руки и поглядела в глаза.

— Ты остановишь нашествие тьмы, Бальдр? Ты нашёл свой меч? — произнесла она, и глаза её были полны надежды.

Я нахмурился и сжал челюсти.

— Я ещё не вспомнил, где он, но я его найду, — сказал я, не желая лишать надежды старую жрицу.

— Проклятье, ярл! — рявкнул Годи, ударив кулаком по столу. — Все люди Истлага верили в тебя, а ты до сих пор не обрёл Эйсир!

— Если меч не отыщется, то всех нас ждёт смерть, — произнесла Гретта.

Морщинистое лицо жрицы побледнело. Я увидел след отчаяния в глазах.

— Я понял, что тёмных тварей можно одолеть огнём! — сказал я с воодушевлением. — Я убил одного варга в Хедвиге. И прогнал йотуна! Твари бояться солнечного света, и с наступлением летнего дня, они, вероятно, сдохнут. Но надо проверить.

Воинственное чувство разгорелось во мне, по телу растеклось приятное тепло от уверенности в победе.

— Чтобы дожить до летнего дня, нужно пережить зимнюю ночь, ярл, — сказала Гретта. — А запасов для поддержания огня очень мало. Раньше конунг Хёрд присылал нам

столько дров, что мы могли топить очаг беспрестанно, но теперь разжигаем его только когда готовим пищу.

Я выслушал жрицу и почесал лоб. Годи мрачно глядел на меня, растопырив локти, как коршун над полем боя, усеянном трупами. Лицо его перекосило, и шрам на щеке выглядел особенно уродливо.

— Ты серьёзно убил варга огнём? — прищурился он.

— Убил, — кивнул я.

— За это я тебя уважаю, — Годи опустил локти и глотнул мёда.

— Ты не понимаешь, Бальдр, — произнесла Гретта. — Твари из тёмного мира только предвестники. Ты можешь гоняться за ними и истреблять огнём, но вслед за ними придёт Бессмертный бог Хассер. Остановить его может лишь сталь Эйсира.

— Подожди, а если закрыть печать?

— Это невозможно, Бальдр. Передвигать границы миров могут лишь богиня жизни и богиня смерти: Бессмертная мать и Хель.

— Значит, Хель может спасти нас? — удивился я. — Подлая ведьма! Она сказала мне, что люди ей дороги и поэтому она согласилась меня отпустить!

Я разозлился, чувствуя себя обманутым: куклой в руках богов. Гретта переглянулась с Годи, а потом вновь поглядела на меня.

— Хель хочет получить Хассера. Он бог войны и мужественности. Во времена войн прошлых веков он много раз бывал на границе миров и дразнил одинокую богиню. Хель никогда не удавалось возыметь над ним власть, и пока есть надежда, что Эйсир убьёт Хассера, она врата не закроет. И лишь потому она согласилась вернуть тебя в мир живых.

К нам подошла Трайен и встала около меня, держа в руках моток ткани.

— Ярл Бальдр, ты поел? — поглядела она на оставленную мной ложку. — Я пришла заняться твоей раной.

Мы переместились к очагу. Я разделся, оставшись в тонких исподних штанах, и лёг на скамью. Жрица промыла тёплой водой рану на рёбрах. У меня из глаз текли слёзы, но я не пошевелил ни мускулом.

— Нет-нет-нет, не трогай! — завопил Лейф.

Годи держал его, а жрицы заматывали стопу между двух дощечек.

— Ма-ма! Помоги, где ты?! — застонал мальчик.

Я отвернулся и прикрыл глаза. Я много видел в жизни, много страдал. Проклятье, я пережил смерть! Но смотреть на муки ребёнка было для меня невыносимо.

Надо мной нависла Гретта. Лицо её сделалось мрачным при виде моей раны.

— Как Лейф? — спросил я.

— У него небольшое заражение крови, но мы вылечим его. У нас в запасе много целебных средств.

— А меня вылечат?

— Тебя? — задумалась жрица, протянув руки к моему рассечённому боку, на который Трайен накладывала повязку.

От решительного прикосновения Гретты я сморщился и рыкнул. Знающие пальцы жрицы переместились мне на шею, замерев на бьющейся вене. Потом скользнули к вискам, туго надавили и отпустили.

— У тебя сильно испорчена кровь. Узлы на теле вздуты, ты погибаешь. Мы можем вылечить тебя, но это будет сложнее. Куда сложнее! — Гретта поджала губы и села возле

изголовья. — Мы можем попробовать очистить твоё тело. Но тогда к утру уйти ты не сможешь. Потому что мы спустим кровь, а потом будем давать снадобья, правильно кормить. Обтирать рану каждый день живой водой из озера. Неделю, Бальдр. Ты должен остаться у нас на неделю.

Я съёжился. Всё моё существо стремилось к Маргрет, но её здесь не было. Я не знал, где она, и терзался от неизвестности. Разве я мог позволить себе быть слабым целую неделю? Да к тому же Вали придёт за мной завтра...

— Я не могу, — глухо ответил я.

— Что ж, ты скоро умрёшь...

— Ты такая старая, что умрёшь вперёд меня! — рявкнул я, прервав Гретту, и зло посмотрел на её изрезанное морщинами лицо и прореженные седые волосы, через которые просвечивала округлость черепа.

Жрица одарила меня холодным взглядом, поднялась и вышла на двор. Я перевёл взгляд на Трайен. Её лицо вытянулось и побледнело. Руки, накладывающие повязку, замерли.

— Не хотел напугать тебя, — буркнул я. — Просто, когда говорят о моей смерти, я впадаю в ярость. В отличие от всех вас я уже пережил это! И нечестно заставлять меня переживать это вновь!

— Мне очень жаль тебя. — У Трайен увлажнились глаза. Не произнеся больше ни слова, она завязала узел повязки, сгребла окровавленные тряпки и понесла прочь.

Лейф продолжал скулить и завывать, даже когда его перестали мучить. Одна из жриц сидела подле него и пела тихую песнь. Меня угнетали стоны и заунывный голос, я взял у очага сохнувшие башмаки, накинул меховой плащ и вышел во двор.

Гретта сидела на скамье у входа и рядом с ней стояла масляная лампа, рассеивающая мрак. Я зло выдохнул.

— Ты тяжёлый, грубый человек, — произнесла жрица, обернувшись на мой вздох. — И я не представляю, за что могла тебя полюбить эта строгая и чистая девочка. Ты испортил ей всю жизнь.

Я нахмурил брови, не понимая, о ком говорит Гретта.

— Сколько ты был с ней: три месяца, четыре? — приподняла она брови.

— Ты о Маргрет, — я прикрыл глаза, поняв, о ком говорит Гретта.

— Да. Когда ты погиб, она сбежала в святилище. Ей нужно было скрыться от позора перед конунгом Хёрдом и своим отцом — конунгом Харальдом. Харальд был так зол оттого, что свадьба до сих пор не сыграна, и готов был отправить войско на Хёрда! Но мы сказали, что Маргрет больна. Она и правда была очень больна, — жрица заглянула мне в глаза. — Она называла себя виновной в твоей смерти. Она тосковала по тебе так, будто разделила с тобой долгую жизнь. Она чуть не умерла. Но кое-что не дало ей умереть.

Из дома раздался крик Лейфа. Жрица смерила меня строгим взглядом.

— Что не дало ей умереть? Скажи мне! — горячо произнес я.

Я так хотел услышать, что сын Хёрда на самом деле — мой сын. Но я не осмелился проговорить эти слова вслух. Я боялся ошибиться.

— Любовь к тебе, — произнесла Гретта.

Мы вернулись в дом, когда все уже улегись. В очаге тлели угли, освещая редкими всполохами света силуэты на широком ложе. Лейф лежал у стены, перевязанная нога выглядывала из-под одеяла. У другой стены раскачивалась спина Годи между белых коленей женщины.

Гретта поставила лампу на стол, достала из ящичка, стоявшего у стены, флягу и добавила мне в кубок несколько капель.

— Это чтобы сон принёс тебе больше сил, — сказала она.

Я поверил ей и выпил.

В середине ложа было пусто, и я лёг на шкуры. В голове разрасталась тяжесть, глаза слипались. Годи шумно выдохнул и упал на спину рядом со мной. Женские руки обняли его и немного задели меня.

— Я готов вечно молиться Бессмертной матери, — прошептал Годи мне на ухо. — Они все меня хотят. Только одна ждала тебя...

Трайен поднялась надо мной и спустила с плеч накидку, обнажив грудь. Всполох огня в угасающем очаге выхватил нежные изгибы гладкого тела. Я не сумел сдержаться и протянул руки, сомкнув ладонями мягкую грудь. Соски вмиг отвердели под моими пальцами. Я услышал женский стон сбоку и почувствовал, что Годи вновь предался молитве.

Я тоже желал любви. Но пришёл в святилище в поисках Маргрет. Я любил её и не хотел предавать своего чувства. Трайен закинула на меня бедро. Её длинные волосы упали мне на лицо и грудь. Я почувствовал на шее робкое девичье дыхание.

— Я не могу, — отстранился я.

— Разве ты не хочешь согреться? — удивлённо прошептала она.

Я промолчал.

— Я не нравлюсь тебе?

— Ты тут ни при чём, ясно? — хрипло произнёс я. — После смерти у меня не всё ожило...

Жрица вернулась под шкуры, отвернулась и затихла. Я потянулся укрыться, но почувствовал, что руки онемели от усталости. Кое-как натянул на бок одеяло и закрыл глаза.

— С ума сошёл, ярл! — пшикнул Годи. — Разве можно отказывать жрице? У тебя есть пальцы, на край — язык.

Воин непонимающе уставился на меня, поднявшись на локте. Жрица из-за плеча перебирала длинными пальцами его волосы.

— Тебя ждёт дома жена, Годи? — прошипел я.

— Нет, — протянул он, — да если бы и ждала, то пока я в походах, плаваниях, она бы чернила мою честь. Зачем мне это надо? Ну ты же понимаешь.

— Понимаю.

— Но, когда заслужу землю и построю усадьбу, тогда, конечно, возьму себе молоденькую красавицу. Ох, измучаю сладкую! — Годи повернулся к жрице и защекотал её.

Я закрыл глаза и под редкие потрескивания очага и шумное дыхание любви провалился в сон.

* * *

Проснулся я от того, что грудь сдавило. Дышать стало тяжело. Горький запах хмеля, перемешанный с конским потом, ударил в нос. Липкое чувство страха потянулось по жилам. Я открыл отяжелевшие веки, было светло. Я хотел встать перед рассветом, но уже стоял день! Всё перед глазами сливалось цветными пятнами. Голова болела.

«Меня опоили зельями! — осознал я. — Предали!»

Сердце бешено забилося. Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы сосредоточить взгляд. Я увидел над собой светловолосого человека с длинным, чуть горбатым носом. Он упёр мне в грудь ладонь, одетую в перчатку с металлическими пластинами.

— Здравствуй, братец, — улыбнулся он.

Глава 10. Брат мой, брат

Улыбка Вали походила на оскал хищника. Два верхних клыка чуть выступали над рядом ровных здоровых зубов. Лицо, обрамлённое короткой лоснившейся бородой, не имело ни одного изъяна. Жёлто-пепельные волосы были заплетены в косы и украшены золотыми колечками.

Яркая вспышка воспоминания загорелась перед глазами. Вали с точно таким же оскалом, с каким сейчас висел надо мной, поднял топор и вонзил его в меня, безоружного. Треск! Хруст! Боль!

Тело свело судорогой от звуков разрываемой плоти, раздавшихся в голове. Я попытался скинуть с себя властную руку брата, но понял, что не могу двигаться. Я был обессилен: ни один палец не шевелился.

— Я велел Гретте задержать тебя, если ты, мерзкий урод, сюда сунешься! — прошипел Вали. Взгляд его победно блистал. — Она дала тебе хорошее средство, ты проспал три дня!

Вали натянул самодовольную улыбку. Я попытался выругаться, но понял, что говорить тоже не могу. Язык прилип к нёбу и не ворочался. Я пришёл в бешенство. Меня предали жрицы! Меня предало даже собственное тело!

— Ох, полегче, братец! — рассмеялся Вали, задыхаясь от веселья. Украшения в его волосах зазвенели. — Успокойся! Так глаза вылезут!

«Где же Лейф, где Годи? Неужели они убиты?!»

Я слышал вой, исходящий из собственного горла, но не чувствовал, как издавал его. Мой брат всё больше улыбался, упиваясь моим бессилием.

— Бальдр, зря ты не пошёл тогда с моими людьми, — произнёс он. — Если бы ты сразу отдал мне Эйсир, мне не пришлось похищать Маргрет, чтобы добраться до тебя.

Миллион игл вонзились в нутро: в сердце, в живот, в каждый мускул. Я оцепенел от боли.

— Да ты побелел, как покойник! — фыркнул Вали и схватил меня за ворот рубашки. — Подожди, брат, не умирай, пока не расскажешь мне, где Эйсир!

Вали зарядил мне по щеке и поглядел в сторону. К нему шаркающей походкой приблизилась Гретта.

— Скоро он отойдёт от пойла?! — рявкнул Вали. — Мне нужно, чтобы он говорил!

— Он проснулся... — жрица задумчиво приложила ладонь к подбородку, — через пару часов заговорит.

Вали дёрнул вверх уголком рта и нетерпеливо вздохнул, потеряв руки о колени.

— Ладно, пёс с ним. Тогда продолжим пировать!

Он встал и громким шагом двинулся к столу, за которым капошились тёмные широкоплечие фигуры: хирдманы Вали.

Очаг пылал жарким огнём, зал освещали подвешенные масляные лампы. Я лежал на том же месте, где уснул: в середине широкого ложа.

— Мёда! — потребовал Вали, опустившись за скамью.

Трайен поднесла кувшин, но не успела наполнить кубки. Вали, будто голодный волк, поглядел на неё и широко улыбнулся, сверкая белыми зубами.

— Какая хорошенькая! — заблестали по-звериному глаза Вали. — Поставь кувшин на стол, жрица. Как тебя зовут? — он сжал в кулак прядь её золотистых волос.

— Трайен... — прошептала она.

Её голос не был похож на тот, которым она говорила со мной, когда мы кормили лошадей, когда она перевязывала мне рану, и когда предлагала согреться. В груди заныло.

Вали притянул к себе Трайен за локоть и облизал ей щёку. Я зажмурился. Трайен была милой девушкой и не заслуживала грубости! Я часто задышал, стараясь унять разливающуюся в груди боль.

— Ай! Тише! — воскликнула Трайен, и я открыл глаза.

Вали уложил её животом на стол и толкался в неё с выражением блаженства на лице. Трайен вцепилась в столешницу, пряча лицо под локтём.

— Какая сладкая жрица! Все вы тут сладкие! — простонал Вали, вливая в горло мёд. — Да, милая. Двигайся, двигайся!

Широкая фигура Гретты возникла передо мной и заслонила мучительное зрелище.

— Сука! — прошипел я, глядя в глаза старой жрице.

Мои слова прозвучали невнятно, но я был уверен, что Гретта меня поняла. Меня трясло от ненависти. Если бы я владел телом, то схватил бы старуху за горло и задушил.

— Вали обещал защитить нас от тёмных тварей, чего Хёрд не мог сделать уже десять лет! — пропищала она, приблизив лицо. Колючие глаза были полны ненависти. — Ему нужен был ты, и я отдала ему тебя. Ты плохой человек, Бальдр! Ты заставил страдать многих людей!

— Где Лейф?! Где Годи? — прошипел я сквозь зубы.

— Они ушли, — чуть слышно произнесла Гретта. — Я приказала им оставить тебя и уйти. И они ушли!

Я стиснул зубы и почувствовал, что кулак мой тоже сжался. Мне было обидно, что Годи и Лейф бросили меня. Но зато я не увижу, как Вали прикончит мальчика. А он его точно прикончит, ведь Лейф был единственным сыном конунга. Я был уверен: Вали жаждет свергнуть Хёрда, ну, и заодно прикончить меня. Вали желает стать правителем Истлага! Бессилие и одиночество захлопали у меня в груди, словно крылья птиц взаперти.

«Что же делать? — заклокотали мысли в голове. — Если признаюсь, что меча больше нет, Вали убьёт меня. И убьёт Маргрет. — Я двигал челюстью, раздувал ноздри и сжимал кулаки. — Да даже отдай я ему меч, он всё равно прикончит меня и всех, кто мне дорог! — Я глубоко вздохнул, почувствовав прилив сил, и понял, что, наверное, мог бы уже встать. И вцепиться в глотку Вали! — Нет, нельзя выдавать себя. Я должен попытаться спасти Маргрет, чего бы мне это не стоило. Успокоиться... Успокоиться... Иначе обречён!»

— Так, ну что, Бальдр? — произнёс Вали, возвращаясь ко мне и на ходу застёгивая ремень. — Скажи мне, где Эйсир, и обещаю, что мучиться ты почти не будешь.

Вали произносил слова медленно, кивая после каждого, словно говорил с умалишённым. Я взбесился, как сумасшедший. Кровь закипела. У меня зачесались руки хватить за его умытое лицо и ударить им о булыжники, чтобы кровь брызнула в стороны. Я хотел услышать хруст его зубов и стоны. Ведь он убил меня и лишил всего!

Я сделал глубокий вздох и приказал себя остыть.

— Я скажу тебе, где меч, если увижу Маргрет, — ровным голосом произнёс я, даже не моргнув, хотя в горле вырос ком и веки жгло подступающими слёзами.

Вали мотнул головой, удивившись моему спокойному тону, и поставил руки на пояс. Я незаметно сжал кулаки. Если откажет — брошусь на ублюдка, вырву ему сердце пальцами!

— Ты что не понял, Бальдр? — Вали сдвинул брови. — Здесь я ставлю условия и отдаю

приказы! Прошли времена, когда Вали был младшим братцем! Я сделаю дыру в твоём животе, и буду медленно вытаскивать кишки, и обматывать ими стены дома!

Гневное дыхание Вали ударило мне в лицо, в глаза попали брызги слюны.

— Покажешь мне Маргрет, и я скажу, где меч, — произнёс я, не дрогнув. — Мне плевать, что ты со мной сделаешь, я уже был мёртв, — понизил я голос.

Вали оторопел, и я почувствовал свою силу. Младший брат всегда будет младшим, как бы громко не тьявкал!

— Ладно! — рявкнул он. — Но я убью её, если ты солжешь мне о том, где Эйсир!

— Знаю.

— Проклятье, до Тюрберга три дня пути, — пробурчал Вали под нос. — Ладно, поехали.

Брат прищурился, и глаза его злобно заблестели. Я не сомневался, что он подумал о том, как будет пытаться Маргрет у меня на глазах. А может уже пытал? Холод пробежал по телу. Я сглотнул и заставил себя дышать ровно.

Остаток вечера хирдманы пили мёд, пели гнусные песни и трахали жриц, усаживая себе на колени. Остекленелыми глазами я глядел на пляску огня в очаге и пляшущие тени на стенах. Волосы у меня взмокли, лицо пылало, а руки и ноги дрожали от холода: меня мучила лихорадка.

Один из людей Вали, с бритыми висками и длинной белёсой бородой, приблизился ко мне, наматывая на кулак верёвку. Шаги его были осторожными. Я не видел его глаз: он совершенно не глядел мне в лицо.

— Бальдр, Вали приказал связать тебя, — произнёс воин, цокнув языком.

Я откинул с груди шкуру, предлагая ему начать.

— Святые псы, — прошептал он, ошарашенный моим нечеловеческим безразличием.

Воин почесал за ухом, вздохнул, и лишь потом прикоснулся к моему синюшному запястью.

— Мерзко же ты выглядишь, Бальдр, — буркнул он. — И воняет от тебя, фу!

Кожа на предплечьях вздулась за эти три дня, что я лежал, позеленела. Кончики пальцев почернели. Запах: приторно-гадкий, я хотел блевать.

Сморщив нос, воин соединил мне руки на животе и плотно обмотал их веревкой, а затем потянул её вниз, к ногам. Ноги тоже связал и довольный выпрямился.

— Хочу ссать, — сказал я.

— Вали, Бальдр говорит, что хочет ссать, — обернулся воин к своему ярлу.

— Фрелав, боги, пусть ссыт, какое мне дело?! — фыркнул Вали, закинув в рот кусочек рыбы, и принялся его смаковать.

Что ж, я и так был опозорен, и был даже убит! Ничто не могло уже быть хуже.

— Вали, — простонал Фрелав и покачал головой, — он это сделал!

— Проклятье, Фрелав, ты что мне будешь о всех его испражнениях докладывать?! — рявкнул Вали и толкнул жрицу, сидевшую у него на коленях. — Убери! И сделайте уже что-нибудь, чтобы он поменьше вонял!

Вали прикрыл нос локтем и поглядел на Гретту, сидевшую за столом наравне с хирдманами.

— Ты приказал не лечить его, вот он и гниёт, ярл Вали, — почтительно поклонилась она.

Длинные седые волосы коснулись поверхности стола, глаза медленно моргнули и

оставились на меня.

— Прикажи постелить мне постель и сделай так, чтобы Бальдр протянул ещё дня три, — проворчал Вали. — Три дня: не больше!

Гретта снова поклонилась Вали и встала из-за стола, указывая жрицами жестами приняться за дела.

Боль и лихорадка истерзали меня. Я закрыл глаза, не желая тратить последние силы на гнев к старухе. Вокруг меня заколыхались тени. Это были жрицы, от них пахло льном, мёдом и овечьей шерстью. Я вдыхал его с наслаждением. Женщины вертели меня с боку на бок: омыли тёплой водой моё тело и переодели. Они поили меня чем-то горьким и слегка солоноватым, я глотал, потому что меня страшно мучила жажда.

— Тише-тише. — Услышал я заботливый голос Трайен.

Она провела по моим волосам, и я открыл глаза, встретившись с ней взглядом.

— Пей тише, а то подавишься, — сказала она, взволнованно подняв тонкие брови.

Я напился и отвернулся к стене, не поблагодарив её. Я не хотел проявлять теплоты, чтобы не быть уязвимым перед Вали.

— Ты любишь жену конунга Маргрет? И потому сказал, что не хочешь со мной согреться? — она взяла моё лицо за подбородок и повернула к себе.

Я тяжело вздохнул и ответил глазами.

— Ты не был честен со мной, — сомкнула она губы. — Это больно. — Взгляд Трайен блестел печалью. — Но я... Я хочу верить, что ты хороший человек, что бы ни говорила Гретта... и ярл Вали.

Я разомкнул губы, желая что-то сказать, но слова не вышли. Трайен прикрыла мне рот рукой и склонилась ещё ниже.

— В твоём напитке я размешала настойку болотного гриба. Очень мощное средство против порчи крови. Оно спасло много воинов, которых лихорадило после грязных ран. Это не вылечит тебя полностью, тут нужно, как говорила Гретта, принимать средство месяц, но завтра тебе будет значительно лучше.

Трайен гладила меня по волосам. Я молчал, стараясь сжимать желваки как можно незаметней. Я очень хотел обнять Трайен и поблагодарить, но не мог позволить себе даже поглядеть на неё.

* * *

Утром люди Вали собрались в путь.

— Фрелав, посади его на коня и свяжи покрепче! — приказал Вали. — Верёвкой и ремнями. Не жалей! Говорят, мертвецы дюже сильные.

Брат с хищной улыбкой прошагал мимо меня, звеня золотыми украшениями, и сел в седло.

Во дворе святилища было ветрено. Кое-где стояли лужи, покрытые ледяной корочкой. Фрелав вытолкнул меня с порога дома, и уже с меньшей церемонностью, нежели вчера, перевязал мне руки за спиной. Он помог мне забраться на коня и закрепил поводья жеребца за луку своего седла.

Мы снова пересекали бирюзовое озеро. Погружённые в ледяную воду ноги немели, и я едва удерживал равновесие. Несколько раз я чуть не вывалился из седла, но не позволил дать

повода для смеха.

Мы выехали на тропу.

— Мертвец ходячий! — фыркнул Фрелав, растянув на губах улыбку. — Интересно, зачем тебе жена конунга? Разве у друзей встаёт хрен?

Хирдманы гулко засмеялись. Я принял безразличный вид, будто слова их не задевали меня и не лишали чести Маргрет. Я продолжал изображать из себя безразличного остекленевшего мертвеца, и только боги знали, чего мне это стоило.

Холодное дыхание ветра остудило гнев и освежило мне голову после дней, проведённых взаперти. Чёрные скалы присыпал снег. Видимо, пока я лежал недвижимым, над святилищем бушевала буря. Но теперь мир казался спокойным, светлым и чистым. Небо розовело за холмами. Пепельные, с примесью золота, облака стремительно проносились над изрезанной скалами линией горизонта.

Дорога стала шире, и Фрелав поравнялся со мной.

— Не помер ещё, друг? — прыснул он, склонившись достаточно близко.

Я хотел боднуть его головой, сломать нос и выбить лбом пару передних зубов.

«Если врежу ублюдку, то до Вали мне уже не добраться и не спасти Маргрет...» — я едва сдержал себя.

Мы возвращались тем же путём, каким я с Годи и Лейфом прибыл в святилище. Интересно, где они? Добрались ли до укрытия? Я приказывал своему сердцу быть чёрствым, ни к кому не отзываться теплом. Но в груди что-то вздрогнуло при мыслях о мальчике, которого я хотел считать своим сыном.

Я вновь увидел берег. Ладьи конунга Олава отдыхали на тёмном вулканическом песке, рядом лениво расхаживало несколько воинов-охранителей. Их светловолосые головы белели на фоне свинцового моря: они не надели доспехов, значит не видели ни толики угрозы.

«Эх, Хёрд, ты и правда слеп! Надеюсь, Бьёрн предупредил тебя, и ты уже собираешь хирдманов!»

Я почувствовал, как с плеч потихоньку сползал плащ. Руки были связаны, и я не мог помочь себе. Да и не хотел. Сильный порыв ветра, подувший с берега, окончательно сорвал с меня мех. Я сделал вид, что не заметил.

Фрелав остановил коня, сошёл на землю и поднял с сырых камней плащ. Я изображал храбрость перед хлещущими ударами ветра. Лишь глаза чуть слезились. По лицу Фрелава скользнула тень ужаса перед тем, насколько я не был живым.

— Вернуть тебе его? — прокричал он.

— Как хочешь! — рывкнул я.

Воин пару мгновений мешкался, глядя как ветер чуть не выкидывает меня из седла. Он подошёл и накинул на меня плащ, завязав ремешки на шее.

— Едем! — буркнул он.

И я опять мог врезаться ему. Но в этот раз мне не захотелось.

К вечеру мы подъехали к усадьбе Фёвикен, перед которой мы с Годи и Бьёрном несколько дней назад уложили троих хирдманов Вали.

Стены усадьбы были выложены на насыпном валу из камня. Перед валом во рву плескалась морская вода. Ворота располагались меж двух деревянных башен. Какой-то тёмный мешок болтался над мостком, соединяющим башни. Я пригляделся получше и узнал Бьёрна. Сердце забило в отчаянии: Хёрд не придёт на помощь!

Фрелав подтолкнул меня в двери долгого дома, куда только что вошли Вали и

сопровождаявшие его воины. В доме стоял гомон. Людей было очень много, они толкались, стучали кубками и распевали гимны. В Фёвикене гостил конунг Олав и две сотни его хирдманов.

Меня провели через зал и посадили на краю стола. Руки по-прежнему были связаны за спиной. Вали вырос надо мной и поставил ногу на скамью. Рядом с ним стоял беловолосый конунг Олав. Лицо его было черно от рун. Борода стянута кожаными шнурками со сверкающими пряжками. Грудь украшала тяжёлая цепь с золотыми дисками. На предплечьях сверкали серебром наручи.

— Это Бальдр? До последнего не верилось, что увижу ожившего мертвеца! — удивился Олав.

— Хёрд уже настолько слаб, что позвал мертвеца себе на помощь! — прыснул Вали.

— Ну, если это его последняя надежда, — проговорил Олав, смерив меня весёлым взглядом, — то Истлаг, скоро будет твой, Вали. Осталось найти Эйсир. Бальдр уже сказал, где он?

— Ещё нет, конунг, но скоро расколется, — кивнул брат.

— Хах, не сомневаюсь! — Олав хлопнул Вали по плечу: — Ночь не время для терзаний — пошли пировать!

Конунг Олав скрылся за спинами хирдманов, а Вали приблизился ко мне.

— Бальдр, зачем тратить время?! — он взял меня за волосы и заставил поглядеть на себя. — Ты друг, мертвец, который не может зваться ярлом! Ты мерзостное, поганое, неживое отродье! Слышали, парни?

Все вокруг загоготали.

— Тебе нет места в мире людей, — склонился ко мне ближе Вали. — А нам здесь жить! И я буду сидеть в Тронхейме! Скажи мне, где Эйсир?!

Я пошевелил языком в пересохшем рту, выскивая слюну, и вместо ответа плюнул в лицо брату: не сдержался.

— Ах ты, мразь! — расвирипел Вали и ударил меня коленом в челюсть.

Раздался короткий хруст. Во рту появились острые крошки зубов, кровь полилась на пол изо рта и носа. Было больно. Но ещё больше обидно.

— Так ты всё же живой?! — ехидно прошипел Вали и вновь оттянул мою голову за волосы. — Тогда слушай, — брат нетерпеливо облизнулся, — особое удовольствие мне доставит отыметь Маргрет у тебя на глазах. И я не буду убивать тебя, пока ты не налюбуйешься! Смотри за ним в оба, Фрелав! — рявкнул Вали. — И не корми! Мертвецам не нужна пища.

Брат ушёл вслед за Олавом, а я безвольно согнулся и сплюнул кровью между ног. Нос отвратительно ныл и быстро отекал — похоже, был сломан. Сердце наливалось отчаянием.

— Я хочу ссать, — хрипло сказал я.

Фрелав отложил ложку и нервно поглядел по сторонам.

— Только не делай это здесь, ладно?

Фрелав вытолкнул меня во двор. Лицо пульсировало болью, веки заплыли. Ремень связывал руки и тянулся к ногам. Ноги тоже были связаны, но верёвка позволяла делать короткие шаги.

— Всё, стой. Далёко не пойдём, — сказал Фрелав. — Отливай здесь.

— Ты достанешь?

— Что? — с недоумением поглядел на меня воин. — Ах, проклятье, у тебя руки

связаны.

Пока Фрелав мялся, чтобы развязать мне штаны, я разглядел у стойла рассёдланных лошадей. Поблизости никого не было — все пировали в большом доме.

«Вот мой шанс!» — Я ощутил, что моей неистовой ярости, которая бурлила внутри, хватило бы повалить Фрелава и задушить его ногами. Я перерезал бы путы его мечом! Я почти решился, но вспомнил Торира, как он тогда ночью, в панике запрыгнув на коня, бросился в дебри леса. Варги настигли его через минуту. Конец. Я не мог так рисковать и усмирил в себе слепое желание к бегству. Ведь я был последней надеждой для Маргрет. И Лейфа. И даже своего брата Хёрда.

Мы вернулись в долгий дом. Зал сделался ещё более задымлен и шумен. Запахи хмеля и жареного на огне мяса носились в воздухе и кружили мне голову. Моё место оказалось занято воином. Его плечи укрывал волчий мех, бритые виски были украшены рунами. Борода спутанным комом скрывала половину лица. По щеке пролегал шрам.

— Подвинься! — рявкнул Фрелав, усаживая меня на прежнее место.

— Извини, тут было свободно! — показал белые зубы воин и перевёл взгляд на меня.

Я узнал его — это был Годи.

Глава 11. Мой друг

Сердце забилося от радости видеть хирдмана Хёрда. Я понял, что скучал по Годи. Неужели, он пришёл ради того, чтобы вытащить меня? Душа ликовала. Я не чувствовал больше себя одиноким, в окружении врагов.

— Какие вы истлагцы негостепреимные! — пробурчал Годи, отхлебнув мёда.

— Я Фрелав. Ты из хирдманов конунга Олава? — сощурился Фрелав. — Что-то говоришь больно по-нашему, без выговора.

— Годи. Я родился в Истлаге, — отставил кубок Годи и вытер усы. — Потом искал славы за морем. И вот судьба вновь привела меня в родные земли.

— Земляк, значит! — улыбнулся Фрелав. — А в землях какого ярла ты жил?

— Хёрда, — понизил голос Годи и сделал прегрустную мину. — На скотном дворе спал. Сын вдовы. Ни земли, ни дома своих не имел.

— Скоро конец Хёрду, — улыбнулся Фрелав. — Вали обещал, что все мы получим землю и золото. А вам что обещал Олав?

Фрелав склонился ближе к Годи, чтобы их разговор не разносился по залу.

— Золото, — кивнул Годи. — Много золота. И мы сами купим себе землю, где захотим. Но не в Истлаге, нет. Здесь слишком мерзкая погода!

Годи засмеялся, и Фрелав подхватил его смех.

— Выпьем, брат! — сказал Фрелав.

Воины встретились кубками перед моим лицом. Я облизнул потрескавшиеся губы, глядя на янтарные капельки мёда, стекающие по стенкам кубков.

— Этот молчаливый пленник — это же Бальдр? — покосился на меня Годи. — Почему бы нам не налить ему кубок? В загробном мире вряд ли поили мёдом, а Бальдр?

— Вали не велел, — строго сказал Фрелав.

Годи смерил меня взглядом. Выражение его лица было насмешливым, губы растягивала улыбка, но в глазах его я читал тревогу. Я чуть шевельнул губами, давая понять, что очень благодарен ему.

К столу вновь приблизился Вали, ведя под руку молодую женщину с длинными распущенными волосами. Подол платья украшала вышивка со звериным узором. На лицо женщины я не глядел.

Годи сдвинул брови, борода его растопырилась, придавая воинственный вид.

— Бальдр, как нос? Болит? — произнёс Вали. — Скажешь мне, где меч, или дальше будешь мучиться?

Я приоткрыл слипшиеся глаза и вновь искал во рту слюну.

— Тогда мучайся, — развернулся Вали. — Гляди за ним в оба, Фрелав! Утром найдём тебе смену.

Я видел, как он, подталкивая перед собой женщину, скрылся за шкурами, отделяющими покой от зала.

— Ублюдок ты, Бальдр, — Фрелав пихнул меня локтём в бок.

Я пшикнул от боли, потому что удар пришёлся в рассечённые ребра. Кровь струйками побежала под рубашкой.

— Сказал бы уже, где твой меч, и не пришлось бы с тобой возиться! — продолжил Фрелав. — Нам неохота тратить время на возвращение в Тюрберг! Хёрд сейчас, наверное, во

всю готовится дать бой. — Воин приблизил ко мне лицо, из его рта воняло перебродившим хмелем. — Ты чо, не понимаешь, что тебе и твоей шлюхе-Маргрет конец?! Урод ходячий...

— Какой ты грозный, Фрелав! — прервал его Годи. — Давай выпьем, за скорую победу! И золото!

— Выпьем, Годи! — улыбнулся Фрелав.

Вскоре Фрелав сложил голову на стол и захрапел. Настал волчий час — время незадолго до рассвета. Движения в зале давно стихли, и стены содрогались от всеобщего храпа. Караульные у дверей зевали, борясь со сном. Вали, скрывшись в покоях с женщиной, больше не появлялся в зале. Конунг Олав сопел, развалившись на деревянном кресле, и три женщины дремали у него на коленях.

— Где Лейф? — прохрипел я, поглядев на Годи.

Лицо моё пульсировало болью из-за сломанного носа. Глаза сдавливали кровавые синяки.

— А где «как я рад тебя видеть»? — сверкнул зубами воин.

— Годи...

Воин поглядел по сторонам и, убедившись, что на нас никто не смотрит, поднёс к моим губам кубок с мёдом. Я жадно пил, но не успевал глотать всё, что попадало в рот. Мёд стекал по горлу на рубашку. Борода намокла.

— Лейфа я спрятал тут в Фёвикене, у мужа своей сестры.

— Годи! — пшикнул я. — Под носом у Вали? Ты с ума сошёл?! Почему ты не отвёз его в Тронхейм?

— Проклятье, Бальдр! — выругался Годи громким шёпотом. — Ты видел, что они сделали с Бьёрном? Они схватили его! Дорога на Тронхейм охраняется, там полно караульных! Люди на грани войны! — Годи поперхнулся и сделал глоток из кубка. — А Лейф... я еле сумел спуститься с ним из святилища. В верховьях разыгралась снежная буря. Он промок, замёрз, ревел — нога у него болела. Я свернул в Фёвикен, сказал, что вернулся с сыном с рыбалки, и спрятал его у Гладис, сестры своей.

— Спасибо, Годи.

— Оставь своё жалкое «спасибо» при себе, Бальдр, — буркнул воин. — Я понятия не имею, как нам отсюда выбираться. За стенами толпятся варги! А к утру твой надзиратель проспится...

— Перережь путы, Годи, — прохрипел я. — Потом ступай найди лошадей и заведи Лейфа. Собирайтесь на рыбалку...

— Парень в безопасности у сестры! — строго поглядел на меня воин. — Его лучше оставить здесь.

— Никто не в безопасности. Я должен забрать его с собой. Режь! — Я напряг кулаки и ткнул Годи связанными руками в бедро.

Воин спустил руку под стол, достал с пояса нож и осторожно погладил лезвием верёвку, связывающую мне ноги. Я подставил руки — и нож рассёк ремни.

— Всё, дальше сам справишься, — буркнул Годи, убирая нож.

— Оставь его мне.

Годи поиграл желваками и вложил рукоять мне в ладони.

— Только уходи тихо, Бальдр.

Я кивнул, незаметными движениями снимая с запястий ремни.

Годи вышел из зала, нарушив спокойную дрему караульных. Я дождался, когда они

вновь склонят головы, и тогда провёл пальцами по холодному лезвию ножа. Я затаил дыхание, глядя на бьющуюся жилку на шее Фрелава, и вставил нож по самую рукоять, направляя его к мозгу. Лезвие скрипнуло о кости, кровь обильно полилась мне на бедро. Фрелав напрягся на миг и застыл. Навсегда.

Я осторожно вынул нож и вытер лезвие об одежду своего надзирателя. Сердце бешено забилось, предвкушая победу. Я прошелестел взглядом по мерно пыхтящему залу. Никто не проснулся. И даже караульные спали, прислонившись к стене по обе стороны от двери.

Сжимая в руке нож, я поднялся со скамьи. Прокравшись, словно тень, до середины зала, я видел перед собой прямой путь к свободе: дверь была всего в десятке шагов. Караульные храпели, и я прошмыгнул бы между ними незамеченным. Но я остановился. Взгляд упёрся в шкуры, за которыми спал Вали. Сердце гулко застучало, кровь прилила к вискам.

«Я не могу уйти и оставить ублюдка блаженно спать! Он должен быть наказан за всё, что он со мной сделал!»

Стиснув от злости зубы, я отогнул шкуру. На краю, у прохода белело нагое тело любовницы Вали, а сам он лежал далеко, и я не мог достать его, не забравшись на постель.

Я осторожно опёрся рукой о стену и поставил ногу на край ложа, чтобы рывком броситься на брата и вонзить нож в его раскрытую грудь. Я заметил, что у меня дрожали руки, а биение сердца было таким громким, что я боялся, не слышно ли его за пределами моего тела.

Видимо, своим движением я принёс холодный воздух, и женщина пошевелилась. Не открывая глаз, она потянула на себя шкуру, на которой стояла моя нога и сделала это в тот самый миг, когда я собрался оттолкнуться для прыжка.

Я кинулся вперёд, но нож полоснул Вали и ушёл в сторону. Я почувствовал, что оцарапал его, но не пробил рёбра, как он пробил их мне. Брат вскочил и бросился на меня. Женщина пнула меня в бок. Я сделал выпад ножом в Вали, он схватил меня за руку, я раскрыл пальцы и бросил нож. Пока Вали потянулся за ним в складки одеяла, я резко перекатился с постели на пол и побежал из зала. Я преодолел десять шагов за один миг и распахнул дверь наружу.

Караульные проснулись от женского крика.

— Охрана! — завопил Вали, выбегая обнажённым за мной во двор. Небо просветлело, но ещё было во власти ночи.

Бух-бух, — стучало моё сердце у самого горла. Грудь горела от частого дыхания. Я бежал, сломя голову, в сторону ворот. Люди Вали гнались за мной.

«Хоть бы Годи ждал меня!»

Я пронёсся по улице, зажатой меж низких, покрытых дёрном домов и увидел пузатого всадника с накинутым на голову меховым плащом. Я испугался и прижался к стене дома, но всадник скинул капюшон и махнул мне рукой. Это был Годи, и у его груди, запахнутый в плащ, сидел светловолосый Лейф.

— Бальдр, скорее! — рявкнул Годи, в его руке сверкнул меч.

Я запрыгнул в седло лошади, что приготовил для меня Годи, и мы помчались к воротам. Воины, преследовавшие нас, отстали. Но крики их донеслись до караульных на воротах, и те выбежали нам навстречу с факелами.

— Но! Давай! — приказал я лошади, и она, не смея послушаться, налетела на двоих воинов и снесла их с ног.

Я чуть не вылетел из седла и не ударился головой о каменную стену, когда лошадь резко

остановилась.

— Сейчас открою ворота! — выкрикнул я, поглядев на Годи.

Я бросился к поверженным караульным и снял с одного из них меч, пока они тёрли сломанные кости и скулили. На меня двинулись еще двое воинов, охранявших ворота.

— Хотите жить, уйдите с пути! — рявкнул я и шагнул им навстречу, встряхнув мечом в руке.

Наверное, мой вид был достаточно свиреп, потому что воины попятились. Я скинул с ворот бревно и толкнул двери вперёд. Годи пригрозил караульным мечом и выехал в створ ворот. Я подобрал факел, запрыгнул в седло и поскакал за ним.

Зелёные огни замигали из кустов, над дорогой закопошились чёрные тени. Я поравнялся с Годи и принялся выводить в воздухе огненные круги, желая напугать варгов. Лейф с заспанным лицом и круглыми от страха глазами следил за моими движениями.

— Почти рассвело, не бойся, — сказал я.

— За нами пустят лютую погоню, Бальдр! Нужно где-то спрятаться! Я уже слышу вой собак!

— Это варги, Годи.

— Говорил же тебе: уходи тихо!

— Уж как получилось.

— Куда скачем?! — оскалился Годи.

— Прямо.

— Проклятье, Бальдр, с тобой невозможно говорить! — выругался Годи.

Я сделал глубокий вдох, наполняя грудь свежим воздухом. Ветер бил в лицо, и я радовался ему, как ребёнок. Я радовался вновь обретённой свободе и шансу спасти близких. И, конечно, я радовался тому, что нервировал Годи — это тоже позволяло мне чувствовать себя живым.

Мы приближались к побережью. Небо окончательно просветлело, и варги перестали кружить вокруг нас. Лошади переменили галоп на рысь. Годи беспрестанно оборачивался, всматриваясь в башни Фёвикена, которые поглощал туман.

— Ну, а теперь куда? — спросил Годи, придержав лошадь у развилки дорог. — В Тронхейм мы этой дорогой не попадём! В пустошах засели люди Вали.

— Нам не нужно в Тронхейм. Надо в Тюрберг — там Маргрет.

— Мама! — встрепенулся Лейф, бледное лицо его засветилось. — Дядя, Бальдр, я хочу к маме!

— И я хочу! — горячо ответил я, сам не ожидая, что из меня вырвется столько чувства.

— Святые псы, Бальдр! — закатил глаза Годи. — Я не для того тебя вытащил, чтобы ты носился за женой конунга!

— Годи, — прищурился я. — Хёрд приказал тебе привести ему Маргрет, не так ли? Так вот, Вали похитил её и держит у себя в усадьбе! Он убьёт её, если доберётся туда первым!

— Ну, что стоим? Поехали! — кивнул Годи. — За нами погоня!

Я обернулся и увидел, как из тумана выступила свора всадников.

— Скорей! Скорей! Ну! — прорычал я, пропуская Годи вперёд.

— Мы поднимемся в гору, обойдём её, и у водопада свернём в глушь! — крикнул мне воин. — Дорога в Тюрберг тоже выходит на пустоши. Но мы свернём! Скалы, ледник, даже варги — всяко лучше быть повешенным, а, Бальдр!

— Верно, Годи! Скачи! Скачи вперёд!

Лошади под нами тяжело дышали, дорога взбиралась вверх. Я вспомнил поросшие мхом булыжники, на которых мы отдыхали с Лейфом. Ветер дыхнул в лицо, я почувствовал в нём едва уловимый запах цветущего луга и подумал о Маргрет.

«Я всё сделаю, чтобы спасти тебя, милая. Я хочу, чтобы ты больше не страдала из-за меня».

Годи свернул с дороги на крутой сыпучий склон. Мелкие камни полетели вниз из-под копыт.

— Ой-ой, как страшно! — пискнул Лейф, вертясь на руках у Годи.

— Осторожнее! — предостерёг я.

— Ничего, кони пройдут! — отозвался мой спутник.

Преодолев склон, мы вышли к скальному ребру, которое круто взлетало вверх и врезалось в снежный купол.

— Нам ведь не наверх? — испугался я.

— Наверх, — потёр лоб Годи. — Поднимемся чуть выше, переберёмся на ту сторону ребра, там будет зелёная гряда. Дальше будет безопасно.

Годи подтянул поводья и направил лошадь прямоком на чёрные скалы.

— Будь осторожнее, прошу тебя! — сказал я и услышал в своём голосе нешуточное волнение. Хоть бы Годи его не слышал!

— Только не сходи с лошади, Бальдр, — кивнул мне воин. — На четырёх ногах проворнее.

Конь Годи осторожно ступал вверх, преодолевая прыжками высокие ступени. Я направлял лошадь следом. Чем выше мы взбирались, тем более головокружительные виды открывались. Отвесные скалы слева и справа. Гранитная стена соседней горы с нависшими на неё кусками голубого льда. Белые шапки вершин вдали, которые прежде были сокрыты от глаз более низкими горами.

Ветер продувал меня насквозь. Я был в одной рубашке: не успел раздобыть плащ, когда убежал. Руки заледенели, сердце колело в груди.

Годи повёл коня вниз, спускаясь с ребра на каменистый склон. Я увидел впереди зелёную гряду, о которой он говорил. Вскоре камни под копытами лошадей кончились, начался луг. Мы ехали вдоль небольшого ручья, стекающего с ледника. От ветра теперь нас защищала массивная гранитная стена, и я немного согрелся.

— Ох, тяжёлый был подъём! — вздохнул Годи.

Я поравнялся с ним и увидел, что Лейф спал, уткнувшись лицом в мех плаща на груди воина.

— Умаялся, — кивнул Годи.

— Лучший способ преодолеть трудности — лечь спать, — усмехнулся я.

— Я бы тоже посопел, ночка выдалась тяжёлой, — вздохнул воин. — Лошадям нужно дать напиться и поесть, пока тут виднеется трава. Думаешь, мы хоть немного оторвались?

Кони, не спрашивая дозволения, склонили шеи к ручью.

Я поглядел вниз, на то место, откуда мы поднялись. Ребро выглядело очень опасно. Валуны, по которым мы лезли вверх, местами висели над обрывом, цепляясь за скалу лишь самым краешком. То, что мы не сорвались вниз, было чудом.

— Я надеюсь, что люди Вали решат обогнать нас по дороге через пустоши, — произнёс я. — Ты сказал, здесь негде укрыться от тёмных тварей?

— Совершенно негде, — покачал головой Годи. — Если только рыть во льду пещеру, но

у нас нет ничего, кроме мечей. А ты ещё и без плаща, Бальдр. Ночь будет очень холодной!

Лейф поднял голову от груди Годи и осмотрелся вокруг.

— Где это мы?

— В царстве льда и камня. Ты всё проспал, малыш, — ответил я. — Ладно, едем дальше. Не будем терять времени. Если придётся рыть бивак в ледяной пещере, то лучше начать делать это раньше.

Мы продолжили путь вдоль ручья. Кони несли нас по просторному лугу, зажатому меж россыпей гигантских валунов, в щелях между которыми лежал снег. День перевалил через середину, и пора было думать о ночлеге.

— Смотри-ка, Бальдр, — сказал Годи. — Тут не только камни, но и кусты встречаются.

— Там что там блестит? — указал Лейф пальцем вниз по течению.

— Речка, наверное, — отозвался Годи.

— Нет, оно большое, блестит!

— И правда, — произнёс Годи.

Я раскрыл пошире опухшие веки, пригляделся и увидел широкое блюдце ледникового озера. Вода была серой и мутной. На берегах росли низкие кусты.

— Годи, а ведь посреди озера есть холмик, что думаешь?

— Думаю так же как и ты, Бальдр!

Мы направили лошадей в воду и пересекли озеро. Оно было не таким глубоким, как озеро в святилище, но я почувствовал, как лошадь несколько раз отрывалась ото дна и водила ногами, поддерживая себя на плаву.

На островке было большое разнообразие камней. От огромных, с человеческий рост, отломов скал, до мелкой гладкой гальки, обкатанной водой озера.

Я привязал лошадей и принялся выкладывать из плоских камней стену, чтобы устроить нам укрытие от ветра. Лейф хромал, постукивая закованной в деревянный лоток ногой, и подыскивал для меня подходящие камни. Вид его был хмурым, со мной он не разговаривал, и я понял, что он всё ещё злится на меня за мать.

— Как нога? — спросил я. — Годи говорит, ты ревел?

— Не ревел, — фыркнул Лейф.

— Ныл, как неясить! — усмехнулся Годи, вернувшись с большого берега с перевязью веток.

Он отвязал их от лошади и скинул за сложенной мною стеной.

— Сейчас разведу костерок! Я прихватил с собой рыбу! Если не испечём, то подогреем!

— С тобой приятно путешествовать, Годи, — усмехнулся я.

Раздался плеск воды. Лейфа видно не было. Сердце гулко заколотилось: неужто кто-то подобрался?!

— Лейф! — взволнованно окликнул я мальчика.

— Что надо? — отозвался парень.

Я услышал озорной голос, и у меня отлегло от сердца. Я продолжил выкладывать стену.

— Не бросай камни, Лейф! — рявкнул Годи.

— Что? Я не слышу тебя! — пискнул парень.

Раздался мощный бултых, и за ним последовало ещё несколько мелких всплесков.

— Выпорол бы его! — выругался воин, ломая ветки на костёр. — Да только влетит от конунга. Бальдр, прикажи ему, ты ведь родич!

Услышав из уст Годи про родича, я стиснул зубы. Я был уверен, что я не просто родич, я

— отец!

— Ай! Бальдр! Помоги-и-и... — раздался голос Лейфа, и тут же стих.

Глава 12. Други

Я вскочил и увидел, как на другой стороне нашего островка стояли двое воинов в мокрых меховых плащах. Один из них, с длинными заплетёнными в косы волосами, держал Лейфа за горло, приложив к щеке остриё ножа. Другой, с бритыми висками, направил на меня меч.

— Стой там! — выкрикнул он. — Или мальчишке конец!

Годи достал клинок и выпрямился. Воин, державший Лейфа, от неожиданности дёрнул рукой, и у парня по щеке потекла кровь.

— Стоять, я сказал! — рявкнул чужак. — Брось меч, или убью его!

Годи медленно положил меч на камни.

— Нет, брось его подальше! И ты тоже, Бальдр!

— Я безоружен!

Годи хмуро переглянулся со мной и швырнул меч к кромке воды. Лейф побелел от страха и задышал открытым ртом. Кровь с щеки залила ему шею.

— Вам нужен я, отпусти мальчика, — хрипло произнёс я.

— Верно, нам нужен ты! — рявкнул воин с мечом. — Иди сюда, я тебя свяжу.

Я поглядел на Годи: тот стоял с совершенно растерянным видом, в глазах его полыхала злость. Губы были плотно сомкнуты, шрам на щеке потемнел.

— Бальдр, — чуть слышно простонал он. — Что же нам делать?

— То же, что и в прошлый раз, — тихо ответил я. — Будь готов.

Я облизнул губы, успокоил колотящееся сердце и шагнул вперёд. Слегка разведя руки в стороны, я плавно перебирался по камням.

Когда меня отделяло от воина, державшего Лейфа, шагов пятнадцать, нога соскользнула в щель между валунов.

— Я застрял, — предупредил я и медленно наклонился.

Коснувшись шерсти гетров, я сделал вид, что проверяю сильно ли ушиблена нога.

— Чего копаешься?! — рявкнул воин с мечом.

Он стоял примерно на одном расстоянии от своего спутника и от меня. Я поднял голову и увидел, что оба врага следят за каждым моим движением, за каждым шевелением пальцев. Сердце громко стучало.

Я резко повернул голову в бок, будто услышал что-то. Враги тоже взглянули в сторону. В этот миг я выхватил из-за голенища нож и метнул его в голову воина, который удерживал Лейфа. Я попал ему в глаз и убил врага мгновенно.

Второй воин замахнулся на меня клинком, но я успел увернуться. Годи вылетел у меня из-за спины, сверкнув сталью. Они вступили в схватку. Я бросился к Лейфу и вытащил его из-под тела убитого.

— Ты как? Цел?

— Да! — простонал Лейф и испуганно бросился мне на шею.

Я быстро пресёк его порыв, вырвал свой нож из глаза мёртвого воина и развернулся к Годи. Враг подсёк ногу моего друга, и Годи упал на камни. Смертельная сталь неслась в грудь Годи. Я решительно прыгнул на врага и всадил нож ему в шею. Мы вместе повалились на землю. Остриё вошло не так искусно, как прошлой ночью в зале Фёвикена, когда я убил Фрелава. Мой противник долго бился и рычал, силясь скинуть меня с себя. Но вскоре всё для

него кончилось.

— Ублюдки! — выругался Годи и поднялся с земли, подавая мне руку.

Я услышал хруст протыкаемой плоти и повернулся. Лейф взял нож убитого и с яростью наносил ему удары в грудь. Лицо мальчишки, светлые волосы и мех на плечах были забрызганы кровью.

Я схватил Лейфа за руку, державшую нож, и оттащил от тела.

— Прекрати издеваться!

— Он чуть не убил меня! — белые зубы Лейфа сверкнули на грязном лице.

— Он уже мёртв! — рявкнул я.

— Он мог убить меня! Из-за тебя! — Лейф яростно выдохнул и уставил на меня сверкающие небесной синевой глаза.

— Если бы не Бальдр, тебе бы уже свернули шею, как цыплёнку! — фыркнул Годи. — Ты видел, чтобы так ловко метали ножи? Вот и я не видел. В Хельхейме научили, Бальдр?

— Меня учил отец. Не всё, оказывается, позабыл, пока с червями обнимался.

Я вытер нож о штаны убитого и принялся снимать с него меховой плащ. Ветер порывами вгрызался в землю и свистел меж камней. Одежда на мне была мокрой, меня трясло от холода, и я уже почти не чувствовал пальцев.

— Готовь уже свою рыбу, Годи, жрать хочется! — сказал я.

— Давай сперва скинем их в воду? — кивнул Годи на мёртвые тела. — Лейф поглумился над хирдманом, недобро это.

— Боишься мертвецов? — прыснул я.

— Тебе-то, конечно, смешно!

Я снял плащ и со второго воина. Годи прикатил большой бульжник.

— Как думаешь, удержит? — сказал он, приподняв брови.

Я поглядел на камень и на довольно короткий ремень, что был у меня в руках.

— Возьмём камень поменьше, — решил я. — Всё равно утянет.

Привязав груз, мы оттащили тела подальше от берега и утопили.

Свет угас. Похолодало. Густое белое облако накрыло долину и спрятало от нас окружающие гранитные стены. В белом мареве я не видел больше ничего, кроме зеркала воды, отражающего близкое седое небо.

Мы устроились втроём у выложенной из камней стены и жевали полусырую рыбу, которую приготовил Годи. Я предложил Лейфу сесть между нами с Годи, чтобы скорее согреться, но он отказался, и сел подальше от меня. Мне хотелось заставить его уважать себя, хотелось, чтобы он стремился быть ко мне ближе, но вряд ли я мог этого добиться силой.

— Смотрите, что у меня ещё есть! — усмехнулся Годи, сунул руку в дорожный мешок и достал потёртую флягу.

— Мёд? — хмыкнул я.

— Лучше! — Годи сделал глоток и передёрнул плечами. — Ух, хороша!

Растянув губы в ухмылке, он протянул флягу мне. Я понюхал. Горький хвойный запах ударил нос и почти обжёг ноздри.

— Пей понемногу, очень крепкая, — предостерёг Годи.

Я сделал глоток, небо и язык запыхали и тут же рот связало. Я почувствовал, как тепло потекло по рёбрам.

— Как же приятно с тобой путешествовать, Годи! — хрипло сказал я и положил руку на

плечо воину.

Годи слегка боднул меня головой, он был уже пьян.

Я протянул флягу Лейфу, но парень недоверчиво поглядел на меня.

— Не надо, он же ребёнок, — фыркнул Годи. — Пока Хёрд не позволяет ему.

— Я мужчина, — насупился Лейф.

— Гляжу, Хёрд ему много чего не позволяет, растит сосунка, — произнёс я.

Лейф выхватил у меня из рук флягу и сделал глоток. Закашлялся, замотал головой и принялся зажёвывать настойку рыбой.

— Какая гадость, — морщась, прошипел он.

Мы с Годи засмеялись, вспомнив, какими сами были когда-то. Я быстро опьянел, усталость и боль как будто отступили. Лёгкость наполнила сердце, и улыбка не сходила у меня с лица: я был жив, со мной был друг, который рисковал ради меня жизнью, и был сын, который, правда, пока меня ещё не знал, но я был уверен, что придёт час, и мы с ним ещё будем пить и вспоминать это время!

На той стороне озера замигали зелёные огни, и безмятежность в моей душе развеялась.

— Пришли, — простонал Годи. — А я только собрался соснуть.

— В воду не лезут, — заметил я. — Ложись спать, а я посижу. И ты Лейф, ложись.

Мои спутники укрылись лишним плащём, снятым с хирдмана Вали, и опустились на землю. Ветер затих, а может моя стена так хорошо нас защищала. Я всматривался в гладь воды, отражающей последние отсветы уходящего дня и маленькие зелёные огоньки, блуждающие у кромки воды. Я очень устал. Всё тело болело, лицо и рёбра ныли. Я ещё раз поглядел на ту сторону озера. Нет, в воду они не лезут, можно немного поспать.

Я тяжёло вздохнул и прислонился затылком к валуну. Веки придавило свинцом.

— Маргрет, милая Маргрет, — прошептал я. — Завтра я вызволю тебя и уже не отпущу. Никогда.

— Бальдр, вставай, — меня разбудил тихий голос Лейфа.

Раздался плеск воды, и я открыл глаза. Мой сон был тёмен и глубок, и я подумал, что спутники будят меня потому, что наступило утро и пора собираться в путь.

Но вокруг стояла темнота, и лишь тусклый свет звёзд освещал сумеречным светом озёрную гладь и острые камни. Я протёр глаза и фыркнул, раздосадованный тем, что меня подняли посреди ночи.

— Бальдр! — рявкнул Годи. — Я говорил тебе, что нужен большой камень!

Я вновь услышал плеск воды и вскочил.

— Тихо, — взял меня за плечо Годи. — Не высовывайся! Там по берегу ходит драуг. Тот воин, которого заколол Лейф.

Я высунулся из-за стены и увидел тёмную фигуру, медленно бредущую по берегу в нашу сторону.

— Что будем делать? — занервничал Годи. — Может ты с ним поговоришь, а, Бальдр? Вы ведь, вроде как, родственные души.

— Слова тут бессильны, — ответил я, взяв в руку меч. — Он заблудился по дороге в Хельхейм. И ему следует вновь указать путь.

Я достал из-за голенища нож и поглядел на Лейфа, который жался к камням то ли от страха, то ли от чувства вины.

— Пойдёшь, покажешь ему дорогу, малыш? — спросил я, протянув нож Лейфу.

— Я не малыш, — прорычал парень, взяв у меня нож трясущейся рукой.

— Тогда иди, отрежь ему голову.

— С ума сошёл, Бальдр! — рыкнул Годи.

— Если расчленишь его, то он уже не сможет ходить, — кивнул я.

— Я про парня! Друг убьёт его! Лучше я пойду!

Лейф помотал белой головой, перехватил нож двумя руками, судорожно вздохнул и выпрямился.

— Я ведь его заколол, значит я должен... — слабым голосом произнёс он.

Я улыбнулся во весь рот от гордости, что у меня был такой храбрый мальчик.

Друг свернул от кромки воды и полез по камням в нашу сторону. За ночь, проведённую в воде, мёртвый воин распух и сделался сильно выше. Он приближался к нам шаг за шагом, будто видел нас сквозь каменную стену. Оставалось совсем мало времени, прежде чем он доберётся до нас. Годи схватил Лейфа за плечи и пригнул к земле.

— Прости меня, дядя Бальдр, — простонал парень. — Я больше не буду обижать мёртвых, пожалуйста прикончи его!

Я забрал у Лейфа нож, сунул обратно в шерсть гетров и выставил вперёд меч.

— Годи, помоги мне.

Мы вышли из-за стены и двинулись на друга с двух сторон. Он был силён, но неповоротлив. Не то чтобы мне было страшно, но я не знал наверняка, удастся ли справиться, не получив новых увечий. Если буду сильнее ранен, то не спасу Маргрет. И не смогу защитить Лейфа.

— Не бойся, — сказал я.

— Тебе легко говорить, — фыркнул Годи.

Друг свирепо зарычал, кинувшись на меня. Мне было противно вновь убивать мёртвого, но я знал, что так нужно. Увернувшись от тяжёлой руки друга, я хорошенько замахнулся и рубанул мечом его по ключице. Хрустнули кости, мне на лицо упали брызги. Было довольно темно, чтобы понять кровь ли это была, или вода из озера, напитавшая тело мертвеца.

Годи нанёс удар следом, и от силы его удара друг упал, но продолжал рычать и размахивать руками. Я приблизился и, размахнувшись, опустил меч ему на шею. Голова покатила по камням. Годи отрубил руку.

— Не уродуйте его сильно! — выкрикнул Лейф, забравшись на высокий камень. Я хорошо видел его тёмный силуэт на фоне глади озера, отражавшей звёздный свет.

Мы с Годи придавили камнями останки мёртвого воина и вернулись к биваку.

— Говорят, что за морем, мертвецы лежат в земле куда спокойнее, — вздохнул Годи и сел на меховой плащ.

— Наверное, потому, что там земля приятнее, — ответил я. — У тебя осталась настойка?

— Что, ты тоже испугался, Бальдр? — фыркнул Годи. — Признавайся, было страшно?

— Разве только за то, что поцарапаю меч о камни, если промажу в темноте, — буркнул я, делая глоток.

Лейф выполз из-за спины Годи и протянул руку к фряге.

— Довольно тебе, — прошипел Годи.

— День был тяжёлый, пусть глотнёт! — сказал я, потрепав мальчишку по голове.

Лейф недовольно фыркнул в ответ на моё прикосновение. Пригубил флягу и и закашлялся.

— Ты что, железный?! — проворчал он. — Тебе что, совсем ничуть не было страшно, дядя Бальдр?

— После Хельхейма на земле мне уже нечего бояться, — мрачно проговорил я.

Я взял Лейфа за руку и вложил ему в ладонь нож.

— Это чтобы ты тоже не боялся.

— Спасибо, дядя Бальдр! — воскликнул он.

Лейф лёг между нами с Годи, и я был доволен этой победой больше, чем победой над драгом.

* * *

Мы продолжили путь вдоль ручья, и скоро он превратился в широкую реку, состоящую из множества рукавов.

— Тюрберг стоит на той стороне реки. Переберёмся? — кивнул Годи.

Я молча направил коня на галечную отмель, чтобы пересечь реку в самом узком месте. После весёлой ночи у меня нещадно болела голова. А может, она болела от сломанного носа. Опухоль вокруг глаз немного сошла, и мне уже было не так больно двигать глазами и смотреть по сторонам. Ещё я заметил, что за прошедшие два дня, лишённый лекарства, я не чувствовал лихорадки. Видимо, зелье, которым напоила Трайен, поддерживало меня.

— Зачем тебе башка друга? — пробормотал Годи.

Я пожал плечами, протянул руку и потрепал по спутанным грязным волосам голову мертвеца, привязанную к седлу.

— Бальдр, ты всё утро молчишь, — проговорил Годи. — Мы ведь едем на верную смерть! Скажи же что-нибудь! Подбодри меня!

— Что за отвратительный настрой у тебя, Годи? — повернулся я к спутнику.

Годи выпрямился в седле, гордо подставив лицо ветру. Лейф, плотно сомкнув губы, хмуро поглядел на меня.

— Люди Вали, что преследовали нас вчера, едут через пустоши, — я указал рукой на дальние скалы. — Пока они обогнут эту гряду, мы уже прибудем в Тюрберг. Это ведь он там мелькает вдали?

— Мелькает! Но что нам с того?! В усадьбе полно воинов, которые будут очень рады схватить нас!

— Годи, не терзай меня, и так голова болит. Мы войдём в усадьбу, я скажу, что Вали мёртв. Заберу Маргрет, и мы уедем.

— Прекрасный план. Видимо, сегодня я проведу ночь с женщиной, — пробормотал Годи.

— Не обольщайся, с Маргрет буду я. Только я один! — я оглянулся на спутников и увидел, как глаза Лейфа разгорелись гневом.

«Ничего, парень, скоро твоя мать сообщит тебе, что я твой отец, и ты перестанешь метать в меня молнии».

— Под женщиной я имел в виду Хель! — рявкнул Годи.

Мы подъехали к воротам, и нам навстречу вышло два воина с копьями.

— Я Бальдр, сын конунга Эйрика, узнаёте меня? — произнёс я грозно, как только умел. — А это голова ярла Вали, — кивнул я на привязанную к седлу голову друга. —

Теперь я ваш ярл, открывайте ворота!

Воины вытянули лица и отошли с пути. Я въехал во двор, направляя коня медленно и горделиво, будто действительно прибыл в свои владения.

— Кто тут главный? — окликнул я, сойдя на землю.

Мне навстречу вышел высокий воин с короткой светлой бородой и чёрным от рун лицом. Взгляд его был напряжённым, а рука лежала на эфесе клинка.

— Вали мёртв! — рявкнул я, отвязывая с коня голову мертвеца. — Как твоё имя?

Я уверенно шагнул навстречу хирдману и сунул ему в руки голову. Гордо осмотрелся по сторонам и поставил руки на пояс.

— Моё имя Кьярт, — рыкнул воин. — Ярл Вали назначил меня старшим на время похода.

Кьярт ухватил голову друга за длинные перепачканные грязью волосы и поморщился, отыскав изувеченное лицо с пробитой глазницей.

— Давно он умер? — недоверчиво поглядел на меня хирдман.

— Три дня, — ответил я, задрав подбородок. — Веди меня к жене конунга!

Кьярт сглотнул, поправил пояс ножен и вновь поглядел на голову Вали.

— Он изуродован, — неуверенно произнёс Кьярт.

— Ты что ярла своего не узнаёшь?! — рявкнул я. — Вали отправил меня в могилу десять лет назад и теперь пошёл войной на Хёрда! Я поступил с ним очень ласково, поверь!

— Ладно, идём, — кивнул хирдман и жестом указал следовать за ним.

Я обернулся к Годи и Лейфу и улыбнулся уголком рта. Всё получится. Я не сомневался. Я никогда не был так уверен в себе. Конунгом должен был стать я, а не Хёрд! Тогда бы и Маргрет была моя изначально...

Кьярт, не убирая руки с пояса, проводил меня в долгий дом и отогнул занавесь, скрывающую проход в небольшую комнату.

Я увидел Маргрет, сидевшую на скамье, она перебирала узор на подоле платья. Лицо её было печальным и бледным. Сердце неистово забилося, просясь прочь из груди, я тихо заскулил.

Узнав меня, Маргрет робко поднялась и перевела опасливый взгляд на Кьярта.

— Маргрет! — произнёс, широко улыбнувшись, и раскрыл объятия.

Поняв, что опасности нет, Маргрет воссияла и бросилась ко мне. Она крепко обняла меня. Руки её сомкнулись у меня на спине, кулаки сжали мою одежду, и мне стало сладостно до боли. Маргрет потёрлась щекой о мою щёку. Я почувствовал влагу от слёз, взял в её лицо ладони и поцеловал в губы. Горячо. Жадно. И Маргрет ответила мне равно с той же силой, колющей грудь до дрожи.

— Баль, — простонала она, прижавшись ко мне и обнимая за шею. — Ты пришёл!

— Но ведь это не голова Вали! — прошипел Кьярт. — Это не его лицо!

Глава 13. Расставание

Кьярт швырнул в меня башку мервеца и схватился за меч. Я оттолкнул Маргрет в сторону и, нырнув под летящий клинок хирдмана, зашёл ему за спину. Схватив Кьярта за доспех, я притянул его к себе и ухватил шею в локте. Раздался хруст позвонков. Меч хирдмана звонко упал на пол. Я разжал руку, и мёртвое тело грохнулось вниз.

— Идём, Маргрет, — сказал я, потянув её за руку. — Слушай внимательно. Сейчас мы выйдем на двор, сядем на лошадей и уедем. Они думают, я убил Вали и теперь главный здесь.

— А ты убил его? — вздрогнула она.

— Нет, — с досадой проговорил я.

Женщины, находившиеся в доме, выбежали на шум и, увидев тело Кьярта побелели.

— Если кто-то пискнет, я вас из могилы достану! — рявкнул я.

Женщины замерли и вжалась в стены.

Мы с Маргрет вышли на двор. У дверей долгого дома столпилось много воинов. Вокруг Годи тоже стояли люди, и удерживали его лошадь за ремни.

— Я должен отвести конунгу его жену, иначе он разгневается не только на Вали, но и на всех вас! — прогремел я. — Разойдитесь!

Я повёл Маргрет через толпу. Вид мой, очевидно, был грозен — никто не остановил нас.

— Прочь! — приказал я, подойдя к Годи и нашим лошадям.

Я видел, как Лейф заёрзал при виде матери, и Маргрет чуть не вырвалась у меня из руки, чтобы обнять сына. Я удержал её и усадил в седло.

— Позже, — прошептал я в ухо Маргрет, садясь позади неё. — Времени нет. Позже поздороваетесь.

Мы выступили за ворота. Стражи провожали нас хищными взглядами, пока дорога не спрятала нас от их взора за россыпью валунов.

Сердце отстукивало, как боевой барабан. К лицу прилила кровь. Только теперь я ощутил силу напряжения, в которое возвёл себя. У меня закружилась голова от разливающегося чувства победы.

В лицо ударил холодный ветер. Я распахнул полы плаща и накрыл ими Маргрет, защищая от ветра. Ткань её платья скользила под моими ладонями, я желал сорвать его поскорей.

— Скучал по тебе, — хрипло сказал я.

Маргрет сжала моё бедро и уложила голову на плечо, одарив приятной тяжестью.

— И я скучала, — голос Маргрет прозвучал пылко и до боли печально.

Я наклонился и заглянул ей в лицо, но Маргрет отвернулась, отерев влагу с лица. Губы её дрожали.

— Не плачь, — сказал я, обняв Маргрет крепче.

Я шумно втянул воздух, наслаждаясь запахом её волос.

— Я всё решу для нас. — Мой голос прозвучал твёрдо, но я понятия не имел, как дальше быть.

Впереди блестела широкая река. Течение её к середине дня сделалось стремительным от таяния ледников в верховьях.

Мы остановились на пересечении дорог.

— В Тронхейм туда, — кивнул Годи, направляя коня налево.

— Погоди! — окликнул я.

— Бальдр, в чём дело? Поспешим!

— Для меня нет пути к Хёрду, — сказал я.

Лицо воина помрачнело, плечи расширились под плащом. Лейф замотал белокурой головой, предчувствуя опасность. Маргрет скинула с себя мои руки и развернулась, сверкая взглядом.

— Вернёмся к Хёрду, Бальдр, — сказала она.

— Он хочет отрезать тебе уши! — рявкнул я. — Я не пущу тебя! И Лейфа не пущу! — пригрозил я рукой.

— Что значит, непустишь? — скрипучим голосом произнёс Годи. — Ты обещал конунгу Хёрду спасти Истлаг от тёмных тварей, а теперь идёшь против него?!

— Эти земли не спасти.

— Почему не спасти? — Маргрет сплела свои пальцы с моими. — Твой меч может избавить нас от напасти!

— Меча больше нет! — рявкнул я. — Я разломал его на части и раздал в оплату за бесчестие, которое причинил тебе и братьям! Проклятье! Они всё равно меня убили!

Маргрет приложила руку к груди, отыскав амулет. Взгляд её наполнился тревогой, губы дрогнули. Она поняла, из чего он был сделан.

— Эти земли не спасти, — повторил я. — Надо бежать! Годи, помоги мне!

— Что ты хочешь, Бальдр? — задрал подбородок воин.

— Помоги мне добраться до драккаров Олава. Нас никто не ждёт на чёрном берегу, — я указал головой в сторону, откуда мы пришли утром. — Возьмём ладью и уплывём с Истлага! Я сделаю тебя старшим хирдманом, мы будем жить в землях, где нет тёмных тварей! Мы будем счастливы!

— Бальдр, ты не понял, что я не покупаюсь? Я поил тебя настойкой и кормил рыбой не за золото! — Годи пригладил растепавшиеся на ветру волосы. — Я служу конунгу и верну ему жену и сына. Маргрет, ты едешь?

Маргрет тяжело вздохнула, поглядела на меня из-под опущенных ресниц.

— Поедем в Тронхейм, Бальдр?

— Нет, — отрезал я.

Она принялась выбирать из седла.

— Маргрет, куда ты?

— Баль, прости... Я поклялась быть верной женой... — глаза её блеснули небесной синевой.

— Маргрет! — воскликнул я. — Ты оставляешь меня?!

Я спрыгнул на землю следом за Маргрет, желая удержать её. Когда я схватил её за руку и наши взгляды встретились, я понял, что не вправе насиловать её.

Сердце кололо от злости и бессилия. Я молча вложил поводья своей лошади в ладонь Маргрет. Она кивнула и вытерла глаза.

— Верни мне амулет, — потребовал я.

— Я не снимала его десять лет... — Взгляд Маргрет вспыхнул.

— Возвращай, — я протянул руку к её шее и разомкнул цепочку. — А теперь иди.

Маргрет отвернулась и забралась в седло. Волосы, выбившиеся из косы блестели

золотом на ветру. Шерстяное синее платье плотно обняло грудь и бёдра под его порывами.

— Береги себя, — произнесла она, бросив на меня прощальный взгляд. — Очень прошу, береги!

Я наполнил грудь воздухом и судорожно выдохнул. Надеялся, что она не заметила.

— Я рад, что ты не убил меня после всего, что я сказал! — выкрикнул Годи.

— Настойка твоя была слишком хороша! — кивнул я. — Угостишь меня ещё потом.

— Угощу! — улыбнулся Годи. — Если будешь жив!

— Сам будь жив! Доведи их целыми!

Мы простились. Я не желал глядеть, как Годи, Маргрет и Лейф удалялись. Развернулся и быстро зашагал по дороге вверх по течению, сжимая в кулаке медальон Маргрет.

Чтобы не повстречаться с преследователями, я свернул на малохоженную тропу. Вскоре она затерялась среди поросших мхом камней. Передо мной выросла гряда чёрных скал с заблудившимися среди них низкими облаками, и я решил забраться повыше, чтобы спрятаться от Вали.

Ветер не остужал гнева, я весь пылал! Тяжёлый плащ давил на плечи, пот стекал у меня по позвоночнику, скатывался по рёбрам в рану, и она противно щипала.

Хёрд пообещал мне Маргрет взамен на то, что избавлю Истлаг от чудовищ. Я согласился, но я не знал, что мне нечем будет сражаться! Я отдал меч в искупление, но меня бесчестно убили! Я имел право злиться и ненавидеть! Я имел право отомстить!

Камни под ногами были скользкими, и я карабкался вверх, помогая себе руками. Я устал и сел, утирая со лба пот. Мышцы ныли. Кажется, лихорадка возвращалась.

«Мне нужно отправиться в святилище и согласиться на лечение, только так я смогу быть сильным. Трайен...» — я вспомнил милую жрицу, которая трепетно заботилась обо мне, представил её обнажённое тело, когда она предложила мне себя.

«Может быть, мне не будет с ней так одиноко? — я поглядел на хмурое небо, по которому ветер гнал серые тучи. — Нет, я отдал себя Маргрет, и лишь одна она мне нужна».

Я увидел впереди ручей, падающий с вершины скалы множеством рукавов, и направился к нему, чтобы освежиться. Скинув тяжёлый плащ на камни, я сунул ладони под струю и принялся жадно пить.

Я умылся и опустил на валун, куда положил плащ. Но под задом оказалось твёрдо и мокро.

— Проклятье! — выругался я и поглядел вниз.

Мой плащ улетел вниз по склону — и переливался теперь на ветру серым мехом. Я снова выругался, снял с пояса ножны с мечом, чтобы не мешались, и принялся спускаться, пока новый порыв не унёс плащ ещё дальше.

«Нашёл время, Бальдр! — ворчал я на себя, растягиваясь на крутом каменистом склоне. — На старость лет скакать по скалам, как баран! Скоро начнёт темнеть! Нужно найти укрытие, а ты раскидываешь свои вещи по склону!»

Я дотянулся до плаща, и тут же накинул его себе на плечи. Пока обнимал скользкие камни, успел порядком замёрзнуть, и меня била дрожь.

Под струями водопада я увидел в скале расщелину.

«Неплохое место для укрытия, — подумал я и погладил на плече мех. — Спасибо, шкура, не зря лез за тобой».

Я ступил в темноту и прищурился. Через несколько минут глаза привыкли, и я различил серые стены. Расщелина была довольно узкой, но расширялась в глубину. Я ощупал

шершавые холодные своды — они были сухими, а пол достаточно ровным.

«Отличное место! И камней, чтобы запечатать вход, полно. Переночую здесь», — решил я и двинулся к выходу за мечом, который оставил наверху.

Я повернулся ко входу пещеры, но что-то мелькнуло из темноты. Я обернулся и пригляделся. Два зелёных светящихся огня приближались из беспросветной глубины.

По привычке я потянулся за мечом, и, не найдя его, проклял себя в третий раз за день. На поясе висела лишь цепочка с амулетом Маргрет. Я снял её, пятась к свету, и накрутил на кулак. Другой рукой извлёк из-за голенища нож.

Зверь приближался медленно, шкура его переливалась едва уловимым серебристым свечением. До выхода из темноты мне оставалось три шага, но я не желал поворачиваться спиной к твари.

Варг кинулся на меня, я выставил ему на встречу нож. Лезвие без сопротивления прошло сквозь переливающуюся шкуру. Зубы варга сомкнулись у меня на руке. Жгучая боль разлилась по телу. Запах тёплой крови ударил в ноздри. Страх быть загрызенным заставил меня рассвирепеть. Я ударил кулаком с амулетом зверя в челюсть.

— Тварь! На! Получай!

Варг разрывал мне руку. Я зарычал, замахнулся и ударил ещё раз с такой неистовой силой, что кулак стал влажным от крови. Моей или его?! Ещё удар! Зверь разомкнул зубы и заскулил. Я выпустил из руки цепочку, перекинул её через шею зверя, придушив его, и потянул к свету. Сталь Эйсира была очень прочной, и не порвалась от тяжести варга.

Белый день ударил в глаза. Тварь, судорожно извивалась и царапала когтями камни, сопротивляясь мои усилиям. Я кряхтел, задыхался, но тащил вперёд, пока варг не рассыпался в пепел, и пепел не разлетелся по ветру. В петле от цепочки с амулетом осталась лишь грязь. Я устало рухнул на землю и заскулил от бессилия.

Колючий ветер ударил в лицо и просвистел меж острых скал. В глазах темнело, вены тяжело пульсировали на шее. Кровь стремительно утекала из меня, согревая теплом безжизненные камни.

«Вставай, Бальдр, — приказал я себе. — А то сдохнешь во-второй раз, даже не побывав с женщиной!»

Я снял с пояса ремень и затянул его выше рваной раны на руке. Глаза застилала тьма, и я прислонился головой к каменному своду.

— Ты нашёл меч, Бальдр? — по камням растёкся шуршащий голос. — Нашёл его?

Повеяло могильным холодом, я открыл глаза, и увидел перед собой Хель. Она протянула ко мне руки. Я испугался и дёрнулся в сторону.

— Ты нашёл меч?! — властно произнесла она, и от силы её голоса по склону посыпались камни, а с неба сорвались дождевые капли.

— Почти, — ответил я, сглотив.

— Ты снова очень близко подступил к моему царству... — прошипела Хель.

— Да уж, куда не сунься, всюду ты, — стиснул зубы я, силясь не провалиться в беспмятство от потери крови.

Хель приблизила ко мне лицо с чернеющими глазницами и серой, похожей на мрамор кожей. От неё тянулся запах сырости, но в нём не было ничего живого. Мёртвый холод. Такой древний, как сам мир. По спине побежали мурашки, я сглотив.

— Перестань играть со мной, Бальдр! Я не буду больше милосердной и утяну тебя в бездну! — Со склона вновь полетели камни. На этот раз большие валуны, и я прижался к

расщелине, возле которой сидел, прикрыв голову здоровой рукой.

— Что мне остаётся, как не шутить, Хель? — прорычал я. — Я уничтожил Эйсир разломал его на части!

— Ты уничтожил меч?! — прогремела Хель.

В небе полыхнула молния, и разразился гром. Хлынул дождь. Я вздрогнул от неожиданности и поморщился от хлещущих по лицу холодных дождевых перьев.

— Одну из частей увезла Мать! — Я бессильно сжал в руке амулет. — Меч не вернуть.

— Но ты как-то убил варга? — Хель топнула ногой по следам возни со зверем и кучке оставшейся от него чёрной грязи.

— Убил!

— Значит, убьёшь и Хассера, когда он придёт! — богиня смерти ухватила меня за лицо и яростно прошипела: — Я хочу, чтобы это сделал именно ты!

— Почему я?

— Потому что ты разочаровал меня и извёл ожиданием! Если вернёшься в Хельхейм, я приготовлю для тебя самый холодный край, где муки твои будут нестерпимы! Но если убьёшь Хассера, то не вернёшься...

Хель растворилась, и вместе с её исчезновением перестал идти дождь. На моих щеках горели следы от её прикосновения. По лбу с волос стекали капли. Я закутался в плащ, содрогаясь от страха и изнеможения. Меня затошнило.

Немного посидев и попив воды, я решил добраться до меча. С оружием под боком было бы спокойнее.

Я поднялся по склону и увидел в разрыве облаков, плещущееся вдали за скалами седое море. Я поднял меч и забрался выше, чтобы приглядеться, не видно ли отсюда чёрный берег Фёвикена, где стояли драккары Олава.

И я увидел берег. Но он был совершенно пуст.

«Проклятье!»

Меня накрыло страшное осознание: Олав направил ладьи на Тронхейм. Грядёт час битвы! Ведь Хёрд вряд ли ждёт гостей — Бьёрна убили, и он не донёс послание. Маргрет Лейф и Годи окажутся под ударами чужих мечей и погибнут!

Я подбежал к краю обрыва и увидел блеск реки, вдоль которой мы ехали в Тюрберг с Годи и Лейфом. Два всадника метались у берега. Один отмахивался от другого, махал руками и тёр глаза. На нём была синяя рубаха. Нет, платье. Это была женщина. Это была Маргрет!

Второй, Годи с Лейфом в седле, что-то кричал ей, звал, но Маргрет вертела головой и направляла коня назад, к тому месту, где мы расстались.

«Почему они вернулись?» — удивился я и принялся спускаться.

Камни после дождя были такими скользкими, словно добро политы маслом, и я глядел под ноги, выверая каждый свой шаг. Иногда я поднимал голову и бросал взгляд на берег, проверяя там ли ещё Маргрет. Они с Годи были всё ещё у воды и о чём-то спорили, махали руками.

Вдруг я заметил столб пыли на дороге, ведущей из Фёвикена. Придержался за скалу и вгляделся вдаль. Это были всадники, человек двадцать, они стремительно приближались.

— Вот и Вали подоспел! — скрипнул зубами я.

Маргрет и Годи находились в низине, у причалов, и не видели дороги. Звук приближающейся опасности заглушал шум воды.

«Я должен предупредить их!»

Перепрыгивая камни, я поспешил вниз. Ветер усилился и сносил меня со склона. Нога соскользнула, и я упал, поцарапав голень.

«Ничего, ерунда».

Я поднялся и побежал дальше. Перемахнул через расщелину, вскарабкался на валун. Спрыгнул. Проскользил по камням. Порыв ветра ударил в спину, я потерял равновесие и снова упал.

Я приземлился на прокушенную руку. Кость в запястье хрустнула, я взвыл от боли.

«Весь переломаюсь... — испугался я. — Да, ну и плевать! — я вскочил с земли. — Там внизу Маргрет! Надо сказать им, чтобы уходили!»

Я вновь оказался на дороге. Вали с воинами был уже совсем близко. Топот копыт сотрясал землю. Скоро настигнут!

Сердце рвалось из груди, я задыхался. Бежать я уже не было сил. Я опёрся руками в колени, переводя дыхание перед последним рывком.

— Маргрет! — крикнул я, увидев её на берегу.

Маргрет обернулась, лицо её засветилось, губы растянулись в улыбке. Годи, узнав меня, вытянул шею и нахмурился.

Рядом со мной в землю воткнулась стрела.

— Скачите! — закричал я, махнув рукой на дорогу. — Скачите прочь! Скорее!

Годи направил коня на возвышение. Я увидел, как округлились его глаза, когда он вышел на дорогу.

— Схватить их! — донёсся яростный возглас Вали. — Не дать уйти!

В землю вошло ещё две стрелы.

Я побежал к Маргрет. В глазах потемнело, и я упал.

«Как не вовремя», — промелькнуло в голове.

Сильные руки Годи перевернули меня на спину.

— Скачите! Уходите! — простонал я.

— Он сильно ранен, — прикоснулась Маргрет к моему лицу. — Не сумеет держаться в седле.

Топот копыт гремел уже совсем близко. Воздух разрывали воинственные крики и победные взвизгивания. Расправа была близка.

— Лодка, Маргрет! — рявкнул Годи. — Сажай Лейфа в лодку, а я дотащу Бальдра.

Годи поднял меня и закинул на плечо мою руку.

— Брось меня, спаси мою семью! — зашипел я.

— Я не могу тебя бросить, Бальдр! — прокряхтел воин. — Ведь ты похвалил моё пойло!

Мы спустились по скользкой гальке к воде. Мои ноги подкашивались, но воин крепко держал меня. Лейф был уже в лодке. Годи подтолкнул меня через борт, и я упал на скамью. Маргрет, стоя по грудь в воде, тащила лодку на глубину.

Годи взялся за вёсла, и я протянул Маргрет руку, помогая забраться внутрь. В воздухе, рядом с моей головой, просвистела стрела. Я мгновенно опустил Лейфа под себя и поднялся, закрывая Маргрет и Годи. Стрела пронзила мне спину. Я вскрикнул от неожиданности, но не успел ощутить боль. Я обнимал за плечи Маргрет и глядел ей в глаза.

— Не бойся, — прошептал я.

Ещё одна стрела вошла мне в бок. Я дёрнулся. На языке появился вкус крови.

— Бальдр! Нет! — завизжала Маргрет.

Глава 14. Тени межмирья

— Оставить в живых! — прокричал Вали с берега, яростно рассекая мечом воздух. — Я достану тебя, Бальдр!

Годи вывел лодку на середину реки и закинул на борт вёсла. Течение стремительно отдаляло нас от врагов. Последние стрелы плюхнулись в воду. Я бросил взгляд на берег. Лучники вернулись на дорогу и последовали за нами вдоль берега.

— Почему дядя Вали хочет схватить нас?! — воскликнул Лейф.

— Вали хочет занять место твоего отца! — рявкнул Годи.

Воин приблизился и навис надо мной.

— Как ты, Бальдр? — осипшим голосом спросил он.

Я стоял на коленях и держался обеими руками за борта качающейся лодки. Лейф съёжился подо мной и испуганно вертел головой, а Маргрет обнимала моё лицо, прильнув губами к щеке. Её близость придавала мне сил.

— Я так зол, Годи! — хрипло ответил я. — Как пёс!

Я судорожно дышал, проглатывая кровь, натекающую в горло.

«Неужели пришёл мой конец?! Так скоро?! Уже слышу, как Хель торжествует...»

— Ему, кажется, пробили лёгкие! — простонала Маргрет. — Баль, не умирай, пожалуйста!

— Бальдр, потерпи, — прорычал Годи. — Сейчас помогу.

Воин выгнал из-под меня Лейфа и положил меня на живот. Древко стрелы хрустнуло, я вскрикнул от боли. Ударившись друг о друга, лязгнули железные наконечники, которые Годи извлёк из спины и бросил в ноги. Кровь забурлила в груди. Я хрипел и задыхался. Дно лодки быстро наполняла багровая лужа.

— Помоги его раздеть, — приказала Маргрет.

Годи стянул с меня меховой плащ и разорвал рубашку.

— Боги! — охнула Маргрет, увидев рану от топора, что оставил мне Вали десять лет назад. — Я всегда боялась это увидеть... милый Бальдр.

Я молча сжал колено Маргрет, упирившееся мне в бок. Она тяжело вздохнула, собираясь духом.

— Лейф, разрежь на полосы! — Маргрет кинула ему мою рубашку.

— Зачем вы вернулись, Маргрет? — прохрипел я. — Ведь вы уехали!

— Это она решила вернуться! — фыркнул Годи, наклонившись к моему лицу. — Залилась слезами, как девка какая! Пусти меня, говорит, к Бальдру, жить без него не могу!

— Годи, перестань! — приказала Маргрет.

Я поглядел на неё. Она отвела взгляд и плотно сомкнула губы, накладывая повязку на мои раны. Годи перевернул меня на спину и сунул под голову скомканный плащ.

— Маргрет, ты правда вернулась ко мне? — прошептал я, ухватив её за руку. — Ответь умирающему.

— Не умирай, пожалуйста, — она обняла ладонями моё лицо. — Я не хочу с тобой расставаться! Никогда больше!

По лицу Маргрет потекли крупные слёзы. Она потёрлась лицом о моё лицо и бороду, и вся перепачкалась в крови.

— Мама! Как же отец?! — рявкнул Лейф у меня из-за головы. — Ты ведь не предашь

отца?!

Сердце трепыхнулось. Я ждал, что Маргрет сейчас скажет сыну, кто его истинный папа. Но Маргрет лишь смахнула слёзы и приняла строгий вид.

— Я не изменю твоему отцу, — произнесла она. — Но моё сердце принадлежит Бальдру. Навсегда.

Я зарычал от злости, ведь Маргрет не призналась. Кровь забурлила в горле. Я приподнялся и стал откашливаться.

— Тише, Бальдр, тише... — сказала она.

Ласковые пальцы Маргрет перебирали мои волосы. Волны шелестели о борт, раскачивали лодку и убаюкивали меня. Вскоре шумный ветер растворил злость и приглушил раздражающую меня боль. В глазах с каждой минутой становилось темнее.

— Смотрите, они нас больше не преследуют! — воскликнул Лейф, указывая пальцем на берег.

Годи напряжённно всмотрелся в берег и потёр глаза.

— Поди, устали, — сказал он. — Да и я порядком выдохся.

— Они не преследуют нас, потому что всё кончено, — прохрипел я. — Мы плывём в Тронхейм...

— Да, по реке мы через день-два войдём в гавань к конунгу! — воспрял духом Годи. — Я набегался, хочу скорее оказаться дома! Мёд, женщины! Благодарность вождя за уцелевшую семью, — воин поглядел на Маргрет и Лейфа. — И мы выпьем с тобой, Бальдр!

Воин похлопал меня по плечам и потрепал волосы.

— Хрена с два, Годи... — простонал я, скрипя зубами от боли. Кровь стекала у меня по бороде. — Чёрный берег пуст... Конунг Олав скоро будет здесь...

— Ты уверен? — нахмурился воин, погладив эфес своего меча.

Я качнул головой.

В глазах потемнело, шум реки, гудевший в ушах, стих. Мне стало тяжело дышать.

— Он умер? — донёлся голос Лейфа словно из глубины.

— Не тереби его, Маргрет, он заснул, — ответил Годи. — Смотри сколько крови вытекло.

Всё замолкло. Сколько-то времени я пролежал без сознания. А когда открыл глаза вновь, то увидел, что уже было темно. По берегам мерцали зелёные огни, и Годи правил, не позволяя лодке прижиматься к берегу.

— Мне очень страшно, — простонал Лейф.

— Не бойся, милый, — Маргрет притянула сына к себе.

Я накрыл их обоих объятием.

— Как ты? — приветливо улыбнулась мне Маргрет. — Пришёл в себя?

Я облизнул губы, чтобы ответить, но не нашёл сил издать звук. Тяжёло вздохнув, почувствовал, что кровь больше не заливается мне в глотку. Я вздохнул ещё раз. Глубже.

— Бальдр, что с тобой?! — испугалась Маргрет.

— Лёгкие целы, — прохрипел я.

— Уверен?

— Я бы уже умер, верно?

— Слава богам, — отозвался Годи, — что пощадили тебя!

По дну заскребли камни. Лодка несколько раз сильно качнулась, больно ударив меня в спину, а потом замерла. Я почувствовал, как тонкая струйка холодной воды принялась

сочиться у меня под боком.

— Проклятье, ничего не видно! — выругался Годи. — Кажется, мы зацепились обо что-то.

— Мы распорили днище камнем, — прохрипел я. — Он колет мне в спину.

— Мы что, утонем?! — пискнул Лейф.

Маргрет крепче обняла сына. Я приподнял голову, всматриваясь в темноту. Годи перекинул ногу через борт и выбрался из лодки.

— Тут мелко и ветки... — буркнул он. — Мы не утонем! Сидите, я осмотрюсь.

— Осторожнее, Годи! — прохрипел я.

Я услышал хлюпанье шагов воина и, вцепившись в борт, подтянулся выше. Голова кружилась, на плечи будто навалили набитые железом мешки. Маргрет с волнением положила руку мне на грудь. Пальцы её были холодны, как лёд. Я сжал её ладонь и принялся согревать своим дыханием.

— Тут большая земля! — раздался далёкий голос Годи. — И не видно тварей! Маргрет, Лейф, выбирайтесь!

Воин вернулся, брызги его шагов щедро накрыли моё и без того мокрое тело. Ухватив лодку за борт, Годи принялся затаскивать её на берег.

— Ты уверен, что здесь безопасно? — спросил я.

— Оглядишься вокруг, Бальдр! — приблизил ко мне лицо Годи.

Я подвигал глазами, но ничего не было видно, кроме призрачных силуэтов скал на фоне ночного неба.

— Темно, — отозвался я.

— Именно! — прошептал Годи. — А теперь поверни голову вправо. Видишь, там плещется вода и светят своими глазками зубастые зверьки?

— Вижу.

— Ага, а здесь совершенно темно! — возликовал Годи. — Эта земля отрезана от большого берега. Мы на острове. И здесь есть лес!

— Удачно ты разбил лодку, — сказал я, переваливаясь через бортик. — Помоги мне!

— Хоть в чём-то повезло! — усмехнулся воин. — погоди, Бальдр!

Годи, стоя передо мной, рылся в поясной сумке, будто потерял какую-то важную ценность.

— Ну! Помоги же, — проворчал я.

— Сейчас, сейчас, — протянул он. — Ах вот он, нашёл! Кремень! Разведу огонь, Бальдр! Согреемся! — радостно воскликнул воин. — Только вытащу тебя. Давай, берись за меня!

Я застонал, когда Годи жёсткими пальцами ухватил меня за бока. Кровь снова подступила к горлу, ударила в нос, и я сплюнул пенистую жижу.

— Зараза, — проскрипел Годи, надрываясь от моего веса. — Сделай так, чтобы я не зря тебя тащил!

Маргрет расстелила на земле плащ и посадила на него Лейфа. Годи проводил меня к ним и опустил на землю.

— Наверное, мы пристали к Змеиной косе, — произнесла Маргрет, укладывая мою голову себе на колени. — Тебе нужно лежать повыше, чтобы было легче дышать.

Лейф шумно фыркнул на проявленную ко мне ласку своей матери.

— Змеиная коса, верно! — отозвался из темноты Годи. — Тянется вдоль реки на несколько лиг. Вообще, тут должны жить люди! Помню, бывал здесь лет пять назад, когда

только сделался хирдманом: мы собирали налоги для конунга.

Годи притащил ветки и долго пыхтел, чиркая мокрый кремень. Вскоре среди кислого запаха водорослей я почувал слабое дуновение древесного дыма.

— Горит! — воскликнул воин и шумно растёр замёрзшие руки.

На лице его замерцали мягкие отсветы зародившегося пламени.

— Теперь не пропадём! Лейф, подвинься сюда, — позвал Годи. — Следи, чтобы огонь не потух! А я пойду насобираю ещё палок.

Воин удалился в чашу, а Лейф принялся ломать ветки и подкладывать в огонь. Уложив в костёр весь хворост, оставленный Годи, мальчик стал сооружать вокруг костра стену из камней, чтобы ветер не задувал пламя.

— Ты так повзрослел за эти дни, — ласково сказала сыну Маргрет. — Я очень горжусь тобой.

— Жаль отец не видит, — хмыкнул Лейф, весело поглядев на мать.

Я скрипнул зубами и благодарно сжал ладонь Маргрет, продолжая следить за мальчиком. Я гордился.

Вскоре вернулся Годи с большой охапкой веток под мышкой и волоча сухой ствол. Костёр разгорелся ярче. Мы все вчетвером улеглись возле него, укрывшись плащами от задувавшего ветра. Меня била дрожь, руки и ноги ныли, грудь горела.

— Тебя лихорадит, Баль, — прошептала Маргрет.

— Это старая рана поганит кровь.

— Потерпи немного, на рассвете я отыщу травы, которые помогут тебе, — Маргрет ласково гладила меня по голове.

Перед глазами всё закружилось. Я обнял Маргрет, но не смог удержать. В лицо ударил ветер с ледяными крупцами. Я зажмурился, а когда открыл глаза, то вокруг чернела крошечная тьма и веело холодом. Я понял, что очутился в Хельхейме.

— Маргрет! Лейф! Я мертв?! Как же мне теперь вас защитить?! — воскликнул я. — Боги, верните меня!

Я сокрушённо схватился за голову и упал на колени. Я не желал мириться с гибелью. Я не сделал ещё ничего, что так желал!

— Боги, дайте Годи сил увезти мою семью подальше от Вали! — простонал я.

Прошло немного времени, глаза привыкли к темноте. Я осмотрелся и увидел, что меня обступили тени исполинских гор. А ещё я услышал журчание воды. Разве в Хельхейме есть ручьи? Там ведь кругом лёд и снег. Где же я?

Я побрёл на звук текущей воды. Под ногами хлюпал мох, в башмаки набиралась вода. Шуршали камни и мелкие кусты. Вскоре из тёмной дымки передо мной выступил ручей, стекающий со скальной стены. В горле пересохло, я сунул руки под струю.

— Запыхался? — раздался позади молодой женский голос.

Я вздрогнул. Сердце пропустило удар.

«Неужели, я попался Хель?!»

— Попей, утоли жажду. Чего застыл? — сказала женщина.

Нет, это была не Хель. Богиня смерти никогда не говорила со мной столь ласково. А этот добрый поучительный говор я узнал бы из тысячи.

Я повернулся и увидел перед собой... Йорунн? Золотистые волосы, змеями струились по плечам. Гладкая кожа, белая как молоко, румяные щёки и сияющие будто утреннее небо глаза.

— Какая ты красивая! — восхитился я. — Почему ты не старая?!

— Моя душа молода, — хмыкнула Йорунн. — Мы с тобой духи, Бальдр. Наши тела умирают или уже умерли. А мы блуждаем на земле бестелесно и ждём, когда Хель заберет нас.

— Что с тобой случилось? — я шагнул ближе и взял Йорунн за руку. — Ведь тебе ничто не угрожало, когда мы расстались. Ты покинула Тронхейм после моего отъезда?

— Нет, я всё ещё у Хёрда. Но я больна.

— Чем?

— Я стара, Бальдр. Время пришло.

— Нет! — воскликнул я. — Ты так молода! Твоё время не пришло, Йорунн!

— Не кричи, Бальдр. А то Хель услышит и тут же явится.

Я затих и прислушался к тишине. Мне померещился гул, похожий на рычание. Может, это под струями воды шуршали камни? Я вновь сунул руки в воду и наконец напился.

Когда развернулся к Йорунн, то вновь услышал утробный гул. Он стал громче. И моя подруга тоже его слышала. Я понял это по тому, как она прищурилась и принялась скользить взглядом по зарослям. Глухое рычание доносилось будто из-под земли, я ощущал, как нарастает дрожь воздуха.

— Уйдём отсюда, — сказал я и потянул Йорунн за локоть к деревьям.

Вокруг было сумеречно, как летней ночью, когда солнце скрывается за кромкой земли едва ли на пару часов.

Мы затаились в тенистых зарослях. Я напряжённо осматривался, продолжая крепко сжимать руку Йорунн.

— Бальдр, — произнесла она, поглядев на меня из-под опущенных ресниц. Её руки обвили мою шею, а жаркое дыхание упало мне на лицо. — Я тоже безумно соскучилась.

Йорунн прижалась ко мне и поцеловала. И я не смог воспротивиться. Руки сами обхватили крепкий зад Йорунн. Да, он был очень крепким. И спина под платьем: ровная, натянутая, гладкая. Мне очень хотелось насладиться прикосновениями к красивой женщине.

— Погоди, Йорунн, — выдохнул я. — Я не могу.

— Снова из-за Маргрет?

— Угу.

— Она тебе не жена! — фыркнула девушка. — А ты ярл и можешь иметь столько женщин, сколько пожелаешь.

Я покачал головой и отстранился.

— Прости, — пробормотал я. — Она ждёт меня!

Йорунн сердито тряхнула головой, золотистые волосы в беспорядке рассыпались по плечам и спине. Она взяла меня за подбородок и заставила поглядеть на себя. Я сопротивлялся. Ведь молодая Йорунн действительно была очень красива.

— Мы духи Бальдр, и не вернёмся назад, — брови девушки задрожали. Я понял, что несмотря на внешнюю уверенность, ей страшно. — Скоро Хель отыщет нас и уведёт за собой в царство вечного холода и мрака, — плечи Йорунн передёрнулись. — Мы больше никогда не встретимся. И никогда не испытаем любви.

Она гордо поглядела на меня, и я почувствовал себя мерзавцем. Сжав зубы, я ударил кулаком по стволу дерева. Ветки задрожали, зашелестели листвой. Утробное рычание, стоявшее всё это время в воздухе, усилилось.

— Что это? Ты тоже это слышишь?

— Слышу, — кивнула Йорунн и опасно принялась оглядываться. — Кажется я знаю, что это такое...

Девушка направила взор в чашу, и глаза её распахнулись, а лицо вытянулось. Я повернулся. Между деревьев стояли варги. Я поднял глаза выше и увидел гигантов-йотунов, туловища которых терялись за листвой.

Мы пригнулись. Йорунн прильнула ко мне, и я крепко обнял её. Сердце заколотилось, во рту вновь пересохло.

— Это тёмные твари, — прошептала девушка.

— Откуда они здесь?

— Межмирье — это место, которое соприкасается со всеми мирами.

Варги водили мордами, принюхиваясь к лесу. Йотуны сделали шаг в нашу сторону.

— Уходим, — шепнул я, указывая рукой в сторону кустов.

Пригнувшись, мы медленно двинулись прочь. Мы старались не задевать веток и не издавать шума. Пройдя с десятков шагов, я увидел овраг.

— Давай туда, Йорунн, — подтолкнул я.

Под моховым ковром, который устилал склоны оврага оказалась вода. Мы проваливались по колено. Ноги громко хлюпали, а руки шумно цеплялись за ветки.

— Дай руку, Йорунн, лезем вверх, а то утонем.

Я вскинул голову и увидел на краю оврага тёмную фигуру. Это был не варг и не йотун. Он очень походил на человека. Мы глядели друг на друга сквозь заросли кустов и папоротника. Я старался понять кто этот человек: затерявшаяся ли душа, как мы, или пришелец из тёмного мира. Йорунн приблизилась ко мне и ухватила за руку.

— Боги, — прошептала она, дёрнув меня вниз. — Бежим, Бальдр...

Я бросил на неё мимолётный взгляд, но не пошевелился. Я вновь поглядел на человека, стоявшего на вершине склона. У его ног зашевелились тени, и из зарослей вынырнули варги, обратив на меня свои хищные оскалы.

— Это Хассер, Бальдр! Бежим! — воскликнула Йорунн.

Варги были уже слишком близко, и я понял, что двоим нам не уйти.

— Беги, Йорунн, — толкнул её я, а сам схватил с пояса амулет Маргрет и нож.

Йорунн скрылась в низине. Первый варг кинулся, целясь мне в горло, я прикрылся рукой с ножом, а амулетом ударил зверя по морде. У того показалась кровавая рана на челюсти.

— Стоять! — приказал грозный голос.

Остальные варги, уже готовые порвать меня на части, вдруг остановились. За их мощными телами я увидел Хассера. Он был с меня ростом, но лица его я не разглядел под капюшоном плаща. Лишь толстая светлая борода, заплетённая в косу обрамляла подбородок.

— Кто ты? — произнёс он старым, измученным голосом. — Дай сюда это, — Хассер протянул руку к амулету.

— Нет! — прорычал я.

Я испугался, что тёмный бог отнимет амулет, и сжал его в кулак. Хассер шагнул ко мне и молниеносным движением стиснул пальцы на моей шее. Я попытался пырнуть его ножом, но лезвие прошло сквозь плоть бога, не причинив ему вреда.

— Никто из смертных не смеет говорить мне «нет», — произнёс Хассер, сильнее стиснув пальцы. — Отдай то, что у тебя в руке. Я чувствую, это моё.

Я хрипел, теряя сознание. Но собрав последние силы, я направил свой кулак с амулетом

вперёд, ударяя Хассера в глаз. Кулак ударился очень крепко, что мне и самому стало больно. Тёмный бог выпустил меня и ухватился за голову.

Не теряя времени, я бросился прочь.

— Взять его! — приказал Хассер.

Варги издали протяжный рык, от которого задрожала земля. Или она дрожала от того, что в погоню двинулись йотуны? Не знаю, я не оглядывался. Ноги скользили по мокрой земле, камни оживали под ногами, и мне приходилось прыгать из стороны в сторону, не разбирая направления. Гул погони не стихал ни на мгновение. До меня долетали комки земли из-под когтей тварей и брызги их слюны.

— Маргрет! — закричал я. — Забери меня отсюда!

Глава 15. Семья

Когтистые лапы ударили меня в лопатки, и я упал. Зажмурившись, я обратился мыслями к Маргрет. Неужели наша любовь навсегда останется прахом?! Неужели зло и несправедливость будут торжествовать? Неужели я никогда не скажу Лейфу: «Здравствуй, мой сын»? Боль раздирала меня, лежавшего на земле.

Вдруг я осознал, что клыки зверей не терзают меня. Стало тихо. Я открыл глаза и обнаружил себя на топчане в деревянной клетке, лежавшим на животе. Стоял полумрак. Я удивился тому, как оказался здесь.

— Где я? Маргрет? Лейф? — простонал я и приподнялся осмотреться.

Боль тут же сковала рёбра. В глазах заплескались разноцветные круги — и я рухнул назад на постель. Сделав глубокий вдох, я почувствовал, что грудь и спина были стянуты повязками. Сверху я был укрыт медвежьей шкурой. Я протянул руку к лицу и почесал нос. Отёк спал, и прежней ломящей боли не было.

Снаружи раздался звонкий голос Лейфа, через миг он вбежал в клетку.

— Бальдр... — прошептал он, замерев на пороге.

— Как твоя нога, малыш? — прохрипел я, увидев, что мальчик ходит без деревянного лотка.

— Почти прошла, — робко кивнул Лейф и бросил призывный взгляд на двор. — Мама! Бальдр проснулся!

На пороге появилась Маргрет с выражением радости на лице.

— Наконец-то! — Она бросилась ко мне и провела пальцами по лицу. — Ах, наконец-то, ты пришёл в себя!

Я осторожно повернулся на бок и взял Маргрет за руку.

— Где мы?

— На Змеиной косе, в рыбацкой деревне, — Маргрет сплела свои пальца с моими. — Когда ты потерял сознание, той ночью, к нам пришли люди из селения. Они увидели костёр.

— Давно мы здесь?

— Шесть дней, милый.

Маргрет была одета в простое платье из неокрашенной шерсти, перехваченное на талии плетёным ремешком. Никаких украшений не сверкало на ней, но несмотря на это выглядела она совершенно прекрасно. Грудь гордо выступала вперёд, глаза светились небесными сапфирами, а губы пылали краской. Я хотел их поцеловать, но был слишком слаб, чтобы дотянуться.

Я перевёл взгляд на Лейфа. Мальчик стоял, прислонившись к стене, и хмуро глядел на меня. В руке у него лежал нож, который я ему подарил.

— Лейф, убери, — приказала Маргрет. — Я просила не входить в дом с оружием. — Она повернулась ко мне: — Представляешь, Баль, Лейф устроил мишень и целыми днями только и делает, что бросает нож. Говорит, хочет быть метким, как ты.

— Получается, Лейф? — улыбнулся я.

— Да! Я научился попадать с десяти шагов, — мальчик шагнул ко мне и глаза его загорелись.

— Я горд тобой! — кивнул я. — А где наш защитник Годи?

— Сейчас позову его! — воскликнул Лейф и убежал.

— Помоги мне сесть, — прохрипел я, обратившись к Маргрет.

Она придержала меня за бок, и я спустил ноги вниз.

— Люди Вали искали нас? — беспокоился я. — Что-нибудь слышно о конунге Олаве?

Я злился на свою немощь. Пока я лежал без сознания, Вали мог добраться до моей семьи.

Лицо Маргрет сделалось беспокойным. На светлый взгляд набежали тучи.

— Люди Вали были здесь, но жители нас не выдали, — мрачно произнесла она, опасно поглядев на дверь.

— Что ещё? Говори!

— Ладьи Олава третий день стоят в гавани Тронхейма, грядёт битва... Хёрд, наверное, разбит потерей нас всех... Годи послал к нему человека сказать, что ты сильно ранен и мы застряли на косе, но тот человек до сих пор не вернулся. — У Маргрет по щеке скатилась слеза.

— Милая, не тревожься. Если конунг Олав не вступил в битву сразу, то есть шанс, что Хёрд договорится с ним. Он ведь мудрый, верно?

Маргрет кивнула. Глаза её заблестели от слёз.

— Ну, ты что? — прошептал я.

— Я боюсь, — Маргрет вытерла лицо. — Однажды я пережила время, когда рухнула вся моя жизнь. Я видела, как ты умер. И не хочу видеть этого снова.

— Ну, я жив, — я положил ладонь на колено Маргрет. — И все мы пока живы, всё хорошо.

Маргрет прижалась ко мне.

— Маргрет, скажи, он мой? — кивнул я в сторону двери, где стоял Лейф.

Глаза Маргрет удивлённо расширились, она отвела взгляд и погрустнела.

— Ты не знаешь, кто его отец? — строго спросил я.

— Знаю.

Я заметался: зачем я спросил? Сердце бешено заколотилось. Я отец или не я? Что, если не я? Тогда я буду глупцом, что смел так думать!

— Скажи мне, — хрипло сказал я.

— Ты правда хочешь знать?

— Хочу. Даже, если это Хёрд. Я должен знать наверняка. Для меня это важно.

— Поклянись, что сохранишь тайну.

— Клянусь!

— Отец Лейфа — ты.

Я улыбнулся и часто задышал.

— Маргрет! — Я обнял её и сжал так крепко, сколько было сил. — Я счастлив!

Лицо Маргрет сделалось строгим, она замотала головой.

— Баль, это тайна всех тайн. Никому не говори, и Лейфу тоже! Он — сын Хёрда. Его наследник.

На крыльце раздались тяжёлые шаги Годи. Я недовольно проскрипел зубами. Мне было очень сложно принять, что я не мог назвать своего сына своим.

— Ты поклялся, — сказала Маргрет, отстраняясь от моих рук.

Лейф влетел в комнату, а следом за ним вошёл Годи. У него в руках было блюдо с печёной рыбой. Увидев меня, обнимающего жену конунга, взгляд воина сделался суров. Я выпустил Маргрет.

— Бессмертный Бальдр! — воскликнул Годи, поставив рыбу на стол. — Голоден должно быть? Садись есть!

Маргрет встала от меня и расставила миски. Мы расселись на скамьи вокруг небольшого деревянного стола, поверхность которого была тёмной от времени.

Рыба источала невозможно вкусный запах, живот заурчал. Я отломил кусок и положил на язык. Сочное жирное мясо таяло во рту.

— Я обещал тебе, что мы выпьем, Бальдр, — сказал Годи. — Смотри, что я принёс! — воин достал флягу и протянул мне.

— Верно, обещал, — проглотил я пищу и снял крышку.

Хвойный запах приятно кольнул нос. Я сделал глоток. Вяжущая прохлада опустилась в желудок. Я вернул флягу Годи и отломил ещё кусок рыбы.

Я заметил, что Лейф возит ножом по блюду, но ничего не ест, и вложил свой кусок ему в руку.

— Жуй, пока я здесь хоть что-то оставил, — сказал я. — Ничего вкуснее не ел!

— Да уж, могу представить, — усмехнулся Годи. — После того, как Маргрет столько дней поила тебя всякой дрянью, даже тощая селедка покажется пищей богов!

— Думаю, я вылечила тебя, — произнесла Маргрет.

— Вылечила?

— Покой сделал своё дело, — кивнула она. — Твои раны затягиваются.

— И даже та, которой десять лет? — я схватился за рёбра, нажал на рану, но не почувствовал прежней боли: бок лишь слегка заныл от прикосновения.

— Даже она, — улыбнулась Маргрет, и глаза её довольно засеребрились.

Она положила мне на бедро ладонь, пряча от сына порыв. Я улыбнулся и оглядел всех за столом. Годи жевал, наклонившись над столом, чтобы не испачкаться в стекающем по пальцам рыбьем масле. Лейф, лениво дожёвывая кусок, поглядел на меня:

— Тогда и флягу мне дай, дядя! — протянул он руку.

— А флягу дам, когда будешь учтивей, — отрезал я.

Лейф фыркнул. Ни Маргрет, ни Годи не вмешались.

Мы пировали рыбой и хвойной настойкой. За стенами хижины разносился шум реки, напомнивший мне о том, что время не стоит на месте.

В прошлой жизни, сидя вот так с женщиной и другом, я бы предался безмятежному счастью и забылся. Но теперь мои мысли занимала тревога о том, удалось ли Йорунн спастись от Хассера и не ступила ли она уже в царство Хель...

Наступала очередная ночь, которая приближала мою встречу с тёмным богом. Я должен был дать бой, но пока ещё не знал, как мне, потерявшему меч, сражаться с бессмертным.

Спать мы улеглись все на один топчан. Я разместился у стены, рядом со мной легла Маргрет, а дальше Лейф, зажатый Годи с другого бока.

— Тесно здесь, — проговорил я.

— Да, тесновато! — буркнул воин. — Мне предложили лечь в другом доме, но Хёрд ведь мне не простит, если я позволю его жене спать наедине с тобой, Бальдр.

Я зло вздохнул. Я очень хотел заняться с Маргрет любовью, но порицающие взгляды Лейфа и Годи мешали мне. Однако, мне не пришлось рассуждать об этом слишком долго: от слабости я уснул раньше всех.

Наутро меня разбудил тихий скрип двери. Я открыл глаза и увидел, что Маргрет выскользнула на двор. Стояло раннее утро, свет из оконца под крышей едва-едва рассеивал полумрак.

Стараясь не разбудить Годи и Лейфа, я осторожно сел. За ночь дом выстудился, и я потянулся к плащу, лежавшему на скамье, чтобы одеться. После Хельхейма я до неприличия чутко воспринимал холод. Подняв плащ, я увидел мечи: свой и Годи, и кивнул с благодарностью воину за то, что сохранил моё оружие, пока я лежал без сознания. Я закрепил ножны на поясе и почувствовал себя спокойнее.

Солнце ещё не встало. На улице стоял густой туман. Низкие крыши рыбацких домиков неясно выступали из мглы. Мне почудилось, что я оказался в волшебной стране, а не в бедном селении на скалах Змеиной косы.

Неутомимый шум реки не затихал. Но среди гула я разобрал голоса и плеск воды. Я пошёл на звуки. На хлипком подгнившем причале я увидел Маргрет и двоих мужчин, складывающих в лодку сеть. Один из них был в залатанной рубахе с короткой седой бородой, а другой помоложе, с впалыми щеками. На них обоих не было ни одного рунного знака, какими украшали себя воины.

— Приветствую, — поклонился я почтительно.

— Бальдр! — воскликнул седовласый, выйдя вперёд.

Вокруг сильно пахло сырой рыбой, и я поморщился. Рыбак взял меня за руку и крепко сжал её.

— Ты наконец встал! Я очень рад, что ты гостишь у меня. Как тебе дом? — гордо кивнул он в сторону лачуги.

— В нём не дует и не капает, я доволен. Спасибо, — пожал я руку рыбаку в ответ.

Его доброе расположение смутило меня. Чем я мог его заслужить? Наоборот, я принёс привлѣк к деревне опасность.

— Мы встречались прежде? — нахмурился я.

— А ты не узнаёшь меня? Я же Рольф! Да, я был тогда помоложе. Мы ходили с тобой в море на китов, и после одной очень удачной охоты ты подарил мне ладью. Но несколько лет назад шторм разбил её, ах, как жаль... Теперь я живу тем, что ловлю рыбу в реке.

— Сочувствую, Рольф, — я похлопал по плечу рыбака, повернулся к Маргрет и ревниво поглядел на неё. — Ты собралась плыть с ним?

— Я хотела попросить Рольфа, чтобы добыл угря. Ты любил его прежде.

Я не помнил, чтобы любил угря, но улыбнулся и взял Маргрет за руку.

— Лучше бы ты грела меня в постели, — сказал я.

— Ладно, Бальдр, Маргрет, — поклонился Рольф, — мы отправляется с сыном ставить сети. Бывайте!

— Бывай, Рольф, — махнул рукой я.

Туман медленно расступался. Мы с Маргрет брели вдоль берега сонной реки. Пологий путь преградила скала, резко вдававшаяся в воду. Я огляделся и, решив, что место достаточно уединѣнное, бросил на гальку свой плащ.

— Давай посидим, Маргрет. Побудем вдвоём. Я скучал по тебе.

Она кивнула. Мы опустились на землю, под сенью тонких деревьев, цеплявшихся

корнями за скалы.

— Так скучал, что потащил в постель другую? — закусила губу Маргрет.

Я прикрыл глаза и покачал головой.

— Поэтому ты ушла?

Маргрет кивнула.

— А почему вернулась?

— Ты знаешь почему...

Маргрет приблизила лицо. Я вдохнул сладостный запах лугов, который она всегда носила с собой. Наши пальцы соприкоснулись, и сердце моё заколотилось, как у мальчишки.

— Почему я не могу быть отцом своему сыну? — произнёс я. — Я хочу сам растить его.

Маргрет приложила ладонь к лицу и потёрла губы. Глаза её перестали лучиться, посерели.

— Когда ты погиб... — начала она.

— Меня убили, — поправил я.

— Когда тебя убили, — сглотнула Маргрет, — оказалось, что я осталась беременная.

— Маргрет, прости что не смог позаботиться о вас... — мой голос дрогнул.

Я прикоснулся лбом к её волосам и протяжно зарычал.

— Я сбежала в святилище, — прошептала она, погладив меня по руке, — жрицы укрыли меня, я прожила там три месяца. Хёрд отменил свадьбу. Мой отец начал что-то подозревать и приказал найти меня и вернуть ему. Если бы он узнал о беременности, то остриг бы меня и казнил. Но Хёрд вдруг приехал в святилище, увидел мой живот и предложил сыграть обещанную свадьбу. Он уберёт меня от позора, назвал твоего ребёнка своим. А я поклялась хранить тайну в благодарность за его великодушие.

— Великодушие? Ведь он убил меня, Маргрет! — прошипел я.

— Бальдр, — поглядела мне в глаза Маргрет. — Хёрд не убивал тебя.

— Хёрд отдал приказ, так?

— Хёрд не делал этого. Это сделал Вали! Без согласия Хёрда! — воскликнула Маргрет. — Вали хотел завладеть Эйсиром и обрести власть! Хёрд же, потеряв одного брата, побоялся потерять и другого, и покрыл совершённое Валли беззаконие своим словом.

— Это он сказал тебе?

— Да, — кивнула Маргрет.

— Он наврал тебе, наверное, чтобы ты была к нему ласкова, — ревниво прошипел я.

Маргрет помотала головой.

— Иногда ты невозможно упрям, — нахмурилась она. — Хёрд защитил меня, назвал Лейфа своим! Ты не веришь?

— Не верится, — покачал головой я.

— Хёрд никогда не звал меня в постель, — гордо подняла голову Маргрет.

— Так уж никогда?!

— Он уважал мой выбор. Он чтит тебя.

Кровь забурлила во мне. Я горячо поглядел на Маргрет, протянул ладонь к её лицу, провёл по щеке. Она схватила мою руку, прижалась. К её губам прилила кровь, от тела хлынул жар и вмиг согрел меня.

— Я так тосковала по тебе, — прошептала она.

Ресницы её слиплись от влаги. Я приблизил лицо и мягко поцеловал веки, щеку, губы. Маргрет сомкнула рот и не пустила в себя мой язык. Тяжело, со стоном, выдохнула и

выбралась из моих объятий.

— Милая, что ты? — недоумевал я.

— Я чту твоего брата, — задыхаясь, проговорила Маргрет. — Я поклялась быть ему верной женой. Не бесчестить его имя. Прежде, чем нам быть вместе, Хёрд должен развестись со мной.

Я стиснул зубы и поглядел на гонимые ветром волны. Туман поредел, и из него выступили громады скал на другом берегу.

— Не люблю, когда ты так страшно смотришь. Ты злишься, Баль? Скажи, о чём думаешь?

Я глубоко вздохнул и повернулся к Маргрет. Поправил прядь волос, упавшую ей на лицо, и заставил себя отнять руку.

— Я думаю о том, что обрёл веру. Спасибо, Маргрет.

— Ты странно говоришь, я не понимаю, — на лице Маргрет показались слёзы.

— Если бы ты отдалась мне сейчас, всё сделалось бы как прежде. Я бы вновь предал брата. Но ты показала мне, что есть и другой, честный путь. Не плачь, — я вытер ей лицо. — Я отвезу тебя к Хёрду. Я попрошу его простить меня за прошлое.

— Он простит, — кивнула Маргрет. — И обнимет тебя.

В стороне раздался хруст веток, я оглянулся.

— Подожди, стой! — послышался голос Годи. — Лейф, дай им побыть...

Из-за деревьев на нас выбежал Лейф с ревностно горящими глазами.

— Мама! Я тебя искал! — воскликнул он.

Из-за плеча Лейфа выступил Годи и виновато скривил лицо.

— Лейф, не стоит тебе тут гулять, идём... — воин схватил мальчика за руку и понянул за собой. Однако, увидев нас с Маргрет, сидевших в стороне друг от друга, воин развёл руками и непонимающе поднял брови.

— Идём Лейф, — сказала Маргрет, поднимаясь. — Ты голоден?

Годи проводил их взглядом и развернулся ко мне.

— Я был уверен, что ты с ней, — буркнул он.

— И ты не хотел мешать. Спасибо, Годи.

— Ну и почему ты не с ней?! — усмехнулся воин, поставив руки на пояс.

Я не успел послать Годи ко всем вшивым псам: с реки донеслось хлюпанье вёсел. Из тумана показалась лодка. Сидевший в ней человек из последних сил орудовал вёслами и со страхом оглядывался назад, в туман.

Мы с Годи побежали к причалу, чтобы помочь чужаку. Я узнал его. Это был Кетиль — хирдман старого Рёйрика из Хедвига, ставший моим хирдманом.

— Бальдр! — воскликнул он, увидев меня. — Бальдр, беги!

Кетиль пристал к берегу, Годи принялся крепить лодку на привязь.

— Что случилось, Кетиль? — подхватил я воина за руку, помогая выбраться.

Мы обнялись.

— Человек, которого вы отправили к Хёрду доложить... — задыхался Кетиль... — доложить, что ты ранен... и Маргрет и Лейф с тобой... Его убили, Бальдр! — Кетиль глотнул воздух. — Я подслушал разговор и узнал, что ты прячешься на Змеиной косе. Я поспешил предупредить тебя! Но за мной погоня, они сейчас будут здесь, беги!

Глава 16. Спасти́сь

От слов Кетиля в груди похолодело. Первым порывом было броситься к Маргрет и Лейфу, чтобы предупредить их, посадить в лодку и увезти. Но ведь Вали нужен я! Нельзя подвергать опасности тех, кого люблю!

Я сдержал порыв двинуться к хижине и достал меч.

— Годи, иди к Маргрет, — проскрежетал я, кивнув в сторону хижины. — Увези их. А я пока отвлеку ублюдков.

— Устал я бегать, Бальдр! — Годи с лязгом вынул клинок из ножен. — Сколько их там, Кетиль?

— Две лодки, человек по шесть... — ответил хирдман.

Кетиль тоже извлёк меч и встал рядом с нами, вглядываясь в угрожающие тени врагов, всё яснее выступающие из тумана. Через несколько мгновений они пристанут к берегу.

Руки похолодели, сердце заколотилось у самого горла. Много... врагов слишком много, чтобы мы выстояли...

— Уходите! — рявкнул я своим спутникам. — Вам не за что погибать!

Холодный ветер взметнул с земли мелкую пыль. Тревожно зашелестели деревья. Голоса, доносившиеся из лодок, становились всё громче. Моё сердце стучало громко, как барабан.

— Тебе тоже погибать не за что! — фыркнул Кетиль, прокрутив клинок в руке.

Лодки зашуршали о прибрежную гальку. Донеслось хлюпание шагов и звон стали во мгле. От близости битвы я рассвирепел.

— Пошли вон! — рявкнул я, развернувшись к друзьям.

Годи и Кетиль вздрогнули от неожиданности.

— Спаси мою жену и сына, Годи! — выкрикнул я в лицо воину, схватив его за воротник.

— Хорошо! — выпалил он. — Убери руку!

Годи вырвался из захвата и помчался к хижине через лес. Я бросил взгляд на Кетиля и увидел, что он заколебался.

— Чего стоишь?! Иди с ним!

Кетиль от моего свирепого вида попятился, оступился, затем развернулся и побежал. Я остался на берегу один, сжимая в потной ладони рукоять меча.

Воины Вали толпой шли на меня.

— Бальдр! Вот ты и попался! — прошипел один из воинов, как я понял, старший над ними. В его бороде сверкали металлические кольца, а во рту не было половины зубов. Нос был приплюснутый и искривлённый. Видимо, не раз ему его ломали.

Я поднял меч, давая понять, что живым не дамся. Убью, сколько смогу. И воины, понимая это, приближались ко мне медленно и осторожно.

— Найти жену конунга! — отдал приказ кривоносый предводитель. — Она где-то тут, с наследником!

Четверо воинов отделились от отряда и двинулись в лес. Я проводил их разъярённым взглядом, пока они не скрылись за деревьями.

«Годи, спаси их, прошу!» — мысленно проговорил я.

В меня прилетел первый удар. Я успел отскочить в сторону. Второй удар отразил мечом. Меня толкнули в спину, я пошатнулся. На плечо обрушилось что-то тяжёлое. Рукоятью меча

приложили? Острая боль заставила меня согнуться. Перед глазами возник мокрый башмак, несущийся в лицо. Я резко вывернулся и, не глядя, полоснул мечом. Почувствовал, как прорезал что-то мягкое.

— Ах ты, сука! — Раздался вопль воина. — Убью!

— Он нужен Вали живым! — рявкнул предводитель.

— Пока будем брать его живым, он всех нас перерубит, Лидуль! — ответил кто-то из воинов.

Один из воинов кинулся на меня. Я неистово зарычал, мой клинок взмыл вверх, яростно прорубив грудь врага. Кости хрустнули, воин упал замертво. Семеро оставшихся были ошеломлены силой удара и раздвинулись, расширив круг. Никто больше не решался нападать.

Я злился и нервно сжимал зубы. Но волновался я не за себя. Меня терзали сомнения: справятся ли Годи и Кетиль с четвёркой ублюдков, посланных схватить Маргрет.

Я вертелся из стороны в сторону, стараясь не пропустить удар в спину. Но пропустил. Я ощутил жгучую боль в бедре и понял, что меня ранили. Я развернулся, обрушивая меч на нападавшего. Враг отпрыгнул, оставив за собой брешь в окружении. Не упуская момента, я бросился в неё. Ноги перебирали по берегу так, словно я был волк, настигающий добычу. И если добычу я не настигну, семья моя погибнет от голода. Кровь сочилась из бедра волнами при каждом напряжении мышц.

— Схватить его! — скомандовал предводитель.

Я слышал за спиной тяжёлое дыхание, хрип и хлюпанье шагов. Враги в промокшей обуви скользили на гальке. Я не оборачивался. Я бежал по берегу вдоль рыбацкой деревни, удаляясь прочь от хижины, где были Маргрет и Лейф.

«Уведу врагов подальше, чтобы дать возможность Годи прорваться к лодкам», — думал я.

Пляж быстро кочился. Передо мной выросли высокие чёрные скалы. Я замешкался на миг: броситься в воду или лезть на скальную стену? В спину дышали воины Вали.

В воде мне пришлось бы бросить меч, но я больше не желал лишаться оружия. На ходу сунув клинок в ножны, я с наскака запрыгнул на скальную ступень. Схватился рукой за выступ, подтянулся и забрался на узкий карниз. Воины принялись карабкаться за мной.

От погони лёгкие в груди горели. Я прижимался к стене, медленно продвигаясь по карнизу, и радовался тому, что могу отдышаться. Первый из воинов, преследовавших меня, вскарабкался на карниз и медленно, шаг за шагом, повторял пройденный мной путь.

Ещё стоя внизу, под стеной, я заметил, что скалу испещряют ступенчатые разломы. Где-то они очень узкие, где-то пошире. Я понял, если проползу по этому выступу, по которому сейчас пробирался, то доберусь до более-менее вместительной площадки. Хоть бы мне хватило там места для двух ног!

Я преодолел последний уступ... И... Да! Могу стоять, не держась за скалу! Резким движением я достал меч, развернулся и проткнул воина, ступавшего по моему следу. Он закричал то ли от боли, то ли от досады. Потеряв равновесие, он рухнул вниз.

— Ну держись, мертвец! — рявкнул воин, шедший следом.

Он придерживался за стенку одной рукой, а другой угрожал мне мечом. Я бросил в него камень, подобранным у ног. Воин заслонил голову вооружённой рукой. И тогда я прыгнул вперёд и всадил клинок в его раскрывшийся бок.

— Кто следующий?! Ну! — прорычал я.

Третий воин замер на стене, не рискуя подступать ближе. Я подобрал ещё один камень и швырнул ему в голову. Я не глядел, достиг ли цели мой снаряд: развернулся и полез вверх, на новый уступ. Враги последовали за мной.

Вскарабкавшись на новую площадку, я пошарил глазами, нашел два небольших камня и метнул их в преследователей. Один из снарядов отбил врагу руку, тот не удержался и сорвался со скалы. Осталось четверо.

Кровь сильно вытекала из ноги, я чувствовал слабость, сердце натужно билось. Я понимал, что мои силы на исходе, и стоит мне напрячь мускулы, карабкаясь по стене, как я потеряю сознание. Я обречённо развернулся, ища глазами новый выступ, и даже обрадовался, когда увидел взмывающую ввысь гладкую стену без единой возможности зацепиться. Я остался стоять на узкой полке, под ногами у меня был обрыв. Деваться некуда — всё закончится здесь. Я достал меч и выпрямился, готовясь встретить с врагов. Я уже слышал их шёпот и хриплое дыхание за изгибом скалы.

Туман развеялся. Я бросил взгляд в сторону и увидел колыхание реки, я провёл взглядом вдоль берега к пристани и заметил, что от косы отплыла лодка. Всмотревшись, я различил в ней двух мужчин: Годи и Кетиль! А с ними были Маргрет и Лейф! Ох, неужели, ребята, вы спасли их! Увезите же их! Увезите отсюда!

От сердца отлегло, умирать стало не страшно — семья спасена. Я смело развернулся к врагам. Как раз первый из них забрался на полку — последнее моё пристанище.

Я улыбнулся и взмахнул мечом. От резкого движения в глазах потемнело, и ноги подкосились. Я прижался к скале и начал соскальзывать вниз.

Воин, что атаковал меня, увёл свой меч в последний момент и схватил меня за руку. Я услышал звон стали — клинок его летел вниз, ударяясь о камни. А я свой держал в руке. Вот так, враг пожертвовал мечом, ради меня, — подумал я.

— Ах, ты, ублюдок, куда забрался! — оскалился воин, втаскивая меня на скалу. — Вали же прикончит нас, если мы тебя не приведём живым. Не вздумай подохнуть, слышишь?

Я оскалился ему в ответ и уселся на полку, прислонившись спиной к скале. Я и сам не хотел умирать. Спасибо, уже проходили...

Я был так слаб, что не мог поднять меч и сражаться, но воля не позволила мне его выпустить. Воин наступил ногой мне на кисть и вырвал меч.

— Ух, Бальдр, ты как горный тур, проклятье! — из-за его спины высунулся его задыхающийся друг. — Ну, и как нам теперь его спускать, Руал?

— Либо сам пойдёт, либо вниз полетит! — проговорил первый, пожав плечами. — Что бы Вали с нами потом ни сделал — третьего не дано...

Воин по имени Руал перевязал мне рану на ноге, чтобы я не терял больше крови, потом мрачно поглядел в лицо. Я видел, что парень он был неплохой, и что умирать не хотел... Я положил руку ему на плечо, упёрся в него и поднялся на ноги.

Воины помогли мне спуститься со скалы, Руал придерживал меня всё время, чтобы я не сорвался. Когда мы оказались внизу, кривоносый Лидуль положил мне на голову тяжелые руки и пригнул к земле. Лицо укололи мокрые камни, на зубах закрипела земля. Я был настолько обессилен, что не мог сопротивляться. Меня связали и потащили к причалу. Я несколько раз терял сознание и вис на руках тех, кто меня тащил. Меня пинали ногами в рёбра, и я очухивался. Но потом стало совсем темно...

Брызги ледяной воды ударили мне в лицо, вода затекла в нос и в рот. Мне показалось, я тону в море, захлёбываюсь. Я открыл глаза и завертел головой.

— Очухался! — раздался довольный голос Лидуля. — Ну, вот, привезли живым, как ты и просил, Вали.

Я поморгал и огляделся по сторонам. Я лежал на палубе ладьи, вокруг было много воинов. Небо было тёмным — наступил вечер.

— А жена конунга? — произнёс Вали.

Я повернулся на голос и увидел, что брат стоял у меня над головой и вертел в руке цепочку с амулетом Маргрет, которую, видимо, отнял у меня.

— Удрала, — ответил Лидуль.

— Как баба могла уйти от дюжины моих лучших хирдманов?!

— Вали, — замялся воин, — Бальдр напал на нас! Он убил шестерых! Ты сказал, он раненый и немощный, но он дрался, как зверь! Он стал сильнее, чем был когда-либо прежде!

— Ладно, поднимите его и привяжите в мачте.

Двое воинов выступили из толпы, ухватили меня за плечи и подняли, а затем поволокли, не давая самому встать на ноги. Я чувствовал, что был измотан, слаб, голоден и очень хотел пить. Губы растрескались и болели. Одежда была мокрой, мне было холодно.

Меня придавили спиной к широкому стволу мачты, завели руки назад и крепко связали верёвками.

Вали подошёл ко мне медленно, извлекая нож из искусных ножен на поясе. Лезвие блеснуло в свете лампы, подвешенной у меня над головой.

— Скажи мне, где Эйсир, брат? Или я выпущу из тебя кишки, — Вали провёл ножом перед моим лицом.

— Иди к Хель! — прошипел я — и тут же получил в ответ удар локтём в скулу.

Голова чуть не треснула. Ох, наверное, я зря испугался днём упасть со скалы, теперь меня будут пытаться... Хотя, нет-нет, я жив, а быть живым лучше, чем быть во Тьме. Туда я всегда успею...

Вали фыркнул мне в лицо зловонным дыханием и, поддев лезвием мою рубашку, распорол её. Холодная сталь упёрлась в живот. Я стиснул зубы. Страх запульсировал в висках. Боги... Да что ж вы меня так мучаете?..

— Говори, или сам к ней отправишься! — рявкнул Вали.

Он надавил на лезвие, погрузив его в мою кожу и мышцы, и повёл вверх. Я скорчился от режущей боли и ещё крепче сжал зубы. Они захрустели. Тёплая кровь обильно потекла на штаны и башмаки. Мне уже не было так холодно. Но мне стало очень страшно в предстоянии перед смертью: вновь ощутить весь этот холод и мрак, одиночество и непроходящую боль... Нет, больше я этого не хотел!

Вали отнял нож и с любопытством поглядел на меня: начну болтать или нет. Я так злился на него, что собрал в пересохшем рту остатки слюны и харкнул ему в рожу.

Брат спокойно отёр лицо.

— Ты так сильно хочешь стать Бессмертным? Хочешь сам стать героем и убить Хассера? — покачал головой Вали. — Но ведь ты не уйдешь отсюда живым, брат. Я обещаю!

— Что значит стать Бессмертным? — прохрипел я.

— Разве ты не знаешь? — заржал Вали и склонился ко мне. — Разве мать не рассказала тебе, ведь ты был её любимцем?!

— Нет, — покачал я головой.

Вали взял моё лицо в руки, словно в тиски и прижался к уху.

— Перед тем, как Мать уплыла, — прошипел он, брызжа горячей слюной, — она поведала мне, что Хель, ее сестра, на заре времён наградила Хассера Бессмертием за его к ней любовь. Но, как и все нормальные мужчины, он знал многих женщин. Хель заревновала и создала меч Эйсир, который мог бы убить Хассера. Она отправила с ним героя. Герой конечно погиб, Хассер завладел мечом и это продолжалось много веков, пока наш отец не украл его, чтобы покорить нашу Мать... Тот, кто убьёт Хассера, получит его Бессмертие, Бальдр... — Вали отстранился от меня и выкрикнул в лицо: — Скажи мне, где меч, братец!

— Лучше я отправлюсь к Хель, чем скажу! — выдавил я из последних сил.

— Ох, Бальдр, — тяжело вздохнул Вали, подняв остриём ножа мой подбородок. — Брат, ты же понимаешь, когда я найду Маргрет, я отдам её своим воинам, они отымеют ее, каждый, а потом отдам воинам конунга Олава. А потом, когда она будет лежать обессиленная, избитая и такая влажная, я отдам её псам, чтобы и они тоже отымили её.

Я что-то крикнул в ответ — уж не смог сдержаться, и Вали криво ухмыльнулся, ожидая, что я сейчас разговариваю. А я молчал. Я поглядел на брата с лютой злобой, и заметил, как он вздрогнул, сглотнул, испугался... Если бы верёвки не удерживали меня, я бы вцепился в плотку брату и зубами порвал ему горло. Пальцами достал бы его проклятое сердце и разорвал на части.

— Что ж, — просипел Вали, отодвинувшись от меня на несколько шагов, и кивнул воину, стоявшему неподалёку, — займись им, Актеву, мне уже противно.

«Посмел бы ты, ублюдок, угрожать ещё Лейфу, если бы знал, что он мой сын — никакие верёвки не удержали бы меня!» — подумал я.

Ко мне двинулся воин с плечами, шириной достойными йотуна, и закрыл собой весь свет. Моя голова находилась примерно на уровне его груди. Руки были толстые, как брёвна южных лесов, а лицо узкое, с низким лбом, раскрашенное рунами. Пахло от него тухлой рыбой. Запах был так силён, что на миг я позабыл о страхе и думал лишь о том, чтобы меня не стошнило.

В руках Актеву был нож. Я поглядел в глаза своему палачу. Меня затрясло, плечо нервно задёргалось, и я не смог унять предательскую судорогу.

Я продолжал сверлить палача взглядом и видел, что и он, и я понимали: это нормально. Нормально дёргаться, когда тебя режут. Актеву зашёл мне за спину, вывернул ладонь, и я ощутил обжигающую боль — он принялся медленно вырезать мне ноготь.

— Су-ки, — простонал я.

— Ярл Вали! — донёсся крик воинов у борта. — К нам идёт лодка конунга Олава!

Воины зашумели, готовясь к встрече посланников. Я был рад гостям, потому что меня ненадолго оставили в покое. Актеву убрал нож за пояс и прилежно вытянулся, увидев гостей.

Холодный ветер трепал на мне лоскуты порванной рубашки. Начал накрапывать дождь, и я высунул язык, чтобы поймать хоть немного влаги. Я очень хотел пить.

— Конунг Олав вернулся с переговоров с конунгом Хёрдом! — донёсся до меня голос одного из посланников. — Хёрд отказался сдать Тронхейм.

— Вот уж не удивил, слепой дурак! — воскликнул Вали, разозлённо замотав головой. — Я говорил Олаву, что переговоры лишь оттянут время! Нужно было нападать врасплох, а не

стоять в гавани неделю! Ну теперь-то уж братец уж подготовился!

— Олав хочет напасть утром, — понизил голос посланник. — И хочет обсудить с тобой план сегодня вечером. Приходи.

— Приду, — сказал Вали.

Посланники вернулись в лодку и отплыли. Актеву вновь встал передо мной, скаля зубы. А Вали, обходя меня стороной, направился под полог. Рука его продолжала вертеть амулет Маргрет. Злость вскипела во мне.

— Я скажу тебе, где меч, — проговорил я.

— Скажешь? — поднял брови Вали.

— При условии, что ты возьмёшь меня на переговоры к Олаву!

Глава 17. Конунг Олав

— Ты что за дурака меня держишь? — усмехнулся Вали, приблизившись ко мне. — Чего ты хочешь от Олава? Хочешь рассказать старику, где меч, чтобы он освободил тебя?

— А разве вы не так с ним условились? — смекнул я.

Вали почесал бороду.

— Откуда знаешь?

— Догадался, — устало вздохнул я. — Ты призвал его на войну с Хёрдом, чтобы он помог тебе стать конунгом Истлага, пообещав взамен Бессмертие. Несложно догадаться. Но теперь я понял, что ты решил обдурить конунга Олава и сам хочешь стать Бессмертным.

— Вот! Потому я не возьму тебя с собой, ведь ты всё разболтаешь!

— Не разболтаю.

— Как я могу тебе верить? — усмехнулся Вали.

— Ну, я и сам не прочь стать Бессмертным, зачем нам конкурент, Вали? Сам подумай.

— Что ж, тут ты прав... Но я всё равно не возьму тебя, ты что-то задумал.

— Тогда я не скажу тебе, где меч — можешь убить меня.

Вали подошёл ко мне вплотную и взгляделся в лицо. Я видел в его глазах гнев и страх. Я нагло оскалился и дёрнул плечами, будто хочу напасть. Братец вздрогнул и отпрыгнул от меня.

— Сука ты! — вскрикнул он. — Актеву, вырви ему зуб! Ты у меня ещё заговоришь, Бальдр!

Актеву приблизился, схватил моё лицо стальными пальцами, раздвинул губы... Он вытащил мне зуб голыми руками. Я чуть не потерял сознание от боли, но не завопил. Спасала меня лишь мысль о том, что Маргрет и Лейф в безопасности и что Маргрет думает обо мне и верна мне.

— Бесполезно, — вздохнул Актеву. — Он друг... Он не чувствует боли так сильно, как человек. Вали, драть ещё зуб?

Брат ходил по палубе ладьи взад вперёд, кусая губы.

— Бесполезно, сам вижу, — прорычал брат. — Ладно, Бальдр, пойдёшь со мной к Олаву. Лидуль, пойдёшь с нами, и если этот ублюдок расскажет Олаву, где меч, то тут же отправишь за ним людей. Вы должны опередить Олава, понял меня?

— Понял, ярл, — кивнул Лидуль. — Руал, чего стоишь, отвяжи Бальдра и тащи в ладью. Ты потерял меч, вот теперь таскайся с другом!

Руал, скорчив лицо, подошел и срезал ножом путы. Я тут же упал на колени, и все вокруг расхохотались.

— Прям, как мешок с дерьмом! — донеслись усмешки.

Руал раздвинул мне рубашку и перемотал рассечённый живот тряпицей. Потом он поднял меня, закинул себе на плечо мою руку и повёл к борту, за которым ждала лодка.

В лодке уже сидел Вали, закутавшись в тяжёлый меховой плащ. Рядом с ним был Лидуль с масляной лампой в руках и ещё два воина на вёслах. Руал помог мне перебраться через борт ладьи и посадил на скамью в лодке.

— Свяжи его! — тьякнул Вали Руалу.

— Так он даже идти сам не может, — пожал плечами воин.

— Плевать, я сказал: свяжи! И отправляемся, — приказал брат с недовольным видом.

Руал достал ремень и крепко стянул мне руки.

Было уже темно, ветер гулял над водной гладью, пронизывая насквозь. А что, холод сейчас был мне милее всего — он унимал боль в челюсти.

Мы прошли мимо трёх ладей Вали, с которых донеслись крики, приветствующие ярла, и вышли на широкий простор в направлении драккаров конунга Олава. Я видел впереди тёплые огни ламп у них на бортах. Жёлтое свечение посреди крошечного мрака успокаивало. Я почему-то подумал о Йорунн и об огне, о котором она говорила, и который мог бы освещать мне путь в чертогах Хель. Бедная добрая девочка пожертвовала ради меня молодостью, отдала за меня жизнь, а я сижу тут окровавленный, близкий к смерти, как никогда, неужели я не оправдаю её надежды? Интересно, как она, успела ли спастись? Жива ли?..

Мысли о Йорунн увлекли меня, и я меньше страдал от боли.

— Холодно, пёс его дери..., — проворчал Лидуль, кутаясь в плащ, и вырвал меня из размышлений. — Только начало осени, а ночи уже лютые, тёмные...

— Хассер близко... — глухо отозвался парень на вёслах. — И чем он ближе, тем ночи дольше и холоднее...

Ветер заглушал слова, хлопал по ушам. Я перевёл взгляд с приближающегося борта ладьи конунга Олава в чернеющее пространство и увидел мерцание зелёных огней — берег был довольно близко, должно быть, это был Тронхейм.

— Что ты задумал, Бальдр? — хрипло произнёс Вали. — Я же вижу, ты что-то задумал... Только не могу понять что.

Я грустно улыбнулся.

— Скажи мне, брат, где запястье, которое я подарил тебе незадолго до того, как ты убил меня? — сказал я после долгого молчания.

— Запястье? Не помню... — ответил Вали.

Я сглотнул, ощутив кровь на языке. Мне было очень больно знать, что сидевший напротив человек был моим братом. Он не ценил дорогого подарка, что я сделал ему. Больше всего на свете мне не хотелось, чтобы он сумел стать Бессмертным богом. Я ненавидел его.

— Ах, то запястье... — нахмурился Вали. — Я так и не сумел определить, из чего оно. Сначала решил, что сойдёт за серебро, но я догадался что ты подмешал туда железа. Закинул дома в сундук с добром. Должно быть, до сих пор там валяется.

Лодка ударилась о борт ладьи Олава.

— Конунг заждался тебя, ярл Вали, — сказал кто-то из воинов, принимавших нас.

Морской воздух проветрил мне голову, я пришёл в чувство, откуда-то взялись силы, и я смог идти самостоятельно. Нас привели под полог, натянутый на палубе драккара. Беловолосый Олав сидел за столом, вокруг него собрались воины, все украшенные рунами — сильные и умелые бойцы.

— Садись, Вали, — указал конунг на место напротив себя. — Кто это с тобой? Бальдр? Ты его совсем от себя не отпускаешь?

— Его отпустишь, хе! Брат всё же, — улыбнулся Вали, покачав головой, кольца в его бороде звякнули.

— Садитесь оба, — кивнул Олав.

Мы сели. Люди Вали встали у нас за спиной.

— Завтра ты станешь конунгом Истлага, ты готов отдать мне Эйсир? — прищурился

Олав.

Вали лизнул губы и покрутил головой.

— Бальдр не колется, — махнул он рукой в мою сторону. — Я привёз его тебе, чтобы ты сам узнал у него, где меч.

Олав перевёл на меня взгляд и нахмурился от моего потрёпанного вида. Борода у меня была обильно в крови, на теле — разодранная рубашка, тоже вся в крови. На пальцах недоставало двух ногтей, и вместо них налились чёрные мясистые мешочки.

— Если уж ты не смог разговорить его, то и я не смогу, — проговорил стальным голосом конунг. — Но всё же я спрошу тебя, Бальдр, где твой меч? Ответишь мне?

— Отвечу, — сказал я. — Но я хочу, чтобы ты приказал Вали отпустить меня. Я ведь ярл, и брат не имеет права удерживать меня.

Олав погладил седую бороду и вытянул губы.

— Верно, — кивнул он. — Я отпущу тебя, слово конунга. Говори.

Вали заёрзал в кресле, бросая испепеляющие взгляды с Олава на меня и обратно.

— Я расплавил меч перед смертью, — произнёс я громко. — Я сделал из него украшения и раздарил близким. Одно из них подарил матери, и она увезла его с Истлага. Меч не вернуть назад.

Лицо Олава, несмотря на черноту рун, побледнело. Вали стукнул кубком по столу.

— Не мог сказать мне раньше?! — выругался он, поглядев на меня, как обозлённый пёс.

Я не взглянул на него и не ответил, я глядел на Олава.

— Вали, развяжи Бальдра, — приказал он.

Брат, сердито пыхтя, кивнул Руалу, и снял ремень с моих запястий.

— Благодарю, Олав, — сказал я, потянувшись к кубку.

Жадно опустошив кубок, я глубоко вздохнул, и потянулся за лепёшкой и мясом. Жевать было ужасно больно, челюсть, лишённая зуба, выла, но я очень сильно хотел жрать.

Олав и Вали глядели на меня с удивлением.

— Что ж ты не покормил своего пленника, ярл Вали, тем более брата? — усмехнулся конунг. — Он так сметёт все мои запасы!

— Ладно, к делу, Олав! — буркнул Вали. — Меча нет, но мы ведь пойдём завтра на Хёрда?

Олав тяжело вздохнул и откинулся на спинку кресла.

— Ты не дашь мне обещанного, значит, и я не обязан исполнять обещанное тебе, — сказал конунг.

Я облегчённо вздохнул, проглотил кусок и запил скиром.

— Олав, я благодарен тебе за справедливость, — сказал я. — И за стол, — я поднял кубок, усмехнувшись окровавленными губами.

— И я благодарен тебе за честность, Бальдр.

— Олав, Истлаг обречён... — глухо произнёс я. — Я хотел бы попросить у тебя пристанище для наших людей. Скоро зима, мы не выстоим против тёмных тварей. Море чудовищам не перейти, людям нужно уплывать прочь, в южные земли, чтобы найти новый дом. Я прошу тебя дать нам приют. И попрошу об этом конунга Харальда.

— Без победы над Хассером вы обречены — это верно, Бальдр, — поразмыслив проговорил Олав. — Но я не могу дать приют вашему народу — земля не безгранична, мы сами живём небогато и не можем кормить вас всех! Я не дам приюта.

— Что ж, твоё право, — стиснул зубы я.

Я особо не надеялся на благодушные конунга, но попытаться должен был, ведь я хотел мира, я хотел жизни для себя и своей семьи, для своего народа.

— И вы действительно обречены, — протянул Олав. — Потому я немного помогу вам...

Я с надеждой поглядел на конунга и заметил, как Вали тоже глядит на него с надеждой.

— Зря что ли я приплыл? — усмехнулся Олав, отпив из кубка. — Завтра мы войдём в Тронхейм, поубиваем вас, чтобы вы не мучились, разграбим, заберём добро — чтобы не пропадало. — Как тебе такой план, Бальдр?

Меня затрясло от злости, но я сдержался. Разговор был исключительно деловым, лютовать и бить морды было неуместно.

— Молчишь? — проговорил Олав. — Молчи...

— Конунг Олав! — воскликнул Вали. — Я всегда был верен тебе и буду верен и дальше, я пойду с тобой на Тронхейм!

— Пойдешь, Вали, пойдешь, успокойся.

Я отложил лепёшку — в меня больше ничего не лезло.

— Если ты поел, то волен уйти, ярл Бальдр. Держать тебя я не буду, — сказал Олав. — Хочешь, возвращайся в Тронхейм, тогда завтра ты погибнешь. Хочешь — беги, куда глаза глядят. Но, если хочешь, то можешь остаться и служить мне. Я вижу, тебе можно верить. Ты будешь богат, я дам тебе землю, заведёшь семью. Что скажешь?

Предложение Олава прозвучало заманчиво, я даже размечтался. Моя земля, мой дом. Жена, дети... Вот только жена моя в Тронхейме и сын тоже. И все друзья. И Йорунн неизвестно, жива ли она ещё... Я помотал головой, поднимаясь из-за стола.

— Благодарен за предложение, — я пожал руку конунгу двумя руками. — Но я вернусь в Тронхейм.

— Жаль. Правда жаль, Бальдр, — медленно качнул головой Олав. — Дайте лодку Бальдру и гребцов, — кивнул конунг своим людям.

Уходя из-под полога я видел, как неистово горели глаза моего брата. Я развернулся и подошёл к нему, нагло сунул руку ему за ремень и забрал из поясного мешка амулет Маргрет.

— Это принадлежит мне! — проговорил я.

Олав поднял руку, остановив воинов, которые уже чуть было не кинулись на меня. Я ушёл.

Море волновалось, и волновалось моё сердце. Ветер бил в лицо, лодка раскачивалась во мраке, то и дело норовя перевернуться. Но опытные гребцы конунга Олава сражались с волнами и приближали меня к Тронхейму. Я держал в руках лампу, она освещала мой путь в ночи и согревала меня.

Гавань окружали скалы, а над ними поднималась выложенная из булыжников стена — тёмных тварей тут не было. Мы прошли мимо стоявших на страже ладей Хёрда — они прижимались плотно друг к другу, двадцать или тридцать драккаров. Я помахал караульным, которые с грозным видом уставились на нас с бортов. Узнав меня, они кивнули в ответ и не стали мешать.

На причале заволновались, увидев наше приближение. Собралась толпа воинов, но видя, что нас всего трое и мы не угрожаем оружием, нас приняли мирно. Я выбрался из лодки и махнул гребцам:

— Счастливого пути.

Они лишь оскалились в ответ и принялись работать вёслами в обратную сторону,

отдаляясь от берега.

— Отпустите их, не трогайте! — приказал я хирдманам Хёрда, окружившим меня на причале.

Сквозь толпу пробился худой высокий парень и бросился ко мне на шею со светящимися от радости глазами.

— Бальдр! Я так ждал, когда ты вернёшься!

— Рагги? Ты ли это? — Я отстранил юношу и рассмотрел его.

Это был сын старого хирдмана Рёйрика из Хедвига, мальчик, которого я назвал своим первым хирдманом.

— Что ты здесь делаешь, Рагги? Почему ты не в Хедвиге?

— Тебя долго не было дома, Бальдр, и я заволновался. Я решил отправиться за тобой в Тронхейм с парочкой ребят из усадьбы, подумал, вдруг тебе нужна помощь. Тут мы встретили Кетилья, и он всё рассказал, что произошло. Что за тобой гонятся люди Вали, и должно быть схватили...

— Ладно, не тараторь так, я тоже рад тебя видеть. Пошли, в дом, я замерз, как собака.

Рагги скинул с себя меховой плащ и набросил мне на плечи. Я попытался отказаться, но мальчишка не позволил, и я принял с радостью тепло его тела, сохранённое в мехе.

— Что ты так глядишь на меня, парень? — удивился я.

Рагги стоял, широко раскрыв глаза и взволнованно потирая губы.

— Что с тобой сделали? — сглотнул он. — Ты весь в крови, весь совершенно... Тебе ногти вырвали...

— Потрепали немного, — успокоил я парня.

Хирдманы Хёрда указали мне идти в долгий дом и пристроились следом, не отставая от нас с Рагги ни на шаг.

— А что Кетиль? Вернулся ли он? — взволнованно проговорил я.

— Да, он в большом зале.

— И Маргрет тут?! И Лейф?! — воскликнул я.

— Да, здесь! Кетиль с хирдманом Годи привезли их. Про тебя ничего не знали, и все уж думали худшее! Не представляешь, Бальдр, как я рад, что ты вернулся!

— А усадьба как? Твари приходили ещё?

— После того, как ты прогнал йотуна, они больше не совались под стены, но в лесу их тьма... Я приказал укрепить стену. Мы заготовили леса столько, сколько могли. Починили протекающие навесы — всё теперь сухое. Женщины сделали новые катки сыра, заготовили мёда. Мы все очень ждали тебя, Бальдр.

Ступая на крыльцо долгого дома я остановился и поглядел на Рагги.

— Я сделал правильный выбор, назначив тебя старшим. Я доволен, Рагги. Не представляешь, как я доволен.

Юноша зарделся. Я скинул с себя плащ и вернул ему на плечи. Прижал его голову к себе и сказал:

— Дружок, слушай внимательно.

— Слушаю, ярл... — проговорил он, глаза его заблестели от осознания важности моих слов.

— Как только рассветёт, бери коня и скачи в Тюрберг, в усадьбу Вали. Скажи, что ярл Вали прислал тебя, соври, но войди в дом. Отыщи сундук с добром и достань оттуда запястье из такого металла, — я протянул Рагги амулет Маргрет. — Погляди внимательно, немного

жёлтый, как золото, но скорее белый, как раскалённое серебро.

Я дал амулет Рагги в руки, чтобы он хорошенько рассмотрел его.

— Хорошо, я понял, ярл, — кивнул парень и вернул мне амулет обратно.

— Потом скажи в домой в Хёдвиг, понял?

— Понял!

— Только ради всех богов, береги себя, — горячо проговорил я, прижав парня к себе.

Хирдманы Хёрда обступили нас, одарив непонимающими взглядами, чего мы столпились на крыльце. Рагги отстранился от меня и запахнул плащ, защищаясь от холодного ветра.

— Пойду, велю приготовить мне коня и подремлю часок, — сказал он и, раздвинув хирдманов, ушёл.

Псы, лежавшие у крыльца, не зарычали на меня и даже не подняли голов — я теперь свой? Ну надо же!

Я отворил дверь и вошёл в зал. Мне в лицо ударила волна жара от очага. Нюх одурманил запах жареного на вертеле барашка, свежеспеченного хлеба и сладкого мёда. Всё то, что я знал и любил с детства. Я оказался дома.

Пошарив глазами, я увидел в густом полумраке зала на возвышении конунга Хёрда, сидевшего в кресле за столом, рядом с ним были Маргрет и Лейф. В груди у меня заныло.

Воины, находившиеся в зале, увидев меня, затихли. Кетиль привстал из-за стола, поглядев на меня ошарашенными глазами. Я кивнул ему и, склонив голову, медленно зашагал вдоль очага к Хёрду.

— Бальдр! Живой! — раздался голос Годи.

Зазвенела опрокинутая посуда, загромыхали шаги, тяжёлые руки хирдмана сжали меня за плечи. Мы обнялись с Годи.

— Ох, не думал я, что увижу тебя живым! — проговорил он.

— Годи! — похлопал я его по плечам. — Как я рад, что вы выбрались...

— Идём, Бальдр, — потянул меня хирдман за локоть к столу, за которым сидел мой слепой брат.

Я тяжело вздохнул и шагнул на возвышение к Хёрду, прошёл мимо Маргрет, чуть уловимо тронув её за плечо, и присел на колени перед братом. Рассечённый живот защищало до слёз, всё тело заныло от усталости, наверное, я уже не смогу подняться, но я должен был преклониться. Я пришёл попросить прощение у брата за то, что пытался убить его и за то, что предал его в прошлой жизни. Я хотел дать ему клятву быть верным братом, но гордое горло не могло выдать ни слова...

— Что, на этот раз ножа при тебе нет, хе? — усмехнулся Хёрд.

Думаю, он всё понял и не стал издеваться надо мной, зная то, что мне пришлось пережить за последние дни.

— Нет, — усмехнулся я в ответ.

— Для мяса пригодился бы, ну ничего, садись за стол, брат... Маргрет, прикажи поухаживать за Бальдром.

Я выпрямился, поморщившись от боли в ранах, и рухнул на скамью напротив Маргрет. Она глядела на меня глазами, похожими на блюдца, ведь я был весь в крови — изувеченные руки, рот, надрезанный живот. Я очень хотел взять её ладони, лежавшие на столе, но они были белыми, как мрамор, а я был таким грязным... Хмурый взгляд Лейфа разрешил мои сомнения.

— Бальдр, ты на кусок мяса похож... — проговорил он, глядя на меня с тревогой. — Отец, Бальдр сильно ранен, нужно заняться его ранами...

— Бальдр... — заволновался Хёрд. — Годи, проводи Бальдра в покои, позови женщин, пусть осмотрят раны. Сделай всё для него, накорми и положи спать, ведь он так многое сделал для меня: спас мою жену и сына из лап Вали...

Меня передёрнуло, когда Хёрд назвал Лейфа сыном, но я сдержался и промолчал.

— Нет времени спать, Хёрд, — проговорил я, хотя сам валился от усталости. — Олав нападёт на нас с рассветом.

— Я знаю, — строго ответил брат. — Потому иди, отдохни.

Глава 18. Напиток богов

— Ты истекаешь кровью... идём, Бальдр... — Годи придержал меня за плечи, помогая встать.

Я не отпустил кубок с мёдом, взял его с собой.

— Пусть еды принесут, — прохрипел я. — Мне и правда лучше покушать лёжа.

— Эй, Сольвейг и Орнелла, идите за мной, — кивнул Годи двум служанкам. — Захватите мяса и лепёшек.

Орнелла была темноволосая, с примесью иноземных кровей, я с любопытством заглянул в её смуглое личико: красивая. Маргрет строго поглядела на меня, в её глазах полыхала неподдельная тревога и желание броситься ко мне, но долг перед мужем-конунгом не позволял ей ни приблизиться ко мне, ни заговорить.

Я кивнул, что понимаю. Она поджала губы и ответила взглядом.

— Подожди, — сказал Кетиль. — Дай я помогу.

Мой хирдман оказался рядом и закинул себе на плечо мою руку.

— Кетиль, как Йорунн, где она? Ты давно её видел? — вдруг вспомнил я.

— Она... — опустил взгляд воин. — Она при смерти, лежит в женской половине.

— Проводите, я должен её увидеть.

— Да ты сам еле живой... — буркнул Годи.

Я заметил, как от моего желания увидеться с Йорунн лицо Маргрет побледнело.

— Ведите, — приказал я.

Йорунн лежала на постели, бледная. Хотя, куда уж бледнее. Я так ясно увидел в её сморщенном лице черты той девушки, с которой мы убегали по лесу от Хассера.

— Йорунн, слышишь? — я сжал её руку, и глаза старухи слегка приоткрылись, но были застланы белёсой пеленой. — Ты убежала от него, — улыбнулся я, присев к ней на край постели.

— Пока ты его отвлекал, мне удалось спрятаться, — чуть растянула губы она.

— Я рад, что ты очнулась. Как ты себя чувствуешь?

— Как может себя чувствовать старуха? — прохрипела она, уголки её губ опустились вниз. — Я рада, что ты пришёл и принял то, что должен был принять. Мне уже не помочь, но ты можешь спасти многих людей, милый, сделай это.

— Меча нет... — проговорил я в отчаянии, сделав глоток из кубка.

Йорунн слабой рукой потянулась к столу, что стоял возле изголовья и нащупала сверкающую в свете лампы брошь.

— Возьми это, — вложила она мне в ладонь холодный металл — частицу Эйсира. Я отставил кубок на стол и принялся рассматривать брошь.

— Сделай меч снова, Бальдр! Разрушить смог, сможешь и создать! — прокричала старуха. — Отбери свои подарки у родичей и отлей заново...

— Я думал об этом, Йорунн, неужели ты меня совсем за дурака держишь? Но часть меча у Матери, а её нет в Истлаге, она никогда не вернётся.

— Будет у тебя меч поменьше, ничего в этом такого нет, почему вы, мужчины, так об этом переживаете?

— Хорошо, Йорунн, я понял. Я отолью меч из того, что сумею добыть, — я сжал в руке брошь. — Я уже послал Рагги найти запястье Вали у него в усадьбе.

Старуха ласково улыбнулась.

— Вот и хорошо, милый. Наконец, ты начал действовать... А теперь иди, я снова теряю сознание...

— Йорунн, — склонился я к подруге, — не умирай пока. Я сумею защитить Истлаг от Хассера, обещаю тебе.

Йорунн закрыла глаза, и я не был уверен, что она дослушала меня. Я поцеловал её в лоб и пристально взгляделся на то, движется ли её грудь под покрывалом. Когда увидел, что движется, успокоился. Взял кубок и кивнул соратникам:

— Ведите меня отдыхать.

Мы разместились в небольшой комнатке в долгом доме, отделённой от большого зала толстой шкурой. Я сел на постель, она была тут широкая, как у меня в Хедвиге. Годи принялся меня раздевать, ворча под нос и тяжёло вздыхая.

Я допил мёд и протянул Кетилью кубок. Задумался, стоит ли напиваться: без кувшина, а то и двух мёда мне точно не уснуть сегодня — слишком тянули раны, слишком терзалась душа. Но завтра битва, я должен быть в ясном уме.

— Ещё? — спросил Кетиль.

— За ужином ещё один кубок и довольно. Где там еда?

Тут в комнатку вошли служанки. Сольвейг несла в одной руке бадью с дымящейся водой, в другой куль со свежей одеждой. В руках Орнеллы был кувшин мёда и огромное блюдо с мясом, сыром, лепёшками и зеленью.

Я попросил у Годи нож и принялся нарезать мясо помельче окровавленными руками. Девушки распахнули мою рубашку и ахнули.

— Ярл, как ты можешь так спокойно кушать, когда на тебе живого места нет, — удивилась Орнелла.

— Так я не живой, забыла? — хмыкнул я, протянув ей кусочек сыра на ноже.

— Нет, благодарю, ярл, сначала работа... — отказалась она.

Конечно, у самого всё болело, но ни одной женщине не понравится жующий соплю мужчина, разве что этот мужчина её сын и ему три года от роду. Я дёрнулся, когда Сольвейг прикоснулась к ране. Умная девочка поняла, что я всё же живой, и стала действовать аккуратнее.

Кетиль наполнил кубки мёдом и протянул мне. Подогретый — то, что надо, я так замёрз, так устал.

— Ну, расскажи, как тебе удалось выбраться? — спросил Годи. — Ты удивляешь меня, Бальдр! И восхищаешь!

— Спасибо, Годи, ты тоже восхищаешь меня. Но лучше тебе не знать... Без путешествия в Хельхейм... вряд ли я смог бы уйти от Вали и Олава.

Я полулежал на застеленной шкурами скамье, жевал пищу и пил с соратниками. Сольвейг нежными пальчиками обтирала мне грудь тёплой водой, а Орнелла готовила перевязку для живота. С раной на ноге она уже закончила, туго перемотав бинтами, перед этим раздев меня до исподнего.

Удивительно, но я расслабился и сделался спокоен, несмотря на то, что завтра должна разыграться битва, какой Истлаг ещё не видывал. Мы всегда дружили с конунгами с большой земли, никто никогда на нас не нападал, это мы нападали на южных вождей, на западных, что жили далеко за морем и говорили на другом языке. Мы с конунгом Олавом и конунгом Харальдом были связаны давнишними кровными узами, у нас были общие предки, и конунг

Олав, выходит, пошёл против своих же. Но кто его осудит, ведь его подначил Вали, наш с Хёрдом родной брат.

Занавесь сдвинула чья-то тяжёлая рука, я вышел из задумчивости. В комнатку вошёл Хёрд, опиравшийся на плечо Лейфа.

Служанки вытянулись, будто делали что-то неприличное. Возможно, они боялись, что в комнату войдёт королева Маргрет, страшно заревнует и накажет, Хёрда вряд ли девушки опасались, ведь он был слеп. Похоже, мои догадки оказались верны. Убедившись, что с Хёрдом никого, кроме Лейфа, нет, служанки вновь принялись заниматься моими ранами.

— Ну, что, как ты, Бальдр? — проговорил Хёрд.

— Живой пока. Садись, — я сдвинул ногу от края ложа, давая место.

— Откуда ты узнал, что Олав нападёт завтра? — спросил брат. — Ты говорил с ним?

— Да. Я был у него на ладье. Вали с ним. У них сегодня военный совет. А как твои дела, Хёрд? Ты подготовился к битве?

Брат глубоко вздохнул и плотно сжал губы.

— Разве можно к такому подготовиться... — признался он. — Завтра многим придётся погибнуть. Я этого не хотел. Предлагал Олаву землю. Предлагал даже подданство. Я не хотел войны.

— Ему не нужны наши гибнущие земли, которые скоро поглотит тьма. Ему нужны наши богатства, — покачал головой я.

— Ты не вспомнил, где меч?

— Вспомнил...

— Говори же! — потребовал Хёрд.

— Часть его у тебя на руке, — сжал я Хёрда за запястье. — Я расплавил меч, сделал из него украшения и раздал близким.

Хёрд снял запястье и протянул мне.

— Отлей меч заново, спаси Истлаг, Бальдр!

Я почувствовал исходящее от металла тепло руки своего брата.

— Я сделаю это, — тяжело вздохнул я.

Лейф глядел на нас полным внимания взглядом, и было видно, что он старается вникнуть в разговор и разобраться. Хороший мальчик, из него получится хороший вождь. Если, конечно, мы сумеем отстоять наши земли.

— Завтра я пойду на драккар, — проговорил Хёрд. — На море будет самая страшная битва, я должен быть там. Тех, кто прорвётся мимо наших ладей, на берегу будут встречать хирдманы — последний оплот. Около сотни воинов останутся на берегу. На море — тридцать драккаров. Лейфа и Маргрет я попросил увезти на рассвете... В Хедвиг, если ты не против, Бальдр. Он у тебя неплохо укреплён, как мне рассказали.

— Нет, отец! — вознегодовал Лейф. — Нет, я хочу остаться в Тронхейме, я буду сражаться!

— Лейф, кто-то должен остаться, если отцы погибнут, — строго сказал я. — Мы всегда оставляли детей в безопасном месте и потому наш род до сих пор жив. Послушай, что отец говорит. Уедешь. Защити мать.

Лейф недовольно блеснул глазами и сложил руки на груди.

— Хорошо, — прорычал он.

— Почему ты так сказал, Бальдр? — низким голосом произнёс Хёрд.

— Как?

— Про отцов.

— У меня нет детей, — ответил я. — Лейф единственный потомок нашего рода, и я отношусь к нему, как к собственному сыну...

— Хорошо, — кивнул Хёрд. — Он тоже привязался к тебе после всех этих приключений, и я даже ревную, ведь я не могу быть примером для мальчика, я не воин, а слепец.

— Отец, не говори так! — проворчал Лейф.

Хёрд похлопал парня по плечу, не ответив на его возглас. У меня в груди прокатилась волна теплоты, обращённая к брату. Он всегда был ко мне добр, всегда защищал, и даже теперь, когда мы оба знали правду о Лейфе, но он не укорял меня и не жалел себя...

— Хёрд, позволь мне завтра пойти с тобой, — произнёс я.

— На мой драккар?

— Да. Ты слепой, а я раненый, — усмехнулся я. — Может сойдём за одного полноценного воина.

— Хорошо, Бальдр, — улыбнулся брат. — Всегда хотел пойти в битву вместе с братом, а не против него... Ладно, Лейф, идём, пусть Бальдр отдохнёт.

Хёрд принялся подниматься, протянув руку сыну. В проходе он остановился и обернулся ко мне.

— Если я погибну завтра — всё твоё по наследству: трон, жена, земли. Если победим, то дам Маргрет развод и свободу воли сразу же на победном пиру.

— Хёрд... — протянул я, напрягшись всем телом. — Я не знаю, что сказать...

— Я не просил тебя ничего говорить. До завтра.

Хёрд ушёл. Кетиль наполнил мне кубок.

— Нет, — отмахнулся я.

— Ты любимчик конунга, — хмуро проговорил Годи. — Другого он давно бы казнил, если бы он сотворил хоть что-то подобное тому, что сотворил ты... Сейчас он прямо сказал тебе, что ты наследуешь ему, а не его малой сын.

— Слышал, Годи, — тяжело вздохнул я.

Служанки закончили с моим животом и принялись плотно перетягивать мои лишённые ногтей пальцы тонкими льняными полосками, и делали это так, будто не впервой сталкивались с вырезанными ногтями. Я попробовал сжать в кулак руку и понял, что повязки унимают боль, я смогу завтра держать меч.

— Меч, Годи! Найди мне оружие, но не заставляй меня за него сражаться.

— Найду, Бальдр, хах, ты уже насражался на десяток мечей вперёд!

Соратники разошлись, Сольвейг подхватила бадью, тряпки и скользнула за занавесь. Орнелла поднялась от постели и многозначительно посмотрела мне в глаза.

— Если хочешь, я останусь, — проговорила она тоненьким голосом. Глаза её блестели, щеки покрывал румянец, губы маняще приоткрылись в улыбке. — Пригляжу за тобой ночью...

Её предложение звучало соблазнительно. Я знал, что мне предстоит долго мучиться перед тем, как я смогу вздремнуть: у меня болели все мышцы, челюсть, руки, ноги, рёбра и живот. Лишь в руках женщины я смог бы ненадолго забыться. Ну, где же Маргрет? Хоть бы заглянула, узнала, как у меня дела! Я очень злился — к боли в теле прибавилась и боль в душе. Как бы я хотел сегодня побыть с ней, хотя бы просто повидаться...

— Иди, Орнелла, — проговорил я, скрепя сердце.

Девушка перестала улыбаться, надула губы.

— Уходи, я сказал!

Она выпорхнула из комнаты, и я закрыл глаза.

Промучился всю ночь, каждый вдох теребил раны. Но ничего, болит, значит, я живой. Значит, зарастёт. Вместе с болью долбила тревога. И чего я так завёлся? Я переживал, что могу погибнуть, и так и не увидеть Маргрет... Спустился около четырёх часов ко мне вошёл Годи в боевом облачении и перевязью с ножнами.

— Вставай, Бальдр, — проговорил он.

— Что, уже началось?

— Ещё нет, но Хёрд уже ждёт тебя на пристани.

— Что ж раньше не позвали? — прокряхтел я, поднимаясь. — Я всё равно не спал.

— Конунг приказал отдыхать, — пожал плечами воин.

В комнату вошла Сольвейг и подала мне тёплый отвар, пахнувший можжевельником и берёзовыми почками. Сольвейг была на этот раз одна, Орнелла после моего отказа не пришла. Я отпил из кружки и почувствовал, как бодрость наполняет тело. Старый напиток богов, как его называют. Я пробовал такое пойло однажды в детстве, когда ещё был жив отец. Лишь гальдрун знали, как его готовить. Неужели Йорунн поднялась?

— Кто сделал этот отвар? — пристально поглядел я на Сольвейг.

— Конунг Хёрд приказал старухе Йорунн приготовить на запас, когда она ещё не слегла...

— Йорунн... — благодарно прошептал я одними губами. — Как она, не знаешь?

— Со вчера сознание к ней не возвращалось, ярл Бальдр... Но мы заботимся о ней.

— Не оставляйте её, Сольвейг. Она моя близкая подруга.

— Мы знаем, ярл Бальдр, — кивнула девушка.

Отвар благостно подействовал на меня. В ноги и руки ударила волна жара, боль совершенно унялась. Я даже потеребил языком десну, где был вырванный зуб — ничего не почувствовал. Почесал живот — и тоже хоть бы что. Отлично.

В комнату вломился Кетиль с кольчугой и щитом для меня. Я оделся. Проверил удобно ли разместил ножны с кинжалом справа и слева — с мечом, затянул ремень, надел шлем и двинулся к выходу.

В большом зале толпились воины, собиравшиеся в битву. Женщин не было — все попрятались. Я увидел Лейфа, он стоял с тревожным видом, оперевшись подбородком на спинку трона отца. Лицо его было бледно, под глазами синяки — не спал, видать, как и я.

Я подхватил со стола кружку с отваром богов и подошёл к нему.

— Глотни, малыш.

— Я не малыш! — фыркнул он. — Отец запретил мне пить вовсе после путешествия с тобой, дядя... — проворчал парень, отодвинувшись от моей руки.

— Пей, говорю! Такой напиток раз в жизни предлагают и то — только настоящим мужчинам.

Лейф закусил губу, кивнул и сделал глоток.

— Сейчас станет повеселее, взбодрись, тебе сегодня долгая дорога предстоит.

— Да уж... — вздохнул парень.

— Но в остальном слушай своего отца во всём, не бери с меня пример, понял? — попытался нравоучать я.

— Понял...

— Ты хороший парень, Лейф, я очень тобой горжусь, — произнёс я, потрепав мальчика по волосам. — Береги мать, хорошо?

— Хорошо, — вытянулся он, принимая мои слова за приказ.

Я достал из сумки на поясе запястье Хёрда, брошь Йорунн и амулет Маргрет.

— Это части Эйсира, сынок, я передаю их тебе на хранение, в море рискую потерять, — усмехнулся я, вложив звенящие украшения в ладони Лейфа. — Скоро приедет Рагги, мой хирдман, у него будет ещё одна часть — запястье, что я подарил Вали. Нужно будет отлить меч заново. Если я сам не смогу этого сделать, если со мной что случится, то придётся тебе это сделать. Только Эйсир может остановить Хассера. И знай вот еще что: кто убьёт Хассера, получит его Бессмертие.

Лейф слушал меня, раскрыв рот.

— Ну всё, мне пора, — проговорил я. Лейф от удивления тому, какую тайну я ему доверил, так и не смог ничего ответить, но прижался лицом к моей кольчуге.

Уходя, я бросил взгляд на занавеси, скрывающие покои Хёрда. Из-за шкуры выглядывала Маргрет с заплаканным серым лицом. Я кивнул ей, и она приложила к губам ладонь, а затем смахнула слезу. Ну вот, Маргрет, как я рад, что повидался с тобой хотя бы так. Знаю, твоя гордость и честь моего брата не позволяют нам увидеться и поговорить, но теперь я хотя бы знаю, что ты меня ждёшь.

Я вышел на двор, ветер гулял страшным неугомонным зверем. Было ещё темно, накрапывал дождь. Не лучшее время для выхода в море. Факелы в руках провожавших конунга на причале то и дело тухли. Хёрд сидел в длинной лодке, с шестью воинами-гребцами и четырьмя рослыми хирдманами в тяжёлой броне, со шлемами и со щитами. На плечах Хёрда искрился белый медвежий мех, по которому можно было сразу отличить вождя. Я вошел в лодку и сел напротив.

— День битвы настал, — сказал я, приветствуя воинов.

— Выходим, — приказал Хёрд и улыбнулся мне.

Я не видел его глаз под повязкой, но чувствовал его душевный трепет и радость от того, что я был рядом.

Глава 19. Пламя на воде

Волны поднимались над нами, как громадные чудовища, дождь шумно хлестал по шлемам и щитам. Гребцы работали слаженно, приближая нас к веренице драккаров, мерцающих впереди призрачными огнями ламп.

— Проклятье, если Олав не оступел от жадности, он не будет нападать, — прокричал я наперекор ветру. — В море шторм зреет!

— Днём погода разгуляется, — ответил Хёрд, ухватив жилистой рукой эфес своего меча, украшенный золотом. — Мы должны быть на ладьях и первыми встретить врагов.

Я мрачно поглядел на брата. Его вид был столь суров и величественен, что я беспрекословно покорился его воле.

На драккаре конунга встретили громкими торжественными возгласами — люди были рады тому, что вождь будет рядом во время битвы. Меня тоже узнали, и голоса воинов стали вдвое радостнее.

— Да, Сверри, ярл Бальдр будет сражаться с нами! — сказал Хёрд старшему хирдману, затем тепло обнял его за плечи.

— Ярл, это честь для меня, — поклонился мне Сверри.

— Бальдр, эти десять воинов, что прибыли с нами — теперь твои люди. Но на ладье слушайся Сверри — он здесь старший.

— Понял, — ответил я.

Сверри повёл конунга под полог, чтобы укрыться от дождя. Я сделал жест своим новоявленным воинам, что они могут быть пока свободны, и сам двинулся по гуляющей под ногами палубе. Меня подбросило к борту, и я вцепился в него пальцами. Трясло так сильно, что в мыслях я призывал богов. Скорее бы волны стихли, а то так и до битвы можно не дожить!

Может, мои молитвы помогли, а может, Хёрд действительно предвидел поведение стихии — спустя час ветер действительно стих, но рассвет так и не наступил. Вернее, небо немного посветлело, стали различимы контуры стоявших рядом драккаров с острыми, пронзающими туман мачтами, я разглядел берег и чёрные скалы, высившиеся вокруг Тронхейма. Я перешёл к другому борту и вгляделся сквозь ряды наших ладей во мглу, стелющуюся по морской поверхности: врага не увидел. Может, Олав передумал и ушёл, — затешился я и предался мыслям о доме, Маргрет, хмельном мёде и бадье с горячей водой, в которую мечтал забраться. Меня разморило от мыслей и начало клонить в сон.

Я пошевелил пальцами, лежащими на рукояти меча, кисть слабо заныла, отдавая тупой болью. Похоже, напиток богов переставал действовать. Ненадолго же его хватило, зараза. И почему я не захватил с собой выпить? Я поглядел на своих воинов, сидевших у борта, они передавали друг другу флягу. Я подошёл.

— Ярл Бальдр, — вытянулись они и поклонились мне.

— Дай мне, — я взял флягу и сделал глоток. Поморщился: ребята пили воду. Я полил себе на руку и умыл лицо.

— Хёрд приказал перед битвой всем быть с ясной головой, — ответили парни на мой разочарованный взгляд.

— А вы столь точно исполняете приказы, молодцы, — проворчал я.

— Началось! — воскликнул один из воинов, указывая рукой в сторону открытого моря,

туда где стояла плотная мгла.

Я посмотрел туда, куда показывал воин, и увидел разгорающееся над водой пламя. Чью именно ладью: нашу или Олава, поедал огонь, я не видел. Но было ясно, что завязался бой.

Странно, что я не слышал ни криков, ни звона оружия. Хотя, чему удивляться? Тут собралось столько драккаров, суета на которых вкупе с морским волнением являлись для отзвуков битвы непроницаемой стеной.

Хёрд вышел из-под полога, плотно сомкнув губы. Одна рука его лежала на эфесе клинка, а другой он придерживался за мачту.

— На правый борт! — скомандовал Сверри.

Я увидел, как из тумана вырастает ладья, несущаяся прямо на нас. Их гребцы бросили вёсла и приготовились сцепиться с нашим бортом. Мгновение — и раздался удар, треск дерева. Я упал, но тут же поднялся и выхватил меч.

— В атаку! — закричал Сверри.

— В бой! — рявкнул я своим.

Воины Олава орудовали копьями, чтобы достать наших хирдманов за щитами. У нас копий не было, только топоры и мечи, и мы не сдержали напор, образовалась брешь, и вражеские воины с оглушительным криком прорвались на палубу драккара.

Море волновалось, и ветер был довольно силён, нас кидало из стороны в сторону, и мы резали, убивали друг друга в творящемся вокруг хаосе.

Я забыл о боли, забыл о тоске и обо всём, что томило меня прежде, я стал алчущим зверем, который насаживал на меч чужие животы. Я убил пятерых, потом просто сбился со счёта, но враги всё не кончались.

Разрубив ещё двоих мощными ударами меча я почувствовал, что сейчас произойдёт что-то страшное. Странное ощущение накрыло меня, как будто тёмная туча заволокла солнце. Я обернулся и увидел Хёрда, стоявшего на возвышении на корме драккара.

— Боги с нами! Вперёд, братья! Бейте ублюдков! — кричал он без толики страха. В руке его сверкал меч, и он салютовал им в небо.

Перед конунгом стояло человек десять хирдманов в тяжелой броне, среди них был и Сверри, и все они яростно теснили врагов к борту. Я двинулся помочь им.

Вдруг воин Олава поднял с палубы копьё и метнул его над головами воинов Сверри. Копьё прошило Хёрда, он пошатнулся и упал. Сердце моё сжалось. Я бросился на того ублюдка, выбил ударом из руки меч, схватил его за ворот и притянул к себе. Парень поглядел в мои глаза, и зрачки его расширились от ужаса. Я боднул его в лоб своей одетой в железо головой, затем вставил ему в живот меч и начал проворачивать. Воин кричал, выворачивался, кусался, но я не чувствовал физической боли, гнев застилал мне глаза.

Когда я опомнился, то увидел, что атаку мы отбили. Все нападавшие были мертвы. Я помчался к Хёрду. Белый мех его плаща сделался красным от крови, из груди торчало древко копья, конунг лежал в неестественной позе и не двигался. Я сорвал с его головы повязку, глаза были открыты, остекленевший взор обращён к небу.

— Нет! — взревел я, взяв голову брата себе на колени. — Хёрд... — я погладил его по волосам и зарычал от охватившего меня опустошения.

Воины вокруг копошились над телами мёртвых, понуриив головы.

— Конунг мёртв... — доносился до меня их шёпот.

Я чувствовал, что герои пали духом. Явись сейчас ещё один вражеский драккар, нам не отбить нападение. Я вытер с лица откуда-то выступившие слёзы и снял с Хёрда белый мех,

накинув себе на плечи.

— Теперь я конунг! Слушайте меня! — воскликнул я.

Все обратились ко мне.

— Сверри, прикажи скинуть за борт трупы, Хёрда уложить под полог, затем отправь ребят оглядеть вражеское судно: заберите добро и подожгите.

— Понял, ярл... конунг Бальдр! — поклонился Сверри.

Туман рассеялся. Я подошёл к борту и увидел, что многие ладьи вокруг горели, море стало чёрно-красным. Я пригляделся и понял, что у нас осталось вдвое меньше драккаров, половина была подожжена и потоплена. Олав и Вали почти одержали победу! У меня по спине потёк холодный пот.

Я пригляделся и различил среди пёстрых бортов ладью конунга Олава, я узнал её по вырезанной из дерева обнаженной богине, закреплённой на носу. Олав держался в стороне, не вступал в бой. Наверное, щенок Вали был с ним...

— Суки, — выругался я и сплюнул за борт. — На вёсла, парни!

Сверри смерил меня взглядом, и я припомнил слова Хёрда, что на ладье командует старший хирдман. Так уж заведено, что за драккар отвечал один человек, как отец отвечает за семейство в пределах своей усадьбы, и ни ярл, ни конунг не могли явиться к нему со своим уставом и командовать его домочадцами.

— Что ты задумал, Бальдр? — нахмурился Сверри.

— В той ладье конунг Олав, и я хочу дать ему лизнуть своей стали, — я тряхнул мечом.

— Понял. Ребята, на вёсла, разворачивай влево!

Мы стремительно приближались к ладье Олава, я потирал руки в предвкушении битвы. Они заметили нас не сразу, ещё бы, какую наглость нужно было иметь, чтобы идти в самые лапы врага? Драккар Олава начал разворачиваться, чтобы подставить нам вместо борта массивный нос, но было уже поздно. Удар борта о борт. Мои воины с рёвом бросились в бой. Я был впереди всех.

Хирдманы Олава были крепкими ребятами, но я, одурманенный запахом крови и битвы, сражался как бог войны. Мои воины, глядя на меня, не сомневались в победе, и крушили врагов. Мы резали их и теснили к пологу. Наконец я ворвался внутрь, Олав стоял в доспехе с мечом наизготове.

— Зря я отпустил тебя, Бальдр! — прорычал он, потрясая своей белой бородой.

Я взмахнул мечом, конунг заблокировал удар, отпихнул меня ногой и взвил клинок, обрушивая его на меня. Зараза, не ожидал от старика! Я успел отскочить. Предвкушение лёгкого победы рассеялось.

— Сука, ты пришёл грабить и убивать! — воскликнул я. — Не позволю!

Я вновь бросился на Олава, но на этот раз лишь сделал вид, что хочу ударить рубящим в голову. Конунг поднял меч, встречая мой удар, но я скользнул вбок и полоснул Олава по рёбрам. Конунг крутанулся, как ни в чём ни бывало, и ужалил меня в грудь. Я отпрыгнул, но было поздно, кровь полилась под доспехом. Я сморщился от боли и приготовился отбиваться от новой атаки Олава, но вдруг увидел, как он зашатался и припал на колени, схватившись за бок. Я приблизился и ногой выбил меч из его руки. В глазах старого конунга вспыхнул страх, но я погасил его, с размаха отрубив ему голову.

Мои воины окружили меня, и я оглох от их ликующих криков.

— Где Вали? Его не было? — рявкнул я, поглядев на Сверри.

Хирдман нахмурился и разочарованно покачал головой.

Я прошагал к борту и поглядел, что творится вокруг. Море объяло пламя горящих драккаров. Запах войны, крови и дыма ударил в ноздри. Всюду реяли стяги Олава и Вали. Я шарил глазами и не видел ни одной выстоявшей нашей ладьи: все либо горели, либо потонули.

Сквозь дым разглядел пять или шесть драккаров, входящих в гавань Тронхейма, глянул дальше и увидел, что первые вражеские ладьи пристали к берегу. На мачтах трепыхались стяги ярла Вали.

— Проклятье! — выругался я, сжимая рану на груди.

Голова кружилась от усталости, болело совершенно всё. Я шатаясь двинулся к нашему драккару, перебрался через борт.

— Мы проиграли... — прошипел Сверри, догоняя меня.

— Пльвём за ними, — приказал я. — Поможем воинам на берегу!

— Слушаюсь, конунг! Парни, на вёсла!

Ох, я и забыл, что я теперь конунг. Так непривычно это звучало. Я сел на скамью и задумался. Я никогда не стремился к власти, она всегда была в руках Хёрда, и я уважал брата за рассудительность и ум. Его все уважали. Смогу ли я быть хоть чуточку таким же справедливым и честным? Я поглядел на трепещущие на ветру стенки полога, где лежал мёртвый брат, а затем поглядел в небо. Сначала я должен спасти землю от захватчиков! А потом от тёмных тварей! А потом посмотрим...

Воины работали вёслами, сражаясь с беспокойным морем, ладью потряхивало, когда волны врезались в нос. Я видел, что парни устали. Все мы были измотаны битвой.

Шесть, нет, семь драккаров пристали к берегу. Пусть на них по двадцать-тридцать человек... итого порядка двухсот воинов... В Тронхейме осталась сотня, говорил Хёрд. У меня в груди становилось всё холоднее и холоднее. Мы обречены, — наконец признался я себе. То-то парни так уныло гребут, не хотят умирать.

Я поднялся и пошёл по палубе, перешагивая скамьи, на которых сидели воины.

— Я был в Хельхейме, и это правда страшно! — прокричал я, собрав все силы. — Страшно вспоминать, что ты жил и сдох, как скотина! Но, если мы прихватим с собой десяток-другой врагов, то они будут там, под землёй, нашими рабами, отстроят нам усадьбы, а мы будем пировать! Гребите!

Воины отозвались боевым кличем, а я устало прижался головой к мачте. Тело одеревенело от всех этих приключений, беготни и сражений. Я был уже готов и сам сдаться, но воины принялись спорить, как будем делить землю и рабов, когда окажемся в Хельхейме, и я оживился.

— Конунг Бальдр, гляди! — жутким голосом воскликнул Сверри, указывая рукой на горящие ладьи. Глаза его сделались огромны, как у филина.

— Что? — не понял я, сощурившись.

— Гляди на горизонт! Вон! Там!

Я увидел переливающуюся красным полосу, вгляделся получше и понял, что там вдали были ладьи, и они приближались.

— Кто это может быть? — задумчиво проговорил Сверри.

— Конунг Харальд, — понял я. — Я узнал паруса. Осталось понять, он идёт добить нас или помочь...

До самого приближения к берегу на ладье воцарилось молчание. Я сошёл с драккара с десятью воинами, остальным приказал охранять ладью. Мы двинулись в Тронхейм, где уже

разгорелась битва. Чёрный дым поднимался над крышами, доносились крики и лязг оружия.

Перед мной и моими людьми выросла кучка воинов, которые тащили сундук и связанную девушку.

— Убить! — приказал я.

Их было пятеро, а нас одиннадцать. Мы быстро порешили ублюдков.

— Беги отсюда, — приказал я девчонке.

Мы двинулись дальше, вот показались первые дома. Всё горело, неужели мы успели на похороны Истлага? Сердце болело, рука зло сжимала меч.

Мы разоружили и отправили на тот свет ещё нескольких ворюг, которых встретили на окраине. А потом я увидел десятка три хирдманов Вали, они тоже заметили нас и двинулись в атаку.

— Приготовиться к бою! — скомандовал я, мои жилы натянулись, как струны.

Мы встали спиной друг к другу, образовав небольшой круг. Воины Вали ускорили шаг, понеслись на нас, скаля наглые рожи.

— Стоять! — прокричал я своим. Я чувствовал их плечи рядом со своими, и крепость их давала мне сил и смелости. — Мы все будем королями ТАМ! — выкрикнул я, бросаясь в атаку на первого подоспевшего врага.

Надежды не было, мы рубились до последнего, потеряли уже половину людей, мне распороли плечо и ногу, а враги всё шли и шли на нас нескончаемым потоком. Но вдруг я услышал со стороны вопли, крики, звон мечей, грохот щитов. Я бросил мимолётный взгляд в сторону и увидел конунга Харальда со своим воинством, они ворвались в Тронхейм и вступили в бой с хирдманами Вали.

Я облегчённо вздохнул. Неужели, конунг Харальд за нас? Откуда-то явились силы, я собрался, оттолкнул от себя ногой вражеского воина, рассёк его мечом.

— Идём к Харальду! — скомандовал я своим людям. Нас оставалось человек пять.

Конунга Харальда я сразу узнал в толпе и стремился приблизиться к нему. Он тоже сразу меня выделил по белому меху на плечах, но узнал далеко не сразу.

— Бальдр! — удивлённо воскликнул Харальд. — Разве ты не погиб десять лет назад?!

Между нами проносились воины, вокруг шёл бой, говорить со старым другом на сложные темы было непросто.

— Жизнь такая штука! — отозвался, разрубив вражеского ублюдка и вставая с конунгом Харальдом в один ряд. — Я рад, что ты пришёл!

— Как я мог не прийти, ведь Хёрд мой зять! Где он и почему на тебе белый плащ?

— Хёрд погиб сегодня утром от рук этих засранцев! — рявкнул я, указывая на мёртвых врагов, лежавших у наших ног.

Я кивнул своим воинам встать рядом с воинами Харальда. Со всех улиц нам навстречу высыпало человек пятьдесят хирдманов Вали.

— Боги, когда же это закончится! — выругался я. Пот стекал у меня по лбу и застилал глаза. Сил совсем не оставалось.

— Щиты! — скомандовал Харальд. — Расскажешь всё после битвы, Бальдр! — прокричал мне конунг, пока враги бежали на нас. — А пока вспомним, как мы с тобой рубились в молодости!

Две стены сошлись, разгорелась ожесточённая битва. Слова Харальда приободрили меня. Ведь он был мне как отец, я ходил с ним к южным берегам, мы сражались, наводя грозу на соседей, пока Хёрд обустроивал мирную жизнь на Истлаге.

Я поразил одного врага, второго, думал, всё, сейчас упаду, настолько был уставшим, как вдруг Харальд, стоявший у меня чуть за спиной коротко вскрикнул. Я обернулся и увидел, как вражеский ублюдок всадил ему в живот меч. Гнев вскипел во мне, молниеносным движением я загнал меч по самую рукоять в спину врага, а потом пнул так, чтобы тело отлетело подальше. Я бросился к Харальду и успел поймать его, мягко опустив на землю.

— Конунг Харальд, — просипел я, словно мальчишка, — держись! Не оставляй меня!

— Иди, дерись, Бальдр! — хрипло произнёс он. — Отвали от меня!

Я схватил меч и вовремя поднялся, успев отразить несущийся в меня удар. Враг упал, и я огляделся. Мы побеждали. В конце улицы, на углу дома мелькнула тень, я узнал Вали.

— Ублюдок! — рявкнул я.

Не знаю откуда взялись силы, я погнался за ним, скинув на ходу мешавшийся шлем. Он увидел меня не сразу, а как увидел дал дёру. Но было поздно. Я налетел на Вали, как голодный волк, с наскаку толкнув его в спину. Он повалился и прокрутился на земле несколько раз. Я поднял меч над головой, держа его двумя руками, готовый проткнуть брата, но Вали вдруг отбросил свой клинок, закрыл лицо и закричал:

— Не убивай, братец!

Что-то трепыхнулось во мне, я не смог убить безоружного, пусть и ублюдка. Вали свернулся калачиком, поджав к груди ноги. Вокруг набежала толпа. Я так и стоял с поднятым над головой мечом, руки ныли от натуги.

Нет, если и опущу меч, то только на башку уроды, — решил я.

Я выдохнул.

— Пощади брата! — раздался требовательный голос за спиной.

Это был женский голос, я хорошо его знал, да только давно не слышал, лет десять... Я повернулся.

— Мама?..

Глава 20. Драккар Хёрда

Я устремил взгляд на молодую женщину в плаще из серебристого меха, вдруг из ниоткуда взявшуюся среди разгромленного Тронхейма. Она плавно приближалась ко мне, её белые распущенные волосы волновались на ветру, а взгляд был глубок как океан.

— Опусти меч, Бальдр, — приказала мать, положив руку мне на плечо и заглянув в глаза.

Будто околдованный, я убрал меч.

— Как ты оказалась здесь, мама? — проговорил я, не веря глазам.

Мать прошла мимо меня и протянула руку брату. Вали ухватился за неё и вскочил, тут же спрятавшись от меня у матери за плечом.

— Госпожа моя! — воскликнул Вали. — Спасибо, что пришла и спасла меня!

— Не могла я допустить гибели последнего сына...

Мать поглядела на меня печальными глазами, и её взгляд напомнил мне, что я был мертвецом.

— Хёрд погиб сегодня, я почувствовала... — произнесла она. — Твоя смерть, Бальдр, причинила мне очень много горя, и потому я ушла...

Мать положила ладонь мне на запястье. Я опустил взгляд в землю.

— Разве я был виноват в своей смерти? Это Вали ублюдок убил меня! — воскликнул я.

— Ты был виноват, сам знаешь... Я предостерегала тебя, что всё плохо кончится, ты не слушал. Убери меч в ножны: закончилась битва.

Я зло помотал головой, снова не желая слушать. Вали молодец, молчал. Если бы он вякнул хоть слово, я бы не пожалел мать и зарезал бы его на месте. Но я был послушным сыном, и несмотря на то, что ненависть пожирала меня, я сунул меч в ножны.

Вали взял мать под руку, и они двинулись к долговому дому. Я хотел отправиться за ними.

— Конунг Бальдр! — остановил меня яростный возглас.

Сжав пальцы на рукояти меча я развернулся: на меня надвигался Годи, весь окровавленный, с прорезанной на груди кольчугой и почерневшим лицом. В его руке блистал клинок. Я испугался, что он идёт снести мне голову за Хёрда, и напрягся всем телом, однако решил не обнажать меча... вина за то, что я не уберёг брата, чернила моё сердце. Если Годи хочет снести мне башку, пусть попробует. Я конечно дам ему в морду, но не сталью, а кулаком, пусть будет живой.

Годи толкнулся грудью о мою грудь, а потом тяжёлой рукой прижал мою голову к своей.

— Бальдр... — прохрипел он. — Хёрд правда погиб?

— Погиб, — ответил я. — Погиб как герой, Годи!

Воин отцепился от меня и затряс головой.

— Я так его любил... — просипел он, позволяя себе слабость.

У меня чуть не навернулись слёзы, но я сжал кулаки и скрипнул зубами — и это быстро прошло. Годи вдруг вонзил клинок в землю у моих ног, припал на колени и склонил голову.

— Я буду верно служить тебе, конунг Бальдр, как служил твоему брату!

— Вставай, друг, — я взял его за плечо. — Я рад, что ты со мной. Иди вышей чего-нибудь, я скоро тоже приду.

Набежали чёрные тучи, темнело на глазах. Густое серое облако притянулось к земле.

Дождь размягчил землю, и под ногами хлюпала жижа. Ветер завывал над крышами домов. Мне казалось, что я слышу вой варгов и топот йотунов. Я огляделся по сторонам, но ничего опасного не увидел. Внутренне я вздронул: Хассер вместе со своими приспешниками может явиться в любой миг из сгущающейся тьмы, и я совершенно безоружен перед ними — мне нужен Эйсир! Хорошо, что мама здесь, я попрошу у неё брошь...

Я осмотрелся и отдал хирдманам приказ навести порядок на улицах.

— Все устали, понимаю, — сказал я. — Но надо разгрести гадюшник.

Я развернулся, желая догнать мать и Вали. Кто знает, что он ей напоёт без меня? Но путь мне преградил рослый хирдман из числа людей конунга Харальда, на вид он был старше меня, но выглядел куда свежее. Волосы его, как у всех южан были темнее, чем у нас, жителей Истлага, а у этого даже отливали рыжеватым оттенком и были вьющимися, как у Маргрет.

— Конунг Бальдр, — приветственно поклонился воин. — Я Арнвольф, сын конунга Харальда, помнишь меня? — он протянул мне широкую ладонь, и мы пожали друг другу запястья.

— Припоминаю, — соврал я. — Как твой отец?

— Без сознания, но ещё жив! Скажи, где его разместить?

— Несите его в долгий дом, — указал я. — Моя мать займётся его раной. И сами размещайтесь там же.

Арнвольф кивнул и быстрым шагом направился к раненому отцу.

— Сверри! — окликнул я соратника, стоявшего посреди улицы с остекленевшим взором. Я подошёл. — Как ты, друг?

— Все мои погибли, — проговорил он. — Вот так вот, Бальдр...

Я положил руки ему на плечи и прижался лбом ко лбу.

— Похороним сегодня всех, как героев. Ты получишь от меня землю, золото и место в долгом доме.

Сверри тяжело вздохнул, и я понял, что никакие богатства не способны облегчить сердце воина.

— Подготовь драккар для Хёрда, — приказал я. — Людей я тебе пришлю.

Я подошёл к хирдманам, стаскивающим тела в кучу и приказал, чтобы шли к Сверри. Ещё раз оглядев дымящиеся дома Тронхейма и воинов, наводящих на улицах порядок, я заковылял к долгому дому.

Как я устал... Сейчас бы забраться в бадью и отмокать. Надо послать за Маргрет. Нет, лучше я сам поеду к ней в Хедвиг, а то тут при матери и семействе Харальда не дадут и обнять её до свадьбы — пёс их дери. Завтра же отправлюсь! Попрошу у матери брошь, да и Рагги должен приехать, займусь мечом.

Не земле, прислонившись к земляной стене дома, сидел Кетиль с окровавленной головой. Шлем и меч лежали рядом. Я ускорил шаг и присел перед ним.

— Кетиль? — потормошил я его по плечу без особой надежды. — Ты живой?

К моей великой радости, хирдман открыл глаза, они будто светились на раскрашенном кровью и грязью лице.

— Живой, — улыбнулся он, зубы все были в крови. — Устал только немного.

— Куда ты ранен?

— По голове топором получил, хорошо в шлеме был. А так вроде цел... Я один остался из отряда и отбивался, пока воины Харальда не пришли. А потом силы меня будто оставили.

— Поднимайся, пошли в дом, — я помог Кетилю подняться и предложил опереться на моё плечо.

Мы вошли в двери долгого дома, было шумно, женщины — наложницы Херда и его служанки принимали раненых и попутно готовили пир, мы ведь победили, а значит нужно отпраздновать.

Я посадил Кетиля на скамью и тут же Сольвейг заплясала над ним. Я прошёл по комнатам в поисках Вали. Зачем я позволил ему свободно уйти?! Мать делает меня мягким! Посажу его в клетку, нагадил ведь, столько людей погубил — должен ответить.

— Где Госпожа? — схватил я за локоть Орнеллу, пробегавшую мимо с ворохом перевязи для раненых.

— В женской половине, конунг...

— А ярд Вали?

— С ней же...

Я выпустил Орнеллу, и она заторопилась прочь от меня с бледным видом. Вчера ведь приставала, а сегодня что, в гневе меня увидела и испугалась?

Подойдя к занавеси в женские покои, я услышал голоса.

— У тебя чистое сердце, Йорунн, сделай ещё глоток, это поможет тебе встать на ноги. Твоё время ещё не пришло.

Я вошёл и увидел мать, сидевшую у постели Йорунн, и свою подругу, державшую в руках чашку. Обе они поглядели на меня и обе улыбнулись.

— Йорунн! — воскликнул я. — Живая!

Она протянула руки мне навстречу и обняла за шею. Я присел на постель рядом с матерью.

— Прекрасная девушка, — проговорила мать.

— Мама, ты можешь вернуть Йорунн молодость?

— К сожалению, это не в моих силах, — покачала головой мать.

В углу комнаты скрипнула доска, я повернулся и увидел Вали, поедающего меня глазами.

— Зараза... — прошипел я, раздув ноздри.

— Ты должен помиловать брата, — строго произнесла мама, успокаивающе погладив меня по запястью. — Ты покажешь себя великодушным вождём.

— Слабаком я покажу себя! — выпалил я. — Дай хоть я посажу его в клетку!

— Нет, — покачала головой мама. — Вали твой брат. Помиловав его, ты покажешь, что способен на прощение близких, все будут стремиться стать твоими близкими, тебя будут уважать и восхвалять. Ты уже покарал конунга Олава и показал, как жестоко обходишься с врагами... Ты победил, Бальдр.

— Ты всё знаешь... Скажи, как ты оказалась здесь? Откуда узнала про битву?

— Я прибыла с конунгом Харальдом, — ответила мать, поднимаясь от постели Йорунн. — Проводи меня к нему, я должна осмотреть его раны. Про поход Олава многие знали, и Харальд решил ему помешать ради своей дочери Маргрет и ради Лейфа, наследника Истлага.

Держа мать под руку я привёл её в большой зал. Арнвольф и его люди уже принесли Харальда в дом и разместили в покоях Хёрда — других попросту уже не было, всё заполнили раненые. Мама устремилась к лежащему без движения конунгу.

Я взял со стола кубок, налил себе мёда и проковылял к трону Хёрда, стоявшему на

возвышении. Отсюда мне был виден весь дом. Я посматривал через распахнутые занавеси, как мать вместе с Арнвольфом суетятся возле Харальда. С конунга сняли доспехи и одежду, всё было насквозь пропитано кровью, и от её вида у меня самого заныли раны. Я оглядел себя, свои изрезанные доспехи и заметил, что подо мной расплзлась лужа крови.

В зал выполз Вали и с опущенной головой прошёл за стол.

Кивком головы я подозвал двух хирдманов.

— Как ваши имена?

— Я Харбард, а это Голум, конунг Бальдр, — поклонились мне хирдманы.

— Глаз с моего брата не спускайте, — приказал я. — Вздумает покинуть Тронхейм — убейте.

Я опасливо обернулся к матери и убедился, что она не слышала, какой приказ я отдал.

— Слушаюсь, конунг, — поклонился Харбард.

Воины прошли за стол и сели рядом с Вали.

Из женской половины вышла Йорунн и, тревожно озираясь, двинулась ко мне, встала напротив, взяла мою голову в ладони и изучающе осмотрела лицо.

— Ты уже на ногах, ничего себе, — проговорил я.

— Удивляюсь, как ты ещё на ногах, — сделала она удивлённые глаза.

— Я теперь конунг, — криво усмехнулся я. — Должен быть на ногах или найдут другого.

— Хёрд погиб? — Глаза Йорунн наполнила неподдельная печаль.

Я кивнул, поглядел на дно кубка и вылил остатки в рот.

— Йорунн, приготовь мне напиток богов! — попросил я. — У меня долгая ночь впереди, много дел, нужны силы.

— Не смогу, я истратила все запасы, — покачала головой подруга. — Травы, которые нужны для напитка, закончились, а растут они в верховьях гор. Дня два нужно, чтобы добраться, но с тёмными тварями, гуляющими по округе, это невозможно.

Я кисло поморщился в ответ на её слова.

— Ничего, Бальдр, я сейчас принесу тебе крепкую настойку, она расслабит тебя.

— Расслабляться-то как раз мне не следует, — проскрипел я.

— Я понимаю. Но это необходимо.

Йорунн покачала меня за напряжённые плечи и подозвала двух женщин.

— Займитесь его ранами, разве не видите, конунг ранен! — рявкнула она.

Я удивился, откуда в слабом теле старухи столько силы. Как хорошо, что мать подняла её. Может, я ещё найду способ, вернуть ей отданные мне годы, договорюсь с Хель... Я претяжело вздохнул, подумав о том, сколько ещё всего мне предстоит сделать. Отлить меч, отыскать Хассера, очистить земли от тварей...

Я откинулся на спинку кресла, женщины принялись раздевать меня и промывать раны. Они прикасались ко мне осторожно, на лицах их были неприязнь и страх. Обе молчали, как рыбы. Я оглядел их расшитые щёлком платья и дорогие украшения, бусы, которые звенели на полных грудях. Для служанок они были слишком старые, на лица не особо-то красивые, но руки у них были нежные. Я вдруг понял причину недовольства.

— Вы были наложницами Хёрда? — проговорил я.

Они переглянулись и кивнули.

— И у вас, наверняка есть дети, и вы боитесь, что я прогоню вас?

— Боимся, — сказала одна.

— Не бойтесь, — успокоил я. — Хёрд был моим любимым братом. Мы враждовали в прошлом, но на войну пошли вместе. Я позабочусь о вас и о ваших детях! Живите в долгом доме под моей защитой, у вас всегда будет кров, еда и золото! И все вы, — громко сказал я на весь большой зал, — все кто служил Хёрду, все под моей защитой! Годи! — позвал я воина. — Назначаю тебя старшим хирдманом, приведи людей в порядок, всем заплати, займись наведением порядка в Тронхейме.

Годи слушал меня, вытянувшись по струнке, а потом закивал и поднял кубок.

— За конунга Бальдра!

— Кетиль! — позвал я хирдмана. Он выглядел уже гораздо лучше, женщины перевязали ему голову и напоили мёдом.

— Да, конунг, — поднялся он.

— С рассветом отправь гонцов во все усадьбы с известием, что мы победили! И прикажи бондам прислать в Тронхейм по пять мужчин, мы потеряли много воинов, обучим новых, воинство нужно восполнять. В Хедвиг никого не посылай — я сам туда поеду. Завтра.

Йорунн поднесла мне кубок с крепкой настойкой, я отпил и почувствовал, как по телу пробежала горячая волна. Я сделал ещё глоток, и ярость моя смягчилась.

— Спасибо, — тихо сказал я подруге.

Мать и Арнвольф вышли из покоев Хёрда.

— Как конунг Харальд, Госпожа моя? — обратился я к матери.

— Харальд борется, он очень сильный человек, но рана его тяжела... — Мама потеряла руки, лицо её было уставшим.

— Садись, — указал я на столы, — ты преодолела сегодня большой путь, отдохни. Арнвольф, прикажи своим людям осмотреть остатки флотилии, всё ценное пусть несут сюда. Тела хоронят в море.

Я видел, как по лицу Арнвольфа скользнула тень недовольства от того, что я отдавал ему приказы, ведь он был почти равным мне. Почти. Но пока его отец был жив, я был единственным конунгом в Истлаге.

Ко мне подошёл воин и сказал, что Сверри ждёт на пристани, драккар для Хёрда подготовлен. Я осушил кубок и поднялся.

На улице совсем стемнело, но ветер стих и дождь перестал, факелы в руках воинов мерно мерно шуршали, сопровождая наше шествие. Под ногами хлюпала грязь, но мои новые башмаки не пропускали влагу. Женщины одели меня в шерстяную рубаху и принесли толстый меховой плащ. После настойки боль в теле унялась. И несмотря на висевшую в воздухе всеобщую печаль, мне было достаточно уютно.

Я положил ладонь на плечо Сверри и поглядел в черноту моря, там, невдалеке, стоял драккар Хёрда, у него на носу призрачным светом мерцала масляная лампа, чтобы Хёрду было не одиноко.

— Я всё сделал, — сказал Сверри. — Конунг готов отправиться в путь.

Лицо воина выглядело светлее, чем нынче днём, когда мы виделись после битвы. Прделанная работа, долг, отданный вождю, облегчил хирдману душу.

— Отвези меня на ладью, я попрощаюсь, — сказал я.

Я вошёл в лодку, со мной взошли четверо воинов-гребцов, двое воинов с факелами и Сверри. Мать тоже села с нами. Последним в лодку забрался Вали, опасно садясь подальше от меня.

Мы двинулись к драккару, почти как сегодня утром. Только водная гладь теперь была

спокойной. Уж лучше бы море бушевало! Хотя так я мог бы на него позлиться! А теперь сидел и грустил, кусая обветренные губы. Тело плотно стягивали повязки, и лишь они удерживали в груди моё сердце. Маргрет, ведь ты ещё не знаешь, что случилось... Как бы я хотел, чтобы ты была сейчас со мной и поддержала меня...

Хёрд лежал на столе, сооружённом из досок, прокинутых поперёк скамей для гребцов. На его плечах белел новый мех. Руки были сложены на животе, а под ними лежала рукоять меча. Хотя ты и не воевал, брат, ты был храбр и смел, ты погиб с мечом в руке, как истинный воин.

Мать расцеловала брата в щёки, выпрямилась и отёрла от слёз лицо, а затем отодвинулась, уступая мне дорогу. Интересно, по мне она тоже так горевала? Вероятнее всего, нет, меня ведь убили как преступника и зарыли в кургане с червями.

Я поцеловал Хёрда в холодный лоб. Следом подошёл Вали, коротко навис над лицом Хёрда и прошёл дальше. Потом — Сверри. Он положил руку Хёрду на грудь и что-то прошептал, слова его унёс ветер.

Мне протянули горящий факел, и я уложил его на солому рядом с Хёрдом. Она быстро разгорелась, дым ударил в нос, я отодвинулся.

— Идём, — протянул я руку матери и помог ей спуститься в лодку.

Сверри жестом указал воинам разлить масло из бочонков. И когда все перешли в лодку, он взял факел и закинул его на борт драккара. Ладья вспыхнула в мгновение ока и ослепила мой взор.

Когда мы вернулись в долгий дом, женщины уже накрыли столы. Мы все расселись. Мать села рядом со мной, и по другую сторону от неё сел Арнвольф со своими воинами. Я же по другую сторону от себя усадил Годи, и он поил меня, как обещал когда-то.

— Я слышала, ты завтра едешь в Хедвиг? — сказала мать.

— Да, Госпожа, — кивнул я, отложив баранью ногу.

— К Маргрет? — слегка улыбнулась она.

Я облизал пальцы и кивнул.

— Как здоровье моей сестры, Бальдр? — произнёс Арнвольф.

— С Маргрет всё хорошо, и с Лейфом тоже, — ответил я, нахмурившись.

Арнвольф потянулся ко мне с кубком и дружелюбно улыбнулся. Мы выпили.

— Ты удивляешь меня, Бальдр, — произнесла мама.

Я вопросительно поглядел на неё.

— Я поражаюсь твоей любви к единственной женщине, отголоски её доходят до меня сквозь пространство...

— Госпожа... — прервал я мать, бросил хмурый взгляд на Арнвольфа, наполняющего матери кубок.

Разговор был слишком личным, я не хотел говорить о Маргрет в присутствии пусть даже её родного брата и даже своего друга Годи.

— Не беспокойся, — поняла моё смущение мать и улыбнулась. — Арнвольфу можно верить, как и твоему другу... — поглядела она на озадаченного Годи.

— Я благословляю вас с Маргрет и благословляю ваших детей... — она подмигнула так, что заметил это лишь я один, — которых вы скоро родите, — закончила фразу.

— Спасибо, Госпожа.

Глава 21. Пора домой

Я не заметил, как уснул. Проснулся в полумраке зала на скамье. Годи придавил меня своим телом, я осторожно повернулся и чуть не раздавил Йорунн, осторожно прижавшуюся к моей спине. Я сел, огляделся: все спали, кто за столом, кто на скамьях, кто на соломе на полу.

В очаге догорали угли. Я встал, взял несколько поленьев и подложил в огонь, потёр холодные руки, глядя на то, как огонь пожирает дерево. Прошёл к столу и отхлебнул недопитый мёд из кубка Годи: мой был пуст. Меня била дрожь то ли от вчерашней битвы, то ли от того, что замерз, и я накинул на себя расшитый узорами меховой плащ конунга. Я чувствовал, что по времени сейчас должно было уже светать, но через оконца под крышей не проникало ни крупинцы света.

Я высунулся на улицу, мне в лицо ударил морозный воздух, на плечи упали снежинки. Не рано ли зима пришла на порог? Тьма стояла — хоть глаз выколи. Под крышей крыльца висела едва мерцающая масляная лампа. Два стражника вынырнули из тени у стены и удивлённо поглядели на меня.

— Всё тихо? — спросил я, поглядев в их усталые сосредоточенные лица.

— Тихо, конунг, как в могиле.

Я был не в настроении шутить, но злиться на неуместные шутки тоже был не в настроении.

— Я уж выспался, а солнце всё не встаёт... — проворчал я.

— Да, должно уже светать, но всё никак... наверное, Хассер украл солнце...

— Замолчи! — приказал я стражнику, сам испугавшись его слов. — Просто зима близится, дни стали короче, а ночи длиннее, но солнце ещё взойдёт!

Я стряхнул с плаща крупинки снега и вернулся в дом. Пора уже собираться в Хедвиг, к Маргрет, сообщить ей о случившемся. Но сперва надо поговорить с матерью и попросить у неё назад свой подарок.

Очаг разгорелся, и в зале стало светлее. Я прошёлся и поискал глазами мать среди спавших гостей, но нигде её не увидел. Йорунн придвинулась к Годи, прижав руки к груди. Замёрзла без меня. Я подтянул упавшую на пол шкуру и укрыл её.

Вали лежал у стены, похрапывая. Ублюдок. Рядом лежали хирдманы, которых я поставил охранять брата. Я толкнул одного из них в плечо и приблизил к лицу кулак. Воин мигом сел и виновато кивнул.

Я прошёл в бывшие покои Хёрда и поглядел на конунга Харальда. Он был бледен и тяжело дышал. На краю его постели дремала женщина, приставленная ухаживать за ним.

Я заглянул за занавеси женских покоев, разыскивая мать, и увидел её. Она лежала обнажённая в объятиях Арнвольфа, тоже обнажённого. Я зло выдохнул, и мать приоткрыла глаза.

— Бальдр? — ласково прошептала она. — Почему ты не спишь?

Я не ответил. Резко задёрнул занавесь и вернулся в зал, налил ещё мёда и рухнул в своё кресло. И почему у меня такая любвеобильная мать?! Да нашла с кем, с этим рыжим верзилой! Я опустошил кубок и потянулся налить ещё. Но тут показалась она. Теперь уже в платье, ремешок затянут на тонкой талии, меховая накидка на плечах. Только вот пепельные волосы спутаны и щёки разрумянены. От стыда ли или от жаркой ночи?

— Милый сын, ты до сих пор не научился не врываться ко мне в спальню? Чего ты хотел? — дёрнула бровями мама и присела на стоявшее рядом кресло. Когда-то оно принадлежало ей. А то, на котором сидел я, — моему отцу, конунгу Эйрику.

Я поставил локоть на стол и опёрся на него, внимательно изучая мать. Кожа у неё была гладкая, как у девы. И не скажешь, что у неё был седеющий сын Хёрд. Я бы тоже был уже седеющим, если бы не пролежал десять лет в земле.

— Ну? Что ты так на меня смотришь? — мягко улыбнулась мама. Её улыбка была совершенно очаровательной, и если бы я не был её сыном, она пленила бы меня, как пленила совершенно всех.

— Раз уж ты вернулась, мам, может ты закроешь печать под горой и прогонишь Хассера, чтобы мы, наконец, могли жить спокойно? — произнёс я.

— Слишком поздно, — покачала головой мать. — Как только я ступила на землю Истлага, проход в тёмный мир закрылся сам собой, тот мир не приемлет света, который я несу. Но, к сожалению, Хассер уже здесь.

— Здесь?! — огляделся я.

— Ну, не совсем здесь, он в межмирье. А оно напрямую соприкасается с земным миром, грань очень тонка. Хассер может явиться в любую минуту, и остановить его может только Эйсир, вошедший в его плоть.

Я приложил руку к лицу и почесал лоб.

— Скажи, ты сохранила мой подарок? — хрипло произнёс я. — Брошь... Помнишь?

Мать скользнула рукой под меховую накидку, завозилась у себя на груди и через минуту протянула мне ладонь, в которой лежала сверкающая в отсветах очага брошь.

— Конечно, я сохранила её, Бальдр, — произнесла мать. — Я всегда носила её при себе.

— Когда на тебе была одежда, — буркнул я, взяв украшение. — Я заберу её назад, она часть Эйсира.

— Я догадывалась, чувствовала, хотя ты упорно молчал.

— Теперь я смогу снова отлить меч. Я поеду в Хедвиг, остальные части меча у Лейфа. Интересно, рассветёт ли сегодня? — я бросил взгляд к оконцам под крышей, и мне показалось, что они посветлели.

— Солнце пробивается сквозь мрак, я чувствую, скоро наступит день... Но он будет короче, чем обычно. Ты не доедешь до укрытия до темна...

— Возьму масло, факелы, людей побольше — доеду! — сказал я, поднимаясь с кресла.

— Подожди, — мать ухватила меня за плечо и поглядела с волнением.

— Ну, говори?

Мама опустила меня назад в кресло и протянула мне раскрытую ладонь, которая вдруг начала светиться. А потом на ней вырос сияющий шар, осветивший весь зал. Я поднял изумлённые глаза на мать.

— Это свет моей души, Бальдр, возьми его с собой, чтобы добраться до Хедвига. Он осветит твой путь во тьме и отпугнёт тёмных тварей.

Мать переложила шар в мою ладонь, он был горячим, но не обжигал.

— А как же ты? — прошептал я, всё ещё удивлённый волшебному сиянию.

— Пока мой свет у тебя, я буду смертной, и я буду ждать, когда ты вернёшь его мне, — мама улыбнулась и легким поцелуем прикоснулась к моему лбу.

— Спасибо, — проговорил я, убирая шар в сумку на поясе.

— И ещё, Бальдр, — мать строго заглянула мне в глаза, склонилась поближе и шёпотом

продолжила: — Опасайся Харальда. Он уверовал в нового бога, слухи о твоём возвращении к жизни разошлись по миру, и люди считают это страшным кощунством. Харальд пришёл помочь Хёрду и своей дочери установить в Истлаге мир, и он пришёл, чтобы сделать тебя вновь мёртвым вместе с твоей колдуньей... Арнвольфа я спасла от этих верований, завладев им, но устои нашего мира скоро могут быть порушены...

— Я ведь могу пойти и прикончить его сейчас же, — прорычал я.

— Нет, — она ухватила меня за руки. — Не делай зла — так ты накликаешь на себя большую беду, и весь мир ополчится на тебя. Спаси Истлаг от Хассера, тебе одному это под силу, и ты будешь спасён, Бальдр, — мама погладила меня по бородастой щеке, и моя злость немного унялась.

В зале вновь стало сумеречно. Мать поднялась и, покачивая бёдрами, вернулась в женскую половину. Я встал с кресла и растолкал Сверри.

— Как голова? — спросил я, поглядев на три опустошённых кувшина, лежавших подле хирдмана, и его опухшую рожу. — Поедешь со мной в Хедвиг?

— Конунг, я с тобой теперь хоть на тот свет... — просипел Сверри.

— Там нет света, — буркнул я. — Вставай, воин.

Сверри поспешил сесть, потёр лицо и поглядел на меня красными от попойки глазами.

— Да плевать, — он высунул на четверть меч из ножен и нагло улыбнулся.

— Возьми с собой четверых хирдманов, — кивнул я. — А ещё факелы, масло, и луки возьмите на всякий случай.

Я пошёл на конюшню и приказал подготовить нам шесть лошадей. Все мои воины, остававшиеся в Тронхейме, и особенно Годи изумлённо глядели на нас, собирающихся выезжать за ворота в то время, когда вокруг ещё царил тьма. Но Сверри порадовал меня. Он, совершенно не зная о свете души моей матери, который был у меня в сумке, спокойно сложил вещи в мешок, проверил меч и кинжал и в готовности забрался на коня. Остальные четверо хирдманов последовали его примеру, но на их лицах я читал вполне уместное человеческое беспокойство.

Народ просыпался, во дворе поднялась суета — как же, конунг уезжает. Все почтительно кланялись мне и вытягивались в струну, когда я проходил мимо. Женщины позвали на завтрак, но я сказал собрать мне еду в мешок, пора выезжать, время дорого. Они принесли по кулю с едой и по фляге с мёдом мне и каждому из воинов, что отправлялись со мной. Я повернулся сложить всё в седельную сумку. Тут подошла Йорунн.

— Ничего себе! — заулыбался я, глядя на её порозовевшее лицо. — Как ты похорошела!

Йорунн, сбитая с толку, дотронулась до своей морщинистой щеки, и я понял, что неудачно пошутил по тому, какая печаль блеснула в её взгляде.

— Я хотела бы вернуться с тобой в Хедвиг, — произнесла она.

— Нет, — резко ответил я. — Я хочу, чтобы ты осталась здесь, в Тронхейме, назначаю тебя гальдрун, моей официальной колдуньей и лекаркой, занимай любые покои, и бери себе кого пожелаешь в помощницы!

Я коснулся лбом лба подруги и затем отстранился. Я не хотел, чтобы Йорунн ехала со мной в Хедвиг и видела то, что я буду делать там с Маргрет: я знал, это причинит колдунье боль. Когда мы вернёмся в Тронхейм, то к тому времени уже натрахаемся с Маргрет и будем вести себя на людях сдержанно. Надеюсь. А о том, что я собирался жениться на Маргрет, Йорунн всегда знала, я всегда был честен с ней.

— Конунг? — окликнул меня Сверри. — Едем?

Я простился с Йорунн, сел на коня и махнул стражам, повелев отворить ворота.

Вдали на горизонте белела предрассветная полоса, но небо над нами было низким и тёмным. Ветер трепал волосы и задувал в уши, я накинул капюшон. Факелы в руках воинов погасли от мощных порывов, стоило нам лишь немного отдалиться от укрытия стен. Всюду в пространстве парили мерцающие зелёные огни, будто отражение звёзд, качающихся на волнах. Было красиво, и я не сразу понял, что это были приближающиеся варги. Лязгнул меч Сверри, а следом и мечи хирдманов. Я достал свет души, глаза заслезились от ярких лучей, я прищурился.

— Что за дела?! — выкрикнул Сверри.

Свет шара в моей руке озарил всё вокруг, стало светло, как днём, в пределах довольно широкого круга. Варги, окружившие нас, заскулили, будто от боли, и разбежались в стороны. Дорога была чиста от тёмных тварей, и мы поехали дальше.

Небо постепенно светлело, и вскоре свет души матери оказался не нужен, я убрал его. Мы ехали молча, каждый думал о своём. Я мечтал поскорее увидеть Маргрет. Хёрд мёртва, она должна оплакать мужа. Я не буду настаивать на том, чтобы спала со мной сегодня, дам ей столько времени, сколько нужно, чтобы вступить в новый брак. Сегодня я хочу просто побыть рядом с ней и Лейфом, как мечтал когда-то: возвращаться домой после длительного пути, где ждут меня жена и сын. Как же я по ним соскучился...

Я огляделся по сторонам. Вершины холмов окутали седые облака, трава пожелтела и пожухла. Как же быстро наступала зима, как же быстро укоротились дни. Я должен поспешить. Нужно скорее отлить заново меч. Надеюсь, Рагги сумел достать брошь и тоже скоро приедет в Хедвиг. Надеюсь, у нас всё получится, другого пути просто нет.

К усадьбе Скоугар мы подъехали, когда тусклый день уже угасал, дорога была едва различимой, а в тених леса вновь начали мерцать зелёные огни. Нас встретил как обычно мрачный Ингольф. Сверри кивнул на меня, сказав, что я теперь конунг. Ингольф заулыбался, предложил ужин, мёда и женщин.

— Нам нужны лошади на замену, и поедem дальше, — сказал я.

— Так ночь же! — удивился Ингольф.

— Ничего, — ответил я. — Давай лошадей.

Через полчаса мы продолжили путь: я спешил домой. Я вновь достал свет души, и он берёт нас от тварей — порождений ночи. Дорогу подморозило, и лошади более уверенно шагали по твёрдому грунту, чем по расползшейся грязи. Мы вышли в долину, которую окружали две скальные гряды. Ветер, как загнанный в ловушку зверь, носился по ущелью. Он нёс с собой маленькие острые льдинки со снежных вершин. Я дрожал не только от холода, но и от стискивающего брюхо страха — всё это очень напоминало мне Хельхейм. Интересно, как там Хёрд? Он погиб, храбро сражаясь, я уверен, что боги даровали ему свет. Спрошу потом Йорунн, чтобы узнала... Я оглянулся на соратников, что шли со мной по этой негостеприимной земле, уставшие и голодные, они вжались в свои меховые плащи и торопились в тепло.

— Почти приехали! — подбодрил я. — Скоро будем дома!

Воины заёрзали в сёдлах в нетерпении, я и сам заулыбался своим мыслям.

Мы прибыли в Хедвиг почти под утро и очень напугали стражей. Заехав во двор, я спрыгнул с коня. Моё сердце рвалось из груди с каждым шагом, что приближал меня к долгому дому.

Она вышла на крыльцо в накинутом на плечи меховом плаще. Понял, что спешила и не

успела его застегнуть. Ветер вмиг распахнул полы, и она принялась сражаться с ними, а когда ей это удалось, она подняла голову и увидела меня.

Я остановился перед Маргрет и поцеловал её глубоко и жадно, хотел схватить её, прижать к себе, но отстранился.

— Прости, — хрипло сказал я. — Ты только что потеряла мужа.

Маргрет вырвалась от меня и закрыла лицо руками.

— Прости, — повторил я. — Ты можешь скорбеть, сколько потребуется. Я пришёл сделать тебя своей женой, но буду терпелив, Хёрд был моим братом.

Маргрет сдвинула руки от лица и кивнула. У меня отлегло от сердца. Всё будет хорошо.

— Попроси приготовить мне бадью с горячей водой, я так замёрз, и есть хочу... — сказал я.

— Проходи, конечно... — проговорила Маргрет, ведя меня в дом.

Я очутился в тепле, но не спешил снять плащ: по телу волнами прокатывалась дрожь. Я уселся за стол. Маргрет тут же подала свежие лепёшки, их выпекали рано утром — я прибыл как раз вовремя.

— Сейчас начну готовить мясо — не ждали гостей так рано, прости, Бальдр, — сказала Маргрет, упорхнув к очагу.

Сверри и хирдманы расселись за столом. Нам принесли сыр, холодный скир и подогретый мёд. Вкусно запахло тушёной бараниной, которую принялась готовить Маргрет. Я пил тёплый мёд и любовался ею, мечущейся у огня. Она старалась накормить меня и ораву воинов, которых я привёл с собой.

Из моих покоев вышел сонный Лейф.

— Дядя Бальдр! — воскликнул он, широко открыв глаза, подбежал ко мне и втиснулся на скамью между мной и Сверри.

— Привет, малыш! — потрепал я его по волосам и обнял за плечи.

— Как битва? Как отец? Мы победили?

Я стиснул зубы. Сложно было рассказать Лейфу о гибели Хёрда. Я отпил из кубка и решил.

— Твой отец погиб в битве. На драккаре. Один ублюдок поразил его копьём в грудь. Я не успел защитить, — проскрежетал я. — Но я убил этого ублюдка. Мы всех их убили.

Я снова взглянул в глаза Лейфу и протянул ему кубок с мёдом.

— Пей.

Парень взял кубок и опустошил его, как взрослый.

— Мне было десять, когда принесли вести о смерти отца, — проговорил я. — Я был немногим старше тебя. У меня был брат, который стал мне опорой. А у тебя есть я, Лейф, — тихо сказал я.

— Расскажи, как отец бился? Он же незрячий...

— Конунг Хёрд вознёс меч и забрался на нос драккара, — ответил Сверри, увидев, что мне сложно говорить. — Он сделал это в самый разгар боя, когда мы думали, что уже не выстоим. Все воины поглядели на конунга, и он сказал нам: деритесь, сукины дети! И мы дрались. Хёрд убил двоих или троих прежде, чем проклятое копьё поразило его. Бальдр превратился в зверя и зарезал всех врагов, что оставались на ладье. Конунг погиб, но оставил вместо себя достойного вождя... — Сверри поглядел на меня.

Маргрет, наконец, принесла блюдо с бараниной и тоже устала на меня.

— Ты теперь конунг? — произнесла она.

— Да.

— Хёрд сделал его преемником, — вставил Сверри. — Он сказал об этом накануне битвы, все слышали.

— Почему отец так сказал?! — проговорил Лейф. — Ведь я его сын, я наследую ему, а не ты, дядя Бальдр!

— Хочешь оспорить? — произнёс я.

Лейф вспыхнул и вскочил из-за стола.

— Если я брошу тебе вызов, ты прикончишь меня! Нет, спасибо! — рявкнул он и быстрым шагом направился к дверям.

— Проклятье! — выругался я и покачал головой. — Я не просил Хёрда делать меня преемником, но брат, видимо, понимал, что в сына нужно ещё многое вложить... Сам не справился, решил мне подкинуть, ну ладно!

Я устало поднялся из-за стола, снял плащ и расстегнул ремень с ножнами. Лейф оглянулся, всё понял и ускорил шаг. Оставив меч и кинжал Сверри, я сложил ремень вдвое, стегнул им воздух, и решительно направился за Лейфом.

— Бальдр, не надо! — воскликнула Маргрет, хватая меня за локоть.

— Наконец могу заняться воспитанием ребёнка, а то вы его совсем разбаловали! — ответил я, отстранив её.

Глава 22. Темна ночь в Хедвиге

Я догнал Лейфа перед самой дверью, схватил за рубашку и развернул к себе.

— Отпусти! — взревел он.

— Слушай меня, парень, — сказал я, притянув его к себе. — Ты, похоже, и сам понимаешь, что ведёшь себя, как свинья, и заслуживаешь, чтобы тебя, как свинью, стегали.

— Нет! — закрутил он головой.

— Я скажу это один раз, Лейф. Один. Я хочу, чтобы ты меня понял. Мы одна семья.

Я выпустил мальчика, и он озадаченно поглядел на меня, а потом на моих хирдманов, жующих дымящееся мясо и пьющих мёд. У каждого был богатый доспех и длинный, украшенный драгоценными камнями меч.

— Я хочу, чтобы ты тоже стал воином, таким же, как они, и сидел со мной за столом, ближе всех ко мне, — сказал я мальчику. — Я хочу однажды передать тебе свой меч.

Лейф поднял на меня взгляд, блестящий от слёз. Я присел перед ним и положил руку на плечо.

— Вытри сопли, с этого дня чтобы я больше их не видел. Завтра начну учить тебя сражаться. А сейчас пошли есть. Ну?

— Хорошо, дядя, — отёр рукавом глаза парень.

— Мы понимаем, Лейф, — сказал Сверри. — Память об отце дорога тебе, и нам всем тоже дорога. Бальдр устроил ему последнее плавание на драккаре, он ушёл достойно. Теперь мы все должны жить достойно его памяти и памяти предков.

Маргрет прижалась к моему плечу, пряча слёзы. Я погладил её по спине. Мы сели за стол. Я наконец взялся за мясо. Кусать было тяжело из-за вырванного зуба, но голод был сильнее. Тёплый жир стекал по губам и бороде. Ничего, отмоюсь. Как же вкусно!

Я запил мясо мёдом и откинулся на спинку кресла, оглядев своих соратников. Все были веселы, и я тоже, глядя на них, был весел.

— Бадья готова, — произнесла Маргрет. — Я провожу тебя и дам одежду.

Мы вошли в мои покои. Я увидел смятую постель.

— Ты спала тут? — спросил я.

— Да, вместе с сыном, — кивнула Маргрет. — Ведь это наша с тобой постель...

— Умничка.

Я стянул рубаху, скинул штаны и залез в горячую воду.

— Как хорошо, — прошептал я, положив голову на бортик бадьи.

Маргрет ходила по комнате, готовя постель и одежду, а я глядел на неё и радовался, какая красивая и заботливая у меня будет жена. Теперь ничто не помешает нам быть вместе. Пусть сегодня мы не ляжем, но она со мной, и это главное. Я прикрыл глаза от усталости, чувствуя как ноют мускулы после столь длинной дороги и колит старая рана на боку. Но, несмотря на это, я ощущал, как сладостное блаженство от горячей воды и от близости любимой растекались у меня по жилам.

Кажется, я задремал.

Маргрет разбудила меня ласковым прикосновением к щеке. Я открыл глаза и увидел, что она совершенно обнажена. Пальцы её пробежали по моему лицу, потом по груди и погрузились в воду.

— Маргрет? — прошептал я, удивившись.

— Ох, как горячо, как ты тут не сварился! — взвизгнула она, забираясь в бадью.

Вода перелилась через бортик и затопила пол.

— Я только отогрелся, — улыбнулся я.

Маргрет гладила моё измученное тело, шрамы на рёбрах и животе. Брала в ладони моё обветренное лицо и прикладывала к губам большой палец, оттирая кровь. Её стопы скользили у меня по бёдрам.

— Маргрет, что ты делаешь? — произнёс я, чувствуя, что не сдержусь.

— Говорят, ты прогонял от себя всех женщин, — произнесла она. — Ходят слухи, что не всё в тебе оживили... Вот я и хочу проверить, что за муж мне достанется...

— Ну, проверь, — проговорил я, поглядев ей в глаза.

Она скользнула рукой вниз и крепко сжала меня за доказательство. Я понял, что у меня больше нет сил терпеть и поглядел на неё с последним предостережением.

— Нет смысла долго горевать по Хёрду, он был хорошим человеком, — сказала она, приблизившись к моему лицу. — Но лишь ты всегда был мне мужем... жизнь продолжается... и мы должны продолжить её прямо сейчас...

Она поцеловала меня. Я ответил, смял её губы, горячие, влажные. У меня совсем не стало мочи, и я ухватился ладонями за борта и приподнялся.

— Куда ты? — проговорила Маргрет.

— То, что я хочу сделать с тобой, тут делать неудобно: зальём весь дом, его и так сверху хорошо поливает.

Я выбрался и отнёс Маргрет в постель.

Я вошёл, и мне стало тепло во всём теле, в сердце. Маргрет долго ждала меня: я убедился. Она была мягкой и податливой, как сочный плод, который долго висел на ветке, а я был, словно голодный путник, умирающий от жажды. Я толкнулся, и Маргрет обвила меня ногами, крепко прижала, сладостно при этом застонав. У меня по спине побежали мурашки.

Я убрал с её щеки упавшие пряди волос и поцеловал в губы, провел языком по шее. Маргрет громко стонала и извивалась подо мной, закатывая глаза от исступления. Но скоро она выскользнула из-под меня и уселась сверху. Какая она стала властная, давно не девочка! И я любил её от этого только сильнее. Хотя, куда уж сильнее? Меня переполняли чувства близости и любви, и я хотел зачать сегодня дитя, чтобы семья стала больше.

Маргрет упиралась мне в грудь ладонями, впиваясь ногтями, требовательно сжимала бёдра, и я давал ей всё, что она хотела. Я растворялся в ней, и мне делалось от этого упоительно сладко.

Весь день и всю следующую ночь мы провели в постели, любили друг друга, дремали и изредка выходили поесть, чтобы восполнить силы. Домашние нескромно улыбались при виде нас — весь дом теперь знал, как крепко конунг любит свою жену.

К вечеру второго дня после моего возвращения в Хедвиг прибыл Рагги и привёз запястье Вали. Я очень обрадовался и обнял его, как родного. Мы сели в зале, я разложил на столе все части Эйсира. Маргрет обнимала меня за плечи, не отходила от меня, будто боялась вновь потерять.

— Значит, не видеть мне больше своего амулета? — спросила она, закусив губу.

— Я тебе другой подарю, — ответил я, притянув её себе на колени.

Я встретил удивлённый взгляд Лейфа, парень никогда не видел счастливой удовлетворённой матери. Ну, ничего, скоро привыкнет. Я заметил, что Рагги изучающе, даже с каким-то благоговением, глядит на меня.

— Что такое, парень? У меня что грудь, как у женщины, выросла? — усмехнулся я.

Рагги сглотнул и приподнял брови.

— Нет, конунг. Просто... ты будто не человек, — прошептал он, наклонившись ко мне через стол. — Тебе вырвали ногти и зубы, тебя резали и кололи мечом, у тебя течёт кровь... Но ты сидишь, как ни в чём ни бывало, собираешься драться с тёмным богом, и тебе совсем не страшно...

— Кто сказал, что мне не страшно, — помолчав ответил я. — Просто другого пути нет.

Все замолчали, звон кубков и разговоры в зале затихли. Маргрет прижалась ко мне, я почувствовал, что она дрожит, и погладил её по щеке, даря утешение.

Я спросил домашних, есть ли у нас в Хедвиге кузнец, и они позвали ко мне старого Фатхи, он еле держался на ногах, но с ним был молодой парень, его сын, по имени Свен.

— Ну, здравствуй, Бальдр, — сказал старый кузнец и сел за стол напротив меня совсем по-хозяйски, сразу выпил мёд, который предложила ему Маргрет.

— Что же ты не позвал меня раньше к своему столу, а только сейчас вспомнил? — сказал он.

— Знаешь, когда встал из могилы, в голове пусто было. И даже теперь я ещё не всё вспомнил, — ответил я, подняв кубок. — Благодарю, что пришёл, Фатхи.

Мы вместе выпили. Старый кузнец был широк в плечах и высок ростом, выше меня, но выглядел по-стариковски сухо, в исхудалом теле не было силы — кубок его чуть не вывалился из руки. Свен, его сын, фигурой напоминал отца, был крепок и широк, но нрава был более кроткого. Он почтительно склонил передо мной голову и так и сидел покорно долгое время, не смея поднять глаз.

— Ну как, Фатхи, — сказал я. — Сможем ли мы отлить из этих драгоценностей клинок?

Старый кузнец взял части Эйсира в ладони и погладил сморщенными пальцами.

— Отчего же, не сможем... Однажды я сумел расплавить для тебя меч и выковать из него эти драгоценности, и теперь сумею...

— Значит, это ты помогал мне?

— Я, — кивнул Фатхи. — Или ты думал, что сам совладал с плавильной печью? Нет, Бальдр, каким бы ты сильным не был, с печью тебе одному не справиться. Что ты так глядишь на меня, ярл?

— Я теперь конунг, — поправил я кузница. — Да вот думаю, хорошо, что Вали не нашёл тебя. Повезло тебе, в общем. Ну и мне тоже, конечно.

Фатхи хмыкнул и погладил усы.

— Да, но только теперь я уже слишком стар, слаб и слеп, мне не под силу ковать меч. Но мой сын, Свен, с моим советом, думаю, сможет помочь тебе, ярл Бальдр. Прости, ты теперь конунг.

Фатхи улыбнулся, показав гнилые зубы. Я положил руку ему на плечо.

— Ты сделал это однажды, сделаешь и теперь, а мы поможем тебе, — я положил другую руку на плечо его сына.

— Добрый ты хозяин, Бальдр, я скучал по тебе, — кивнул старый кузнец.

— Можно посмотреть? — спросил Свен, кивнув на драгоценности из Эйсира.

Я придвинул ему их.

— Красивые, жалко плавить... — произнёс он. — Я помню, пап, как ты делал их тогда... — Свен оглянулся на отца.

— Да, ты был тогда примерно как сын Бальдра теперь, — сказал Фатхи, поглядев на

Лейфа, сидевшего тут же за столом.

Свен взвесил в руках металл.

— Очень крепкий сплав, потребуется много угля на работу, возможно весь, что у нас есть, — Свен тяжело вздохнул и виновато поглядел на меня.

— Другого выхода нет, — ответил я. — Мне нужен меч, сколько бы угля это не стоило. Не беспокойтесь, — поглядел я на собравшихся вокруг меня людей. — Я уничтожу Хассера, и мы заживём сытой, счастливой жизнью, все мы.

Маргрет сжала меня за руку. Люди воодушевлённо закивали. Свен сложил в мешок части Эйсира.

— Я готов начать, — сказал он.

Я кивнул и отодвинул кресло, чтобы встать из-за стола.

— Можно пойти с тобой на кузницу? — спросил Рагги.

— Можно, — сказал я.

— И мне можно тоже? — встрепенулся Лейф.

— Конечно.

Свен взял под руку старого отца, и они пошли вперёд, следом побежали дети. Я дошёл до дверей чуть ли не последним — устал что-то. Когда я вышел на двор, стоял густой сумрак, холодный ветер ударил порывом, земля захрустела под ногами от заморозка. Я поглядел в клубящиеся над усадьбой тучи и покачал головой.

— Хассер, — буркнул Сверри, шагавший у меня за спиной. — Сегодня вообще не рассветало... Ты как, Бальдр? Бледный ты какой-то, Маргрет все соки из тебя выпила?

— О, ещё как, Сверри! — усмехнулся я.

Мы подошли к дому Фатхи. Кузница располагалась на заднем дворе. Я действительно не очень хорошо себя чувствовал, и был рад тому, что Сверри взял на себя хлопоты. Старый Фатхи прислонился к наковальне и размахивал руками, говоря что откуда принести. Сверри отправил людей за углем и маслом. Свен сложил в печь драгоценности и принялся закладывать уголь.

Маргрет осталась в долгом доме, а Лейф сделался моим помощником. Он заметил, как меня пошатнуло и привлёк меня усесться на скамью.

— Что с тобой, дядя Бальдр?

— Сам не пойму, простыл похоже, — ответил я, погладив себе лоб и поняв, что подступает лихорадка.

В кузнице сделалось жарко, все скинули мех плащей, а я и вовсе разделся, оставшись с обнажённым торсом. Раны ныли и требовали прохлады.

Часа через три или четыре скинутые, уложенные в печь части Эйсира поддались и начали размягчаться. Мне делалось всё жарче и жарче. Скорее бы уже всё было готово, я устал ждать.

Я вышел на широкий двор усадьбы и походил под тёмным небом на колючем ветру. Лейф стоял на пороге кузницы и наблюдал за мной.

— Может позвать маму? — сказал он.

— Зачем? — фыркнул я.

— Ты плохо выглядишь, дядя, очень плохо, белый весь...

— Устал. Всё хорошо.

Я вернулся к Фатхи и Свену и как раз застал, как Свен разбирает печь. Он достал слиток длинными щипцами и уложил его на наковальню.

— Давай его сюда, да, — кивал Фатхи, руководя сыном. — Теперь берись, вот так, да, бери молот и бей вот так, да.

Я увидел в деле всю силу широких плеч молодого кузнеца. Сделав передышку, Свен вытер пот со лба и поглядел на меня с улыбкой.

— Ну, как, конунг? — сказал Фатхи. — Возьмёшь себе в Тронхейм моего сына?

— Пусть выкует меч, там посмотрим, — ответил я.

Молот был тяжёл, Свен орудовал им очень умело, но от каждого удара по наковальне у меня звенело в голове, я весь вспотел: волосы и даже штаны. Я почувствовал, что сейчас рухну. Лейф снова оказался рядом, проводил меня к скамье и накинул меховой плащ.

— Отведи конунга поспать, — сказал Сверри. — Тут работы до утра, если оно конечно, наступит...

Кузница давно опустела, хирдманы разошлись спать, со мной оставались только Сверри, Рагги и Лейф. Вскоре пришла Маргрет, сказав, что соскучилась. Она поглядела на меня и лицо её странно вытянулось.

— Бальдр, ты же весь горишь!

Она ощупала выступившие узлы на моей шее и нажала на рёбра, в то место, где была рана от топора. Я почувствовал острую боль и заскулил.

— Не делай так, — предостерег её я, зажав рукой ноющую рану.

— Снова кровь твоя портится, ты так и не вылечился до конца... — поняла она. — Того, что я сделала с тобой на Змеиной косе, оказалось мало. Пойду приготовлю тебе лечебный отвар, который снимет жар, но это поможет лишь временно. Я беспокоюсь за тебя, Бальдр.

— Спасибо, Маргрет, иди, сделай отвар, я скоро приду.

— Приходи поскорее, — строго сказала она. — Меч мечом, но жизнь твоя дороже, я не хочу, чтобы ты погиб.

Я проводил её взглядом и вновь обратил всё внимание на Свена и свой меч.

И всё же сейчас главное — меч, ведь Хассер может явиться в любой момент. Убью его — излечусь, ведь я получу Бессмертие! — вдруг осознал я.

Я широко раскрыл глаза и ещё раз поглядел вслед Маргрет, а потом перевёл взгляд на Лейфа, задремавшего на скамье. Если я стану Бессмертным, как боги, как моя мать, то ведь увижу, как Маргрет состарится... Она так красива и так молода сейчас, тяжело думать о том, что будет потом... Плевать! Йорунн же я люблю несмотря на её вид, и Маргрет не разлюблю. Но до этого далеко. Родим ещё пяток детей, а они родят внуков... Нет, я не буду одинок! Я буду счастлив. Я буду править Истлагом во благо своих детей. Эти мысли развеселили меня. Понаблюдав ещё немного за Свеном, я растолкал Лейфа и повёл его в долгий дом. Когда Хассер придёт, я должен быть готов, я должен быть силён. Сверри и Рагги остались в кузнице.

Маргрет суетилась вокруг меня, как птица над птенцом. Заставила меня выпить до самого дна кружку с горьким гадким питьём, а потом настояла сменить повязку.

— Бальдр, ещё утром шрамы не были красными, а теперь тут всё мокнет... Похоже внутри гной, я вскрыю.

Я успел лишь тяжело вздохнуть, как Маргрет уже полоснула мне бок заранее подготовленным ножом. Видимо, она уже обо всём догадалась.

Она оказалась права: из раны потек желтоватый плохо пахнувший сок, но мне тут же полегчало. От вида гноя руки у Маргрет затряслись, а по лицу потекли слёзы.

— Ты умираешь, Бальдр, умираешь... — заплакала она.

— Перестань, Маргрет, всё не так плохо, — я притянул к себе, обнял. — Может моя мать поможет, она в Тронхейме.

О перспективах Бессмертия я говорить не хотел, не хотел пугать ещё и этим.

— Она вернулась?

— Да, приплыла с твоим отцом и братом, — сморщился я.

Про то, что отец Маргрет лежал при смерти в Тронхейме, я сказал, но про свою мать, бросившую наш народ, я не стал никому говорить. Как вернулась, так может и сбежать, вновь лишив нас веры и надежды.

Маргрет облизала губы и сделалась ещё более взволнованной.

— Что? — нахмурился я.

— Она знает, — Маргрет указала одними глазами на спящего Лейфа. — Не хочу, чтобы память Хёрда была поправа.

— Она всё знает, но молчит, не беспокойся ни о чём. Я поклялся тебе, что это останется в тайне. Я любил брата, и рад, что у него остался сын. И у нас будет сын, Маргрет, может, ты уже носишь его, — я прикрыл глаза и опустил голову ей на плечо.

Маргрет запустила пальцы мне в волосы и принялась гладить. Я ласкал её спину и бёдра через тонкое шерстяное платье. Ткань скользила по гладкой коже, и я, несмотря на болезнь и усталость, унёс Маргрет в покои. Мы вновь предались любви, а потом я уснул.

Рагги с ликованием ворвался к нам, прервав наше тихое наслаждение.

— Конунг Бальдр, Фатхи зовёт тебя! — выкрикнул он с улыбкой до ушей.

После сна сил у меня особо не прибавилось, наоборот, голова стала будто чугунная. Я встал, натянул штаны, накинул меховой плащ на голое тело и отправился в кузницу. На дворе по-прежнему было темно и ветрено.

Фатхи встретил меня на крыльце и кивком пригласил в дом. Свен, согнувшийся от усталости, вмиг выпрямился при виде меня и поклонился. Он передал мне клинок на вытянутых вперёд руках, я взял его за рукоять. Они с отцом сделали её обычную деревянную и обмотали кожей, как я и просил. Меч был простым, даже грубым, но гладким и острым. Он необычно блестел, как не блестят железные мечи — лезвие переливалось желтовато-белым светом в языках пламени, пляшущего в очаге. Я сделал взмах, рассекая воздух, баланс был отличным, старый Фатхи знал своё дело и хорошо выучил сына. У меня по телу пробежала волна радости от обладания тем, что я давно искал.

— Вы очень хорошо постарались! — воскликнул я. — Прекрасная работа, Фатхи, Свен!

Я пожал руки кузнецам и заулыбался, будто мальчик, которому подарили первого в жизни коня.

Свен сел на скамью, прислонился к стене и вмиг захрапел.

— Не сердись на него: больше суток на ногах, — проговорил Фатхи, — устал мой мальчик.

— И не думал, — ответил я. — Я долго проспал?

— Долго, — усмехнулся кузнец, — остаток ночи и весь день. Уже снова вечер.

Снаружи донесся грохот, похожий на то, как будто сильный порыв ветра сорвал часть дёрна с крыши. Потом раздались шаги под потолком. Свен проснулся от шума, все мы переглянулись и напряглись.

— Варги в усадьбе! — донеслись крики хирдманов со двора.

Глава 23. Последний подарок

Сверху посыпалась земля, затрещали доски перекрытия, я зажмурился от летящих в глаза обломков и прижался к стене. Свен закричал от испуга, но грохот рушащегося дома заглушил его голос. Меня обдала волна ледяного ветра, я открыл глаза и увидел, что над головой зияла дыра в небо. Огромная туша зверя ворвалась в жилище через пролом в крыше и придавила собой Фатхи, который не успел увернуться. Это был йотун, и в доме поместилась только одна его нога.

— Отец, нет! — закричал ошарашенный Свен, бросившись на помощь.

— Стой, куда ты! — рявкнул я, схватил парня за рукав и откинул себе за спину.

Йотун смахнул оставшуюся часть крыши и развернулся к нам со Свеном, я полоснул его Эйсиром, и он одёрнул лапу, как ошпаренный. Близость смерти придала мне сил, боль и усталость будто растворились. Я запрыгнул на уцелевший стол и вонзил меч в тело зверя, метя повыше, ближе к сердцу, если оно у него было, конечно, сердце... Йотун злобно заревел, затопал и попытался ударить меня, я отскочил от его неповоротливого тела. Свен выхватил из очага горящее полено и метнул в чудовище. Йотун развернулся к нему и яростно заревел. Улучив момент, я подпрыгнул, ухватился за шкуру зверя, подтянулся повыше и вставил меч ему в шею. Йотун заметался, затрясся и рухнул вместе со мной на пол. Я оказался сверху и потому не пострадал от удара.

Подняв голову, я увидел Фатхи, лежащего на полу с непривычно приплюснутой грудью, рот его был залит кровью, глаза — открыты и не двигались. Свен склонился над отцом. Я тяжело поднялся на ноги, отряхнулся от обломков, крепко сжал меч и выбежал на двор: нужно было защитить Маргрет.

Свен нагнал меня на крыльце.

— Я с тобой! Помогу! — рявкнул он, перекрикивая ветер.

— Отец мёртв?

— Да!

Холод стоял страшный, тьма клубилась и светилась голубоватым призрачным светом, в котором едва угадывались очертания домов. Ни костров, ни факелов на стенах не было видно — должно быть ветер уничтожил всё. В глаза летело крошево льда и снега, стояла жестокая пурга. Я прикрывал рукой голову, продвигаясь навстречу урагану.

— Свет души моей матери в долгом доме, — крикнул я. — Нужно достать его, чтобы прогнать чудищ! Совсем обнаглели, твари, как они прошли через стены?!

— Они не через стены прошли! — выкрикнул Свен, указывая в сторону на пляшущие зелёные огни.

На нас двигались варги, штук пять, вышедшие прямо из тьмы посреди двора. Я выставил меч вперёд.

— Ну, давайте, суки, попробуйте на вкус мой клинок!

Наглые твари привыкли к тому, что земное оружие не могло их одолеть и бросились на меня. Но я крутанул мечом, рассёк одного, второго, отпрыгнул от зубастой пасти третьего, развернулся и разрубил ему морду. Двое оставшихся припали к земле, будто кланяясь, — я удивился.

— Они признали в тебе хозяина! — воскликнул Свен.

Я хотел было разрубить покорно прижавшихся к земле тварей, но пожалел.

— Пёс с ними, идём в дом! — подтолкнул я Свена в спину.

Рёв ветра заглушал все звуки вокруг, но когда он на мгновения стихал, я слышал неистовое рычание зверей в темноте. Снег хлестал в лицо, слепил, я почти ничего не видел. Чудом мы не сбились с пути и достигли долгого дома.

Я распахнул дверь, внутри шла битва. Стоял гул и рёв. Очаг был разворочен, царил полный погром, в центре зала хирдманы отбивались от варгов горящими палками. Крышу дома раздирал йотун.

— Маргрет! — крикнул я. — Где Маргрет?!

Она махнула мне рукой из-за плеча Сверри. Лейф был рядом с ней. Я успокоился и уверенным шагом двинулся к своему опрокинутому креслу, на котором оставил сумку со светом души матери, по пути разрубил двух кинувшихся на меня варгов.

Сияние озарило зал, когда я взял шар в руку и поднял над головой. Тёмные твари брызнули за пределы освещённого круга, и даже йотун перестал ломиться сквозь крышу.

Маргрет бросилась ко мне и обняла. Лейф тоже прижался. Рагги, Сверри и все, кто был в доме собрались вокруг меня с жутким страхом и отчаянием в глазах.

Я оглядел зал, и моё сердце сжалось. Долгий дом стоял в руинах, снежные вихри врывались в пролом крыши, на лице Маргрет были слёзы, и она дрожала от холода.

— Звери просто пришли из тьмы, их не остановили ни стены, ни костры на них, — сказал Сверри.

— Когда ураганный ветер загасил костры на стене, йотун разметал кострища, — рассказал Рагги, — а потом расшвырял запасы дров по округе.

— Одного йотуна Бальдр прикончил в кузнице, — ответил Свен.

Я оглядел людей: все дрожали от холода.

— Распалите очаг, — приказал я. — Жгите столы и скамьи, Хедвиг разрушен, мы уйдем отсюда.

Хирдманы разломали мебель и уложили в огонь — стало теплее.

— Собирай вещи, Маргрет, — сказал я, погладив её плечи. — Сверри, приготовь лошадей. Все, кто слаб, поедут верхом. Остальные — пешочком. Собирайтесь, утра ждать не будем, оно не настанет!

Пока люди собирались в дорогу, я нашёл кувшин с мёдом, налил в котелок и поднёс к огню.

— Вот так покинем наш дом?! Бросим его на разорение чудовищам?! — ко мне подошёл Рагги.

— Да, — сказал я, плеснув подогретый мёд себе в кубок и предложил Рагги сесть со мной.

— Ведь я рос здесь, — проговорил парень, наполняя себе кубок. — Я не хочу видеть, как тьма пожирает усадьбу и селится там, где похоронены мой отец и моя мать!

— У меня тоже сердце болит оставлять это место, — проговорил я, отпив мёда. — Я унаследовал Хедвиг от отца, здесь жил его младший брат ярл Эйк, погибший в походе, когда я был совсем малолетним. Он не оставил детей. Мне дорога память, но я хочу спасти людей. А усадьбу отстроим, когда победим тьму.

Лейф подошёл ко мне и положил руку мне на плечо.

— Отстроим вместе, — сказал он.

Я накрыл ладонью руку Лейфа и строго поглядел на Рагги. Молодой хирдман почтительно кивнул, опустошил кубок и встал:

— Пойду собирать вещи в дорогу, конунг.

Скоро мы выдвинулись в путь. Я посадил Маргрет и Лейфа на коня и вручил жене в руки сияющий шар, который освещал наш путь, а сам, несмотря на усталость и жар, шагал пешком, держась за лошадиные поводья.

В лучах света души казалось, что ветер становился добрее, и холод не так сильно кусался. Мои хирдманы также отдали своих лошадей детям, женщинам и старикам. Мы шли много часов, усы и борода покрылись инеем от дыхания. Иногда я проваливался в сон, продолжая перебирать ногами, но звериный вой, доносившийся со вьюгой, возвращал меня в сознание. Я прислушивался к ветру, и мне казалось, что я слышу, как Хассер зовёт меня.

— Я знаю, где ты, Бальдр... — приносила пурга. — Я достану тебя и заберу меч...

Я проверил меч, он был вложен в ножны и висел под плащом.

— Что с тобой, Баль? — Маргрет поймала мой обеспокоенный взгляд.

Я поправил ей плащ и плотнее завернул в мех уснувшего у неё в объятиях сына.

— Ничего, Маргрет, — ответил я. — Вот думаю, как назову нашего второго сына, или дочку, если родится девочка.

— И как? — прошептала Маргрет, улыбнувшись мне.

— Сына я назвал бы Хёрдом, а дочь тебе самой дам право назвать, — довольно проговорил я. Я знал, ей было приятно это слышать. И про то, что я действительно примирился с братом, и про то, что уважаю её и даю право быть моей королевой.

Мы добрались до Скоугара, но и там рассвета не увидели. К усадьбе Ингольфа, как и к Хедвигу, тоже вышли тёмные твари, обступили стены и пытались перебраться через них, но свет души вовремя их отпугнул.

Мы немного отдохнули с дороги, поели, погрелись и вновь отправились в путь, в Тронхейм. Люди из Скоугара предпочли пойти со мной, нежели оставаться в осаждённой тьмой усадьбе.

* * *

Годи и Кетиль встретили меня у ворот Тронхейма.

— Ну ничего себе! — воскликнул Годи, склонив набок голову и принявшись рассматривать мой меч. — Неужели это Эйсир?! Ты сумел заново выковать себе меч! Слава богам!

— Да, Годи, не без помощи друзей, — кивнул я на Свена.

Годи широко улыбнулся и радостно обхватил меня за плечи. Кетиль с силой сжал моё запястье и приветливо кивнул. Приятно было оказаться дома, среди близких людей.

— Что случилось, откуда столько людей? — начал расспрашивать Кетиль.

— Тьма разорила усадьбы, время встречи с Хассером слишком близко, — сказал я. — Людям нужна защита, и я им её дам.

Арнвольф тоже вышел поприветствовать меня. Почтительно поклонившись, он подошёл к Маргрет и увёл её к отцу. Конунг Харальд по-прежнему не приходил в сознание, но моей матери удавалось поддерживать его жизнь.

Я вошёл в долгий дом в сопровождении Сверри и хирдманов. Йорунн посадила меня за главный стол, поставила блюдо с мясной похлёбкой и наполнила всем нам кубки.

— Спасибо, Йорунн, ты как всегда очень добра, — поблагодарил я.

— Ты бледен что-то, — потянулась она к моему лбу, — да у тебя жар!

— Да, — я нехотя отломил кусочек лепёшки, нужно было заставить себя поесть. —

Снова рана гноится, мало хорошего...

— Я сделаю примочку с лекарством, перевяжу тебя... — засуетилась Йорунн.

— Не надо, — раздался властный голос Маргрет. — Я сама всё сделаю, отойди от него.

Маргрет прошла в зал из покоев отца и по-хозяйски села рядом со мной. В ревности она была страшна, как коршун.

— Йорунн моя подруга, будь добра с ней, — сказал я, ласково погладив Маргрет по колену, желая успокоить свою яростную фурию.

— Я твоя будущая жена и не хочу видеть, как ты милуешься с другими женщинами!

— Я же старуха, госпожа, — съязвила Йорунн, — что толку с меня. Ревновать совсем ни к чему.

Йорунн медленно отвернулась и прошла к очагу погреть холодные руки.

Я устало вздохнул и откинулся к спинке кресла. Кто бы что ни говорил, но мне было приятно слышать, как женщины из-за меня спорят. Тут пришла мать и прервала мои неблагочестивые мысли.

Она встала надо мной и вытянула руку с раскрытой ладонью. От усталости я сперва и не понял, что она хочет, но потом сообразил. Я достал из сумки на поясе светящийся шар и передал ей.

— Ты рисковала, — сказал я. — Но свет твоей души спас не только мою жизнь, но и жизни многих людей.

— Это ты спас их, Бальдр, — улыбнулась мать, сев к столу напротив Маргрет. Женщины изучающе поглядели друг на друга, и я понял, что мне больше женские споры не нравятся.

— Не будем же тянуть, — сказал я. — Мама, я хочу чтобы ты сегодня же поженила нас с Маргрет, чтобы не вели тут разговоров о том, что я или она бесчестны.

— Сегодня только шестой день со дня смерти Хёрда, — покачала головой мать. — Луна в затмении. Я поженю вас завтра, Бальдр. Не сегодня.

Маргрет, удивлённая моей прямоотой, выпрямилась в кресле и побледнела.

— Хорошо, пусть будет завтра, — кивнул я. — Как конунг Харальд? Он выживет?

— Он давно должен был отправиться к Хель, но я дала ему чуточку своей жизненной силы, мои волосы поседели, ты заметил?

Я поглядел внимательно на мать, она как всегда блистала золотом украшений, бархат платья переливался на чудесно выступающих формах, волосы были пепельно-жёлтые и седину на них увидеть было непросто. Но я разглядел. Несколько прядей на висках засеребрились...

— Да он никогда не замечал никого, кроме себя самого! — вякнул Вали из угла зала.

Меня передёрнуло от его мерзкого голоса, но я сдержался, чтобы не метнуть кинжал ему в плотку. Зараза, сидит в моём доме и смеет что-то вкаты! Если бы не мать, пришиб бы на месте.

— Приготовь покои, — сказал я Маргрет, — устал с дороги, хочу спать.

Нам освободили одну из комнат в долгом доме. Маргрет промыла и перевязала мне рану, напоила лечебным отваром. Я сразу почувствовал, как лихорадка схлынула и начало клонить в сон.

Маргрет пожелала искупаться и забралась в бадью, которую наполнили горячей водой прямо в покоях. Я же лёг в постель, положив рядом с собой Эйсир и поглаживая его

пальцами.

— Сегодня будешь наблюдать? — улыбнулась Маргрет.

— Да, — сказал я, прислонив голову к изголовью кровати.

— Я переживаю, что вступлю завтра в брак без благословения отца... — проговорила она, распуская косу. — Может, лучше подождать, когда он придёт в сознание, или...

— Я не хочу ждать. Я просто не смогу столько ждать, — я похлопал ладонью по одеялу, — самое большое до завтра. Хочу тебя. Здесь. Очень.

Взгляд Маргрет томно блеснул, она отвернулась и принялась натирать плечи мочалкой, а потом мылить грудь. Когда закончила, поднялась из бадьи и собрала длинные волосы в жгут, отпустила с них лишнюю воду.

— Может, мне завтра распустить волосы? — задумчиво проговорила она.

— Конечно!

— Но я же не дева...

— Не важно, я долго этого ждал, распускай, а после, на утро, я их тебе заплету.

Маргрет тепло улыбнулась, натягивая ночную рубашку, забралась ко мне на постель, скользнула под одеяло и обняла меня.

* * *

Солнце больше не поднималось над Истлагом. Дни и ночи в Тронхейме смешались, и сложно было понять, как текло время.

Я проспал рядом с Маргрет долго, может ночь, а может ночь и день. Проснувшись, я почувствовал себя отдохнувшим, тело сладко поднывало и тосковало по нагрузке. Может, лечебный отвар подействовал, а может иногда ночами нужно было просто спать, а не любиться.

Маргрет уже поднялась и порхала по комнате, готовясь к свадьбе. На ней было красное платье с вышивкой, на груди и руках — золото, которое дарил ей в приданое отец-конунг. Я пошевелился, и Маргрет поняла, что я проснулся и люблюсь ей. Она улыбнулась счастливой улыбкой и указала мне на свежую рубашку и новые штаны. Жаль, я очень уж привык к своим, но если женщина требует, лучше молча согласиться.

Я сел на постель и потянулся к Маргрет, но она тут же выскользнула из комнаты, видимо понимала, что наряд её от моего нетерпения быстро придёт в негодность. До вечера ведь теперь будет соблазнять меня и не останется со мной наедине. Ну ничего, ночью я объясню ей, как я соскучился, и она, как всегда, будет просить, чтобы я повторил ещё и ещё.

Я оделся и вышел в зал. Домашние уже во всю готовили пир.

Мать в своём серебристом плаще и с сияющим лицом вошла в зал с улицы и развела руками.

— Ну, наконец-то, проснулся! Всё готово, идёмте в гавань, дадите клятвы богам у воды, чтобы она донесла их в самые далёкие дали, а потом пировать.

Мама торжественно улыбалась, я чувствовал, что ей нравится заправлять церемонией. Я вышел вслед за матерью, Маргрет пошла с Арнвольфом, который взял её под руку.

Несмотря на пургу, мои хирдманы украсили дорогу от долгого дома до причалов многими огнями: на протяжении всего пути наставили факелов. Снег усыпал землю, было светло и чисто. На душе у меня была светлая радость.

У кромки тёмной мерно бьющейся о берег воды стояла мама. Она взяла за руки меня и Маргрет и пропела молитвы, потом брызнула нам в лица морской водой и вознесла руки к небу.

— Теперь она твоя жена, Бальдр, целуй её, — произнесла мать.

Я притянул Маргрет за талию, мех одежды не давал мне насладиться гибкостью её тела, но ничего, наслажусь позже, наедине. Я коснулся губ жены и почувствовал её улыбку. Она обняла ладонями моё лицо и проникла горячим язычком мне в рот. Больше не стесняемся? Ладно. Я поцеловал её так жарко, что даже мать отвернулась.

В зал мы ввалились шумной толпой, я приказал всем пить и есть. Скальд заиграл на лире, а другой начал стучать в барабан. К нам с Маргрет один за одним подходили гости: хирдманы и жители Тронхейма, подносили дары и желали долгих лет правления и много детей. Я всем жал руку и благодарил. Сегодня я был добрым, добрее чем когда-либо бывал в жизни. Даже мой поганый брат Вали не вызывал у меня сейчас особого омерзения. Я увидел, как он по примеру остальных приближается к моему столу, и выпрямился.

— Этот напиток называется вино, — протянул он нам с Маргрет стеклянную бутылку. — Его пьют южные цари. Хочу подарить вам его в день свадьбы и попросить о примирении. Клянусь, отныне я буду тебе верным братом, Бальдр. Прими вино, выпей за мир между нами!

Маргрет поглядела на меня и улыбнулась.

— Сегодня такой день, когда все просьбы должны быть исполнены.

Я стиснул зубы, бросил взгляд на мать, свербившую меня взглядом, и нехотя кивнул брату. Вали наполнил кубки мне и Маргрет, поклонился и быстро растворился в толпе гостей. Меня это напрягло.

Маргрет пригубила и похвалила вино, а я был зол и не смог заставить себя выпить. К нашему столу подошла Йорунн.

— Хочу поздравить вас, — сказала она, — желаю вам счастливой совместной жизни, вы заслужили. Прости, Бальдр, но я без даров, не успела ничем разжиться.

— Брось, Йорунн, ты дала мне больший дар, чем кто-либо из людей, и этот дар ценнее любого золота мира!

Я встал и обнял Йорунн за плечи, бросил мимолетный взгляд на Маргрет, боясь её ревности, но увидел, что она невмеру бледна.

— Что с тобой? — обратился я к жене.

— Ей нехорошо, — воскликнула Йорунн, — дай воды!

Маргрет затоснило, она подорвалась встать из-за стола, но тут же упала, я подхватил её, убрал волосы от лица, увидел синие губы.

Маргрет уже не дышала.

Глава 24. Изгнанник

Я потряс Маргрет за плечи, она не отзывалась. Приоткрыл ей рот и увидел багровый распухший язык. Вино... Её отравили! Я переложил Маргрет в руки Йорунн, выхватил меч и бросился в толпу, где скрылся Вали. Люди в зале затихли и в страхе расступились передо мной. Вали выскользнул в дверь, я — следом. Оказавшись на дворе, я не увидел никаких следов на перемешанной грязи со снегом. Куда делся этот ублюдок?

Я рычал и выл, как зверь, хищно обходя двор. Я искал Вали, но он будто сквозь землю провалился. Ко мне подбежал Годи, единственный, кто не испугался моего страшного вида, не испугался, что я зарублю его мечом в гневе и не глядя.

— Бальдр, мы его найдём! — сказал хирдман. — Я приказал воинам обыскать каждый угол в Тронхейме.

— Я сам его найду, привяжу к столбу, пушу кишки, позову псов и буду смотреть, как они его жрут! А потом отрежу ему член, а потом обрублю кисти и стопы, потом язык, выдавлю глаза... Я буду долго его мучить! — проорал я.

На двор вышел Арнвольф со своими хирдманами, лицо его было белое от гнева, а рука сжимала обнажённый клинок.

— Она мертва! — выплюнул мне в лицо Арнвольф. — Моя сестра мертва из-за тебя!

Я схватил его за ворот мехового плаща, резко притянул к себе, боднул головой и оттолкнул. Арнвольф повалился на грязный снег с рассечённым в кровь лбом, его люди принялись поднимать брата моей погибшей жены. Я ушёл.

— Потушить все огни, везде, кроме долгого дома! — приказал я.

— Но как же твари? — сказал Годи. — Они ведь тут же столпятся во дворе?

— И прекрасно! — прошипел я. — Пусть все люди идут в дом, если я увижу на улице хоть тень — убью на месте, чьей бы она ни была. Я хочу выкурить Вали, он где-то прячется.

Я сам лично вырвал из земли несколько факелов, стоявших посреди двора и утопил пламя в грязи.

Арнвольф поднялся на ноги, поглядел на меня, недовольно потирая окровавленную бровь, видно хотел вновь подойти — поругаться, но вовремя понял, что это будет стоить ему жизни. Постояв с минуту, он вместе со своими хирдманами утопал в долгий дом. Я остался на улице совершенно один. В темноте. Холод противной змеёй ползал у меня по коже, ветер раздувал полы плаща, снег ложился на плечи. Я чувствовал, как пекло рёбра под повязкой и гной сочился из вскрывшейся от резких движений раны. В висках пульсировала кровь, тело полыхало жаром. Руки и ноги плохо слушались — мне недолго осталось. Но долго я и не хотел.

Тьма вокруг меня заклубилась, всполохи голубого сияния, словно грозовые молнии, вспыхивали один за другим. Сквозь рёв ветра донеслось звериное рычание. Сама тьма распахнула пасть перед моим лицом, я отклонился от клыков и рассёк несущееся мимо меня чудовище мечом. Я почувствовал, как клинок прорезал что-то живое, тяжёлая туша ударилась о землю, пару раз мигнули зелёные глаза и закрылись. Это был варг.

Я подошёл поближе разглядеть тушу зверя, но мне не дали это сделать. Ещё один зверь подлетел справа, и слева — ещё один. Я прокрутился с мечом, дав по зубам сначала одному, потом второму, располосовал их и яростно разрубил.

От движения мне стало жарко, холод уже не ползал у меня по телу, я весь горел, горел

от ярости, от гнева и от боли, что лишился Маргрет.

Из темноты снова вышли звери, было много сверкающих глаз, они медленно приближались ко мне, окружали, но пока не нападали. Я выставил вперёд меч и угрожающе покружился с ним. Я хотел боя, хотел умереть и отправиться вслед за Маргрет, но пока рано, сперва убью Вали! Я так разъярился, что атаковал варгов первым. Они брызнули прочь, рассеялись от моего удара. Ничего не понимая, я развернулся и вновь попытался достать их мечом. Звери легли на землю, положили морды на лапы, пригнули уши и заскулили — сдались.

— Вы что издеваетесь?! Защищайтесь! — проорал я и со свистом распорол воздух над их головами.

Варги ниже пригнули морды и уши, показав полное повиновение. Я перешагнул через лежащих глупых зверей и направился в гущу мрака на поиски Вали. Не мог он далеко уйти! Варги поднялись и пошли за мной.

Я обошёл каждый дом Тронхейма, заглянул к каждому очагу и затушил их все. Людей нигде не было — я приказал всем укрыться в долгом доме, все послушались — и правильно сделали.

Я бродил по стылomu городу несколько часов, устал, сил почти не осталось. Но я хотел устать: истощение притупляет боль. Вали нигде не было, он как растворился. Ладно, нужно вернуться в зал и выпить чего-нибудь, а то я уже еле стою на ногах. Маргрет ещё не остыла, обниму в последний раз.

— Сидеть и сторожить! — приказал я варгам, они улеглись у крыльца.

Интересно, они могли бы сделаться моими домашними псами?

Я вернулся в долгий дом. Несмотря на скопление людей, царил тишина, и при моём появлении она стала вовсе звенящей. Я слышал каждый свой шаг, пока шёл к своему высокому креслу. Маргрет уже унесли, наши места были пусты. Я молча выпил. Годи тяжело вздохнул, поглядев на меня и мрачно покачал головой.

— Где она? — хрипло сказал я.

— Положили в ваших покоях, — ответил хирдман.

Я опорожнил ещё один кубок и двинулся в покои, где мы с Маргрет провели прошлую ночь. Проходя мимо занавеси женской половины, в гробовой тишине дома я услышал едва уловимый шёпот. Это был голос Йорунн. Я остановился и прислушался. Она молилась. Я хотел двинуться дальше, но вдруг разобрал то, кому она молилась... Богине смерти Хель.

— Госпожа моя, — просила Йорунн. — Забери у меня оставшиеся дни и переложь их на дорогу Маргрет, пусть жизнь её продлится чуть дольше. Не пускай её в свой чертог, верни назад, возьми меня вместо неё...

Я решительно распахнул занавесь и увидел Йорунн. Она стояла на коленях, обращённая к разведённому в горячей чаше огню и держала в руках деревянного идола Хель. Я схватил фигурку у неё из рук, переломил пополам и швырнул в огонь.

— Бальдр! — запричитала Йорунн. — Зачем ты сделал это?!

— Зачем ты делаешь это? — рявкнул я.

Йорунн ударила меня в грудь слабыми кулаками и залилась слезами.

— Хель уже пришла и слышала то, о чём я её просила, а ты помешал! — простонала она, содрогаясь от плача.

Я обнял Йорунн, погладил по спине. Понемногу она принялась успокаиваться.

— Ну, что ты, глупая? — сказал я. — Ты такая добрая, Йорунн. Никогда, слышишь... —

я отстранил её и поглядел в глаза, — я ведь никогда не буду счастлив, если ты пожертвуешь собой, ради моего счастья.

Вдруг в покои ворвался ветер и задул огонь в горящей чаше. Зола разлетелась по комнате, попала мне в глаза и рот. Я отплевался, схватился за меч и отбросил Йорунн за спину, испугавшись, что йотун принялся ломать крышу.

— Сейчас я покажу ему, кто тут главный! — прошипел я, двинувшись вперёд.

Комната замерцала голубым огнём, весь дом пришёл в движение и превратился в преодолеваемую штормовыми валами ладью. И из всполохов сияния возник силуэт человека. Пронизывающий холодом до костей ветер усилился, чёрный человек приближался.

— Хассер! — взвизгнула Йорунн. — Он прошёл сюда из межмирья, это я своими молитвами к Хель показала ему путь! Прости, Бальдр!

Старуха срывалась в плач, я взял её за плечо и развернул к себе.

— Ты ни в чём не виновата, Йорунн! Иди, предупреди остальных!

— Бальдр... — проскрежетал низким голосом тёмный бог. — Теперь я знаю твоё имя и кто ты... Я уничтожу тебя!

Капюшон скрывал лицо тёмного бога, а белая борода, заплетённая по-воински, внушала мысли, что в бою он покруче, чем я. На меня накатила ужас. Сложно мериться силами с бессмертным богом, даже если у тебя в руках Эйсир. Нужно очень много сил, и причём нефизических, чтобы поднять меч.

— Порвать его! — приказал Хассер, и из тьмы вырвались оскаленные пасти варгов.

Звери бросились на меня. Я выставил вперёд меч, свернул морду одному, второй успел полоснуть меня когтями в грудь: я всё же очень устал и уже еле держался на ногах. На меня прыгнул третий и повалил на пол, я вставил ему в пасть крестовину меча и порвал глотку, но сам ударился головой о стену, да так сильно, что в глазах заплясали разноцветные круги, но меч я не выпустил.

В покои ворвались хирдманы с горящими факелами, и при появлении огня тёмные твари отступили. Годи поднял меня на ноги.

— Как ты, конунг?

— В порядке! — рявкнул я, хотя сам чувствовал, что у меня по затылку и по груди сочится кровь. — Отойдите...

Вновь порыв ураганного ветра ударил в лицо. Мы пошатнулись, факелы потухли. Всполохи синего сияния превратились во вспышки молний, раздался грохот, нарастающий рёв и жужжание. Хассер вышел из темноты, взмахнул рукой, и невидимая сила ударила меня в грудь, чуть не вырвав сердце.

Пол под ногами закачался, я услышал, как зал заполнили людские крики, раздался треск снимаемой йотунами крыши.

— Взять! — вновь приказал Хассер варгам.

Я крутанул мечом, готовый отбить атаку, твари поглядели на своего убитого собрата, валявшегося у меня под ногами и замерли.

— Взять! — повторил приказ Хассер, в его голосе прозвучало недоумение.

Неужели, он способен на человеческие эмоции? Это осознание придало мне сил. Я рассмеялся.

— Взять! — уже я повелел варгам, указав на тёмного бога, и они повиновались.

Хассер сомкнул руки у груди и затем нарисовал в воздухе круг. В следующий миг в меня ударила невидимая волна, разметавшая мебель, варгов и остатки золы. Я повалился на своих

хирдманов, и мы выкатились в зал. У меня хрустнуло колено от удара, резкая боль пронзила ногу, я замычал, попытался подняться, но не смог.

Тёмный бог поднял тяжёлую горящую чашу, в которой только что потух огонь, и с силой замахнулся ударить ею мне в голову. Это был бы конец. Но тут Лейф метнул в Хассера нож. Несмотря на то, что освещенный всполохами зал был достаточно тёмн, парень перебил тёмному богу гортань. Это, конечно, не убило его и не остановило, но он немного замедлился, и я успел откатиться вбок, где Годи помог мне встать на ноги.

Хассер разъярился от дерзости мальчика и развернулся к нему. Спина его оказалась уязвима для меня. Я сжал рукоять Эйсир, осознавая, что вот он — шанс убить тёмного бога. Но я поколебался перед ударом в спину. И ещё меня сковало другое сомнение. Ведь, убив его, я получу Бессмертие! И тогда мы никогда не встретимся с Маргрет...

Мои сомнения сошли в тот миг, когда Хассер замахнулся в моего сына огромной чугунной чашей. Я тут же, не раздумывая, метнул в него меч. Тёмный бог согнулся, чаша выпала у него из рук и с грохотом ударилась о пол.

Перебарывая невыносимую боль в ноге, я бросился к нему, вырвал меч у него из спины, ударил эфесом в затылок — череп хрустнул. Я вонзил клинок Хассеру меж ключиц, протыкая лёгкие. Я действовал со зверской жестокостью, позабыв о всякой чести. Тёмный бог повалился на живот, издавая не то хрипение, не то бурление.

Я развернул его к себе лицом, скинул капюшон с головы. Обычный старик с лысым черепом, глаза тусклые, испуганные, побеждённый взгляд. Губы дрожали, и меж них вытекала кровь. Когда-то он был человеком... Я поднял над головой Эйсир и колом вонзил в грудь Хассера, чтобы прекратить его земные страдания.

Запахло свежей кровью. Люди зашевелились, разожгли огни. Йотуны и варги растворились во тьме. Я поднял голову и посмотрел на сына.

— Как ты, Лейф? — спросил я.

Мальчик кивнул, облизнул губы и вытер вспотевший от страха лоб.

— Ты убил его бесчестно в спину! — раздался знакомый голос, который я давно не слышал, и по которому скучал. Я повернул голову и увидел конунга Харальда, стоявшего среди прочих воинов. Взгляд его блестел, лицо было полно мучительной тревоги.

— Ты давно поднялся? — спросил я его.

— Перед тем, как началось всё это колдовство... — ответил он. — Но ты убил его бесчестно, Бальдр, за это требуется суд! Ты совершил беззаконие и не можешь быть правителем.

— Что?! — гневно прищурился я, опёрся об Эйсир и тяжело поднялся.

К своему удивлению, я заметил, что колено почти не болело, и кровь из ран не текла. Я сделал глубокий вдох, проверить, как отзовется гнойная рана на рёбрах, но она промолчала. Меня больше не лихорадило, и даже голова не болела.

— Я пришёл спасти Тронхейм от нападения конунга Олава, — сказал Харальд, надвигаясь на меня. С ним рядом был Арнвольф и десятка два хирдманов.

— И я благодарен тебе, конунг Харальд, — выдавил я.

Меня затошнило от такой помощи.

— Нет, ты не понял, я спас его для моего зятя Хёрда и моей дочери Маргрет, и для их сына, моего внука Лейфа! Но Хёрд мёртв! И Маргрет мертва из-за тебя, ты пожелал жениться на ней, чтобы занять трон!

— Не так всё было! Я любил её! — рявкнул я.

— Если бы ты любил её, то дал бы пройти положенному году скорби! А от неё пахнет тобой! Ты опозорил её и свой род. Править на Истлаге будет Лейф, а не ты, Бальдр, ты чудовище!

— Не большее, чем любой из людей! — прошипел я.

— О тебе ходят слухи за морем, — продолжил Харальд, — что ты был мёртв и ожил! Люди не примут этого, ты должен уйти!

— А что ещё я должен?! — взревел я и двинулся на Харальда. — Хочешь отнять у меня Право, так сразись со мной! Уступать я не намерен!

— Сражусь! — конунг извлёк меч и шагнул вперёд.

Храбрый поступок. Харальд всегда был храбр, и мне стало очень горько от того, что старый друг пошёл против меня. Мы скрестили клинки. Я почувствовал, что конунг слаб, удары его были ватными. Я опрокинул Харальда на пол и приставил остриё меча к горлу. Я мог убить его, но не стал. Чёрная душа Хассера бушевала во мне, я чувствовал ярость и ненависть, с которыми жил тёмный бог, но я не такой, как он, я не чудовище.

Я убрал Эйсир в ножны.

— Будем считать, что поздоровались! — сказал я, протянув Харальду руку.

Конунг взялся за ладонь и встал.

— Может, ты и правда остался прежним, — проговорил он. — Может, я зря на тебя наехал...

— Прежним я точно не остался, — пожал я плечами. — Пошли выпьем.

Мы обнялись с Харальдом, и я повёл его к столу.

— Мёда и пожарть принесите! — приказал я.

Через проломленную крышу в дом влетел холодный ветер, и разгоревшийся очаг затрепетал от его порывов.

— Годи, заделайте дыру немедленно! — кивнул я хирдману.

На полу блеснули светлые круги, я вновь поглядел на пролом в крыше и, узрев солнце, улыбнулся, как дурак. Весь зал окрасился в жёлтый и розовый, лица людей расцвели. Над Истлагом наступил долгожданный рассвет впервые за очень долгое время.

Мы выпили с Харальдом, и я пошёл к Маргрет, хотел увидеть её в последний раз, лежащей на постели перед тем, как увижу в могиле.

Я вошёл в покои, а там сидела моя мать, а на руках у неё сидел Вали, бледный и в слезах.

— Прости меня, Бальдр! — завыл он сразу, как увидел меня.

Я достал меч и приказал себе внутренне не слушать вопли.

— Бальдр, прости-и, — проскулил брат, — я не хотел её смерти!

— Пока я тебя по всей усадьбе искал, ты тут сидел?! Скотина!

Я схватил Вали за рубашку и толкнул на пол, не хотел испачкать в крови ни мать, ни Маргрет.

— Бальдр, остановись! — прокричала мать.

Я опустил меч, разрубив Вали. Кровь брызнула в стороны. Мать завизжала. На крики прибежали люди. Я рубил яростно, не останавливаясь, пока от брата не осталась кучка кровавого мяса и костей.

— Отдать псам! — приказал я и убрал меч в ножны.

Я вернулся в зал и продолжил пить. Один. Никто не посмел ко мне приблизиться.

— Если ты останешься здесь, я уйду, и Истлаг вновь лишится моего благословения, —

сказала мать, подойдя, наконец.

Я поднял голову и увидел её бледное лицо, вокруг глаз горели тёмные круги. За спиной у неё стояли испуганные моим зверством люди, Лейф с отпечатком ужаса на лице выглядывал из-за плеча матери. Я протянул руку, чтобы налить себе ещё мёда, и все вздрогнули. Харальд стоял тут же, но теперь отмалчивался. Мне вдруг стало противно. Я боролся за них, я хотел для них мира и света, и они получили его, но меня принять не хотят, не хотят меня понять.

— Если ты покинешь Истлаг, Лейф останется править, я буду с ним и помогу ему, и конунг Харальд поддержит и защитит его от чужих, — сказала мать.

— А что ты скажешь, Лейф? — поглядел я на сына. — Ты тоже хочешь, чтобы я ушёл? Парень вздрогнул от моего взгляда, но набрался смелости выйти вперёд и ответить: — Ты хотел убить моего отца, ты бросился на него с ножом — я никогда не забуду этого! — гордо поднял голову Лейф. — Ты спал с моей матерью, заставлял её изменять отцу! Я желаю изгнать тебя, дядя Бальдр!

— Что ж...

Я встал из-за стола и пошёл на причал, взял длинную лодку и подтащил к воде.

— Бальдр! — окликнула меня Йорунн, бегущая мокрой гальке. С нею были Рагги, Годи и Кетиль.

Я поскорее сел в лодку и принялся грести, не хотел прощаться. Годи бросился в воду и поплыл за мной, пока у него были силы, потом начал теряться меж волн. Я не хотел, чтобы мой друг утонул, направил лодку к нему и помог забраться на борт.

— Бальдр, мы пойдём с тобой! — сказал он, отжимая бороду.

— Нет. Никто не пойдёт со мной! — сказал я.

Я правил лодку к причалу, чтобы оставить Годи на берегу. Кетиль ухватился за нос и подтащил нас к берегу. Йорунн забралась ко мне и обняла.

— Что же ты, оставить нас решил?! — поругала меня она. — Не надейся!

Я поглядел ей в глаза, полные тоски и любви ко мне. Я ведь тоже любил её до того, как встретил Маргрет. Я поцеловал Йорунн в губы нежно и благодарно, а потом отстранился.

— Неужели... — прошептал я удивлённо, поглядев на колдунью.

Годи, Кетиль и Рагги тоже воскликнули от удивления. Йорунн принялась себя ощупывать.

— Что случилось? — не понимала она.

— Ты помолодела, — сказал я, любуясь её красотой.

Кожа Йорунн разгладилась, пропали все морщины, грудь подтянулась, взгляд сделался живее, волосы заблестели на солнце.

— Ты вернул мне молодость! — проговорила она. — Ты выполнил клятву спасти Истлаг...

— Твоя истинная любовь и самоотверженность вернули тебе твою молодость, милая, — сказал я.

Йорунн вновь приникла ко мне, погладила по животу и скользнула ниже по бедру.

— Разреши мне быть с тобой, и я сделаю тебя счастливым, — прошептала она мне в ухо. Я выпустил Йорунн из объятий.

— Мне не вернуть тебя, — грустно покачала головой она.

Я мрачно кивнул.

— Я награждён Бессмертием, друзья, — сказал я. — А значит, обречён на одиночество.

Я не хочу больше вести за собой людей. Ищите своё счастье сами. Здесь или в другой стране. Годи, я буду благодарен тебе, если останешься при Лейфе и попробуешь вложить в его глупую белокурую голову хоть какую-то добрую память обо мне. Больше всего меня злит, что сын меня ненавидит.

— Так он твой сын? — усмехнулся Годи.

— Мой! — с гордостью ответил я. — Но я поклялся Маргрет во имя память Хёрда молчать. И вы молчите. Рагги, — повернулся я к молодому хирдману, — Хедвиг теперь твой, наведи там порядок. Кетиль, — кивнул я воину, — ты верно служил мне. Будь с Рагги и помоги ему, он ещё молод. Йорунн... — повернулся я к подруге, — усадьба на Песчанном берегу навсегда останется в моей памяти, спасибо тебе за всё, что сделала для меня. По мне, ты более достойна быть хранительницей Истлага, чем моя мать.

Я простился с друзьями, Кетиль вытолкнул лодку в море, я положил вёсла на воду и принялся грести. Когда отгрёб достаточно далеко, достал Эйсир и с мыслями о невыносимости потери Маргрет направил себе в грудь. Я надавил, но меч не входил.

— Ничего у тебя не получится, — просвистел над волнами голос Хель. — Эйсир колет только в руках врага.

Вдруг сама богиня смерти явилась передо мной и села на скамью напротив.

— Верни Маргрет, — сказал я. — Я готов отдать тебе десять тысяч своих дней, забери мою вечность, оставь нам с ней лишь дни для одной человеческой жизни.

— Может и вернула бы, но я не могу, — ответила Хель. — Я не могу вернуть двоих, один из которых ещё не рождён. Внутри Маргрет был твой ребёнок.

Я стиснул зубы и направил печальный взгляд в бескрайний горизонт. Волны бились о борта, ветер трепал волосы: мои и богини смерти.

— Однажды ко мне в чертог пришёл путник, — сказала Хель. — Но он не был мёртвым. Он сказал, что долго плыл, плыл пока земной мир не перетёк в подземный. Он достиг Хельхейма и ушёл от меня живым.

— Ушёл живым? — я поднял на Хель удивлённый взгляд.

— Только не говори никому, — она склонилась ко мне и натянуто улыбнулась.

— Как далеко нужно плыть и в каком направлении?

— Не знаю. Тот путник пока не возвращался, чтобы рассказать.

Хель вмиг растворилась на ветру, я вновь остался один, взялся за вёсла и принялся грести.

Конец первой части.

Больше книг на сайте - Knigoed.net